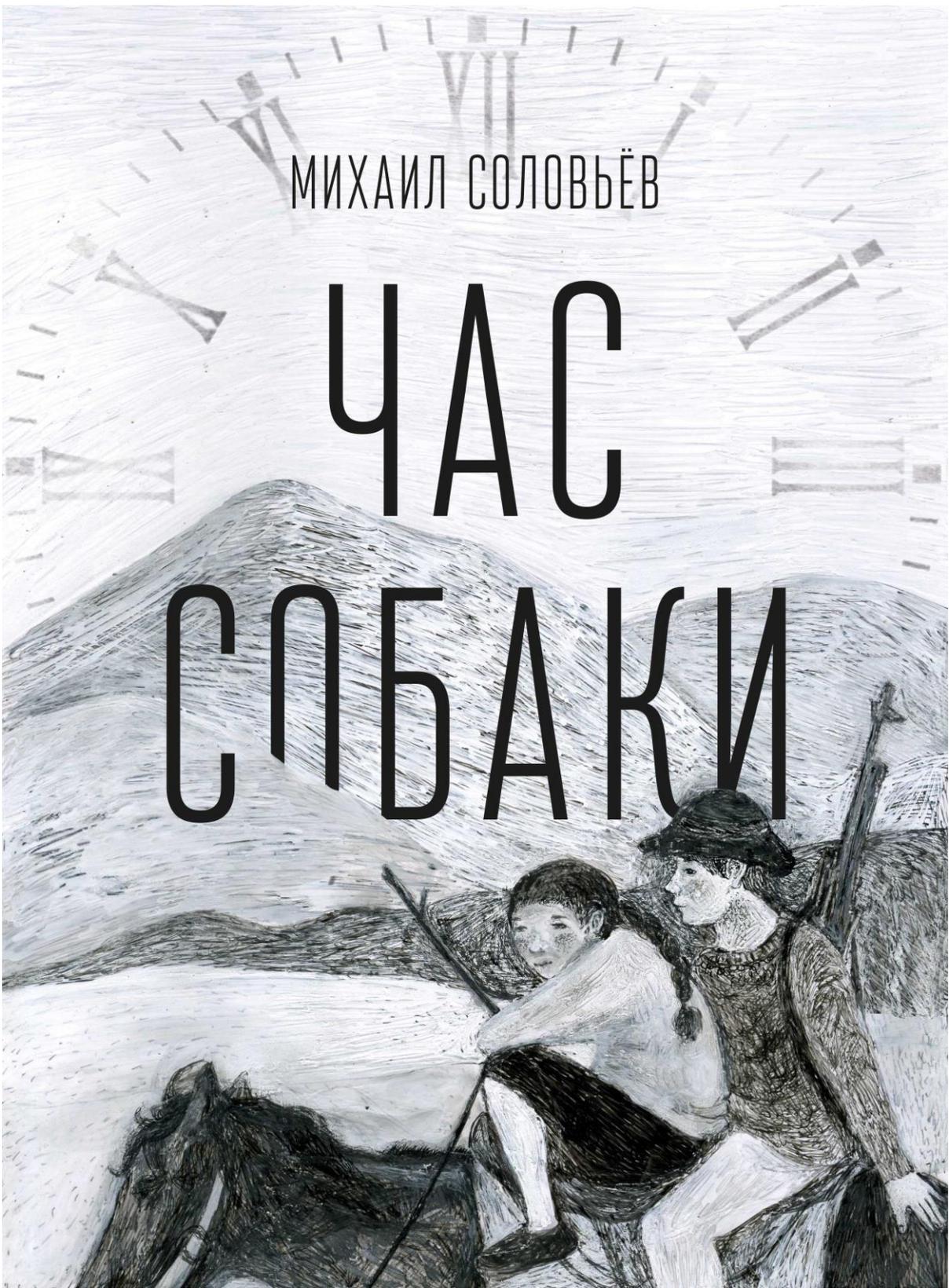

МИХАИЛ СОЛОВЬЁВ

ЧАС СЛБАКИ

[Переход на сайт автора*](#)

Оглавление

«00»	5
Иркутск. Апрель. Сборы.	6
Тофалария. Шаманка.....	10
Иркутск – Бурятия. Монетка.	13
Тофалария. Шаманское золото.	16
Иркутск-Бурятия. Улица Индиры Ганди.	18
Тофалария. Шаманские видения.....	22
Бурятия. Колесо.	24
Тофалария. Шаманка и Ворон.	27
(далекий 1920-й г.)	27
Бурятия. Еще колесо.....	29
Бурятия. Вой.....	34
Мишкины соображения.....	35
Отцовская рука.	39
Ни машин ни связи	40
Не наш клад... ..	43
Ещё колесо... ..	46
Вой.....	49
Под прицелом.....	52
Дарицу и Евлампий.	54
Наши-Ваши.....	56
Взрослые тайны	59
Кувалда и яки.....	61
Отцовское слово верное	65
Прибайкалье, 1920 год.....	66
1920 год.....	70
Змеиные горы. Усть-Орда.	70
Иркутск. Июль.	75
(настоящее время).....	75
Юрта-пертроглиф и первая проблема.	79
Пленный тувинец.....	84
Выручать надо.....	87
Только не убивать.....	90

Кто там за стенкой	92
Побег	95
В плену	97
Картечь	100
Солнечные блики.....	102
По следу	104
Кайгалы рода Ак-Чоод.....	107
Нюхай воздух	109
Попались русские... ..	112
Гости	114
Основное на потом.....	116
Старый Хонай.....	118
Странная тишина	121
Шаманская присказка	123
Двойной кордон	125
По речке Додот.....	128
Конь гора	130
Одержимый	132
Думай тоф-хааши!	135
Клятое завещание.....	137
Голова хорошо - две лучше.....	139
Солнечные блики.....	141
Жертвенник.....	143
Вой.....	146
Наган и золото	148
Ближний бой.....	150
Я к тебе приеду.....	153

#

#

#

"Солнце уже зашло, а темнота еще не спустилась. Именно это время и называется «Часом собаки».

Размыты сумерки... Кусты ждут тебя на обочине? А может люди? Придорожные камни лежат, или затаился кто?

Размыто всё в Час Собаки... Размыто – не уловишь...»

[^]

«00»

Только-только на край пещеры забрались мальчишки, как усталость на Мишку навалилась. В обычной жизни можно хоть до утра беситься, а тут каждую жилочку разом почуял.

Но нет времени удивляться – идти надо, хотя вон и Чичек у скалы притулился – ноги вытянул, и Санжа на корточки присел.

Тут сверху опять вой слышится.

– Уауы-ы-ы-у... – несется по проходам голос «хранителей» «Конь-Горы», – Никуда не ходи-и-и...

Может, и верно Санжа про ветер говорил, но вспоминает вдруг Мишка шаманкину присказку – «Вой начнется – наружу не ходи...».

Неожиданно Чичек фонарик тушит. Без предупреждений.

– Шаги слышите? – шепчет.

И впрямь полна шорохами «Конь-Гора».

Камушки цыкают-хрустят – сильно на поступь похоже.

Тут в проломе, откуда мальчишки выбрались, свет появляется.

Льется сверху пеленой серебристой, а в свете мелочь каменная сверху сыплется – будто спускается вниз кто.

– Аыу-у-у-у-у... – воет голос еще, и кажется мальчишкам – ближе он стал.

– Ветер это, – Санжа шепчет, но нет уверенности в его словах.

– Там же ступени наверх, – Чичек шепчет, а сам на край скалы ступает и в «колодец» выглядывает.

– Ая-а-а-а-а, – невидимка сверху воет.

– Шыссы-тык-тук-чик, – камушки сыплются.

Отшатнулся мальчишка-тувинец от края – глаза от пыли скальной протирает.

– Нету никого там, – шепчет, – Ступени только. Небо видно. Луна светит...

– Значит ветер все-таки, – Санжа поднимается, – Пошли что ли?

Вроде и разъяснилась ситуация, а нет спокойствия у Мишки.

«Может, Сафа перед смертью как раз про этом вой говорила? – идет он следом за Чичеком, – Что это? Поверье шаманское или на самом деле опасно снаружи?»

Идут вглубь горы мальчишки.

Луч фонарика по стенам мечется. Три фигурки бредут настороженно – каждый шаг аккуратно пробуют.

Поворот.

Освещает фонарик вдруг пасть огромную, раззявленную, прямо по курсу.

Клыки белые чуть не в палец человеческий торчат – глаза огромные в свете искрятся.

– Ох, ты, – только и сказал Чичек, а Санжа с Мишкой как стояли, так и замерли.

– Айа-а-а-а, – несется голос, и не позади за поворотом он теперь слышится, а прямо из пасти с клыками.

ЧАСТЬ I

...

Иркутск. Апрель. Сборы.

(настоящее время)

– Никаких шаманских штучек, – строжился отец, рассматривая, как Мишка укладывает в дорогу сумку, – Никаких оберегов, что буряты тебе в Орде¹ надали!

Фраза звенела командной медью.

Птахин младший лишь вздохнул и молча продолжил паковать ситор. Батю в занудливости не остановить – перед каждым выездом по десять раз одно и то же талдычит.

По-своему-то прав отец, и когда стал он брать повзрослевшего паренька на выезды, тот все-таки научился помалкивать.

Было ради чего терпеть-приспосабливаться.

Оказалось совсем рядом с городом и горячей-холодной водой другая жизнь идет.

¹ Здесь поселок Усть-Орда в Иркутской области.

К примеру, на отцовской малой родине в каких-то семидесяти километрах от областного центра хранит каждая семья поселковая в обязательном порядке дедовское наследие. Керосиновые лампы, примусы, самовары, а к ним обязательная канистра с тем самым керосином.

– Чего морщисся, паря? – смеялся как-то дядька Семен, глядя, как Мишка обнюхивает измазанные руки, – Шибает? Мы-то с батей твоим в аккурат лет до десяти без света жили. На карасине всё... Иной раз и щас бывает – наследством пользуешься ...

Забавно, но манящее словечко «наследство» никогда не звучало в том семейном кругу издевательски. По городским-то меркам – кому нужен этот хлам кроме отцовских друзей антикваров? А тут гляди-ка...

В тот самый первый приезд отец как раз часть общего «наследия» дедовского в город забирал. Долго вздыхал дядя Семен над лапкой сапожной – прощался будто.

Получалось, Мишкин прадед еще в тридцатых годах в депо её сварганил из разнокалиберных огрызков-остатков железных.

Ночью с дежурства выносил... В те времена за такую вольность можно было разом и в тюрьму угадать – строгим было государство: народное железо? – не трогай!

Как переехала лапка та в город, паренек все её сварные швы на стыках рассмотрел – сейчас каждый приливчик металла наизусть знает. Да и лапка-то оказалась с фокусом – подписал ее сваркой прадед. В самом укромном месте, на пяточке, инициалы свои наварил.

Когда батя историю ту рассказывал, удивлялся Мишка: если опасно так было в те годы, зачем обозначался-то? Ответ простым оказался: если свободен человек – то свободен всегда, и никакие запреты ему не помеха.

Однако история та давно уж была, и походили-поездили сын-отец Птахины немало. И в глухие места Байкальские, где только звон комариный. И в поселки северные, где люди небогато живут, но счастливы почему-то. Откровенно улыбаются люди в тех далеких углах – жизни радуются, не чета городским, а книжек уж точно намного больше читают.

Мишка батиной серьезности сильно удивился, когда интересовался: откуда, мол, в тех бараках деревянных библиотеки целые почти у каждого. Оказывается, жизнь у любого человека может повернуться за годы его хоть трижды. Барак-то барак, а при СССР бамовцы дома такие коттеджами называли. Много зарабатывали люди в тех «комариных углах», почему и уезжать не уезжали – на старость копили, а жизнь, глядишь, опять повернулась – сначала начинай.

Или взять, к примеру, бурятов, что батя сейчас вспомнул. Там как по земле ихней поедешь, так через пять-семь километров святые места шаманские – брызгать надо водкой или ленточки вязать на ветках – жертву значит приносить. Не делаешь – косо смотрят. Объясняешь (как батя учил), мол, другой веры я – отстают.

Один священник буддистский, в красную тунику одетый, разъяснял как-то в Ольхонском² дацане³ постулаты веры той бурятской. Перемешались, оказывается, здесь шаманизм с буддизмом – не скovyрнуть. Лама еще шепнул Мишке на прощание, мол, правильно делаешь, что своего придержи-ваешься – нет ничего хорошего в шаманизме. А что до Мишки, так он бы с удовольствием косичку с ленточкой цветной на березке завязал – красивый обряд, да и брызгушки⁴ бурятские всегда чистенькие-прибранные...

А сегодня батя напрасно шумит, и обереги Мишка с собой брать не собирался.

² Ольхон – остров на Байкале

³ Дацан – буддистский Храм

⁴ Брызгушка – от слова брызгать, придорожное молельное место (бурят.).

Достал их, как всегда, перед дорогой, посмотрел на причудливый орнамент, да и убрал обратно в ящик стола. Рассудил просто: если уж сработает шаманская штука, так и вовсе не обязательно с собой носить – издалека за хозяином «присмотрит».

– Нож? Спички? – батя пытается, – Ичиги-варежки не забудь.

Мишка уж и фыркнуть попробовал, мол, апрель на дворе – не зима, но отец непреклонен — бери и все тут, мол, в глухих местах всяко бывает.

Карту неделю назад смотрели. Не так и далеко оказалось – километров шестьсот, а как батя фотки показал, понял Мишка: нашел-таки Птахин старший «Шамбалу» свою, где и людей-то нет.

Когда отец впервые в те места на Монгольской границе съездил – изменилось в нем что-то. Задумчивый стал. На зов старых товарищей по Байкалу на корабле гулять не реагирует. В Тыву с веселой компанией на вертолете не желает.

Мишка отца понять никак не может: давно ли он Тофаларией⁵ или той же Тывой переболел?

Да и переболел ли?

Вон она, вещица странная из Тофаларских походов... Стоит среди разрозненных экспонатов Птахина старшего за стеклом секретерным. Пять американских долларов, напололам разорванные и в рамочку оправленные. Когда единственный раз Мишка с отцом в столицу Тофаларии Алыгжер катались, видел он, как батя с шаманкой Сафой шептался и купюру эту ей показывал...

Мало что помнил паренек за тот случай: навалился на него тогда жар. Простыл – не простыл, а только горел весь... Шаманка-то минут тридцать колдовала над мальчишкой и... упала температура. По всему бы спать ему после, но только батя с Сафой заговорили – прошла дрема...

Еще бы... Охнула шаманка над долларами батиными нешуточно – будто призрак увидела, а Мишка разом в слух обратился.

В разговоре 1902-й год поминали, а бумажка, что в рамке стоит – 1905-го. Значит, несколько долларов таких было, и раз уж эта в рамочке мимо отцовских коллекций «болтается» – значит, не закончилась та давняя история...

⁵ Тофалария – автономия в Иркутской области. Национальность Тофы. Столица Алыгджер - №1 на карте 1.

КАРТА № 1

...

Тофалария. Шаманка.

(шесть лет назад)

Отблески из поддувала беленой печки причудливо скользили по грубым доскам пола.

Яростный треск лиственничных поленьев рвал пространство «короткими очередями», пытаясь вырваться за чугунную дверцу.

Мальчишка лет девяти спал на возвышении из нескольких «солдатских» односпальных матрасов, раскинув руки так, будто пытался объять всю комнату.

Старуха с дымящейся трубкой устроилась на низенькой табуреточке около печи и трогала ему голову засохшей будто ветка смуглой рукой.

Следом она запахнула у него на груди рубашку, закрывая причудливо расшитый маленький мешочек на кожаном ремне.

– Е-е-е-е Уа-а-а-й Орго-о-о-о-о-о... – тихонько запела шаманка и стала внимательно смотреть на дымок из трубки.

Видимо, не найдя там ничего примечательного, бабка подняла с пола причудливо распisanную трость из гнутого корня березы и с силой ткнула ей в двери комнаты.

– Заходи, – шикнула она в темноту проема, – Спадает горячка. Да! И пусть Евлампий кружку воды принесет. Холодной!

В дверях появилась ёмкая мужская фигура. Судя по легкой нерешительности это был все-таки гость, а никак не Евлампий, кому предлагалось нести воду.

– Садись, – тыкнула старуха посохом в крепкий с виду табурет, – Садись – не переживай – хорошо все будет...

– А что с ним такое? – Явно пытался прояснить ситуацию отец, – Ни с чего началось-то...

Старуха расхохоталась. Серые волосы, собранные в пучок на затылке, затряслись в такт мелким звукам, прерываемым лишь канонадой поленьев...

– Е-е-е-е Уа-а-ай... – пропела она, оголяя еще раз девственно-голые десна без единого зуба... – Ни с чего говоришь? Люди-люди... Ты причина! – тыкнула она пальцем, затянутым смуглым пергаментом кожи, в сторону мужчины, – Когда не своё ищешь – всегда аккуратный будь... – При этих словах взгляд собеседника явно дрогнул, но виду он старался не подавать, – Не бойся, – продолжала старуха, – Не нужны мне секреты твои. Скажи только, зачем имя свое мальчишке дал?

– Ну... - смешался отец, – Жена настояла, а потом красиво же звучит, Михал Михалыч?

– Звучи-и-т... – явно передразнила его собеседница, – Вокруг смотри! Сосчитай, сколько сыновей с двойным именем безотцовщиной остались? Если с женой не разойдетесь – одному из вас хоть как не жить! А ты еще и клады ищешь... – продолжила она после паузы. – Говори, зачем тебя ноги в Алыгджер привели? Ты же именно ко мне ехал?

– Сафа, – появился на пороге, скорее всего, Евлампий, потому как в руках его была солдатская алюминиевая кружка, – Куда воду ставить?

– Сафа-Сафа... – закачала горько головой старуха, – Уж больше ста лет как Сафа я, а преемницы, чтобы уйти, всё нет... Правнуки! – картинно показала она рукой на Евлампия, пытающегося устроить кружку на крае стола с клеенкой в голубой квадрат, – Мужик на мужике, да еще и тофы с русскими вперемешку... – зашевелила она пальцами, явно пытаясь вернуться к разговору, и продолжила после, как закрылась дверь, – Сама виноватая: не надо было русского мужа себе выбирать... А как не выбрать его было? – рванул вдруг наружу возглас, похожий на стон...

Повисшее молчание прервалось не сразу.

Мишкин отец долго шарил за пазухой, пытаясь что-то выудить, а грохот очередного сучка в печке еще раз вырвал мальчишку из забытья, в которое он было повалился.

После он и сам не мог понять, почему не сел на импровизированной постели, а лишь приоткрыл глаза, ощущая странное жжение на груди.

Сафа тоже не заметила, как паренек трет у себя под рубашкой прямо там, где расположился забавно-расшитый мешочек.

Виной тому оказались странные бумажки зеленого цвета.

– Откуда? – подалась вперед шаманка, увидев, как из длинного бумажника явились на свет именно те самые половинки разорванной пятидолларовой купюры...

...

Иркутск – Бурятия. Монетка.

(настоящее время)

Дядя Виталя оказался пухлым мужчиной с густыми пшеничными усами и множественными коробочками-сумками. Оказалось, у него там целая куча приспособлений и штативов-видеокамер.

Зимние перчатки тоже выглядели забавно: на каждом пальце можно было убирать кончик. Потянул-сбросил – болтается на резинке. Изнутри сразу «матрешкой» палец выглядывает.

– Операторские, – забавно прогудел Виталий, заметив удивление паренька, – Сказали, на морозе будем фильм снимать, а по-другому ручки не покрутишь... – сдернул-подал он Мишке перчатку.

А тот сейчас не здесь был. Стоило оператору заговорить, как появилось на груди у мальчишки жжение знакомое. Привычным жестом ухватился Мишка за джемпер и с удивлением нащупал мешочек, что шесть лет назад подарила ему шаманка старая Сафа.

«Когда надел-то? – задумался паренек, машинально рассматривая неинтересную уже перчатку. Он четко помнил, как, после указаний Птахина-старшего не брать никаких оберегов, снимал и убирал расшитый мешочек в самый «дальний угол». – Наверное, как проснулся», – вспомнил он ранний подъем и поход «по стеночке» в туалет.

Теперь у каждого будут свои секреты, и пареньку вовсе не улыбалось, чтобы отец заглядывал внутрь оберега. Незачем знать, чем лечила Мишку Тофаларская шаманка – спокойнее спать батя будет, хотя иной раз, оставаясь один, паренек рассматривал-таки забавную начинку.

Удивлялся: такая малость, а сколько неприятностей может случиться, узнай кто.

Работал, правда, амулет исправно. Ушли в прошлое обычные гриппозные болячки, да и грядущие события отдавались теперь зудом-жжением там, где мешочек касался тела.

Получалось, выполнять указания отца теперь поздно. Дядя Виталя жил на выезде. Минут двадцать до него ехали – не возвращаться же. К

тому же заострять интерес на Сафином амулете Мишке никак не хотелось – Птахин-старший мальчишеские секреты уважал свято, но после такого слушания мог запретное и перешагнуть.

– На брызгушках не останавливаемся, - забирался на водительское сиденье отец, – Никаких бурханов⁶ или сигарет-монеток в форточку⁷, – Хлопнул он дверцей, – Ви-та-ля, – шевельнул он оператора за плечо, – Услышал?

Тот молча кивнул, а Мишка вдруг почувствовал недоумение оператора из-за странных инструкций отца, да на груди еще раз «шевелился» привычный «огонек».

Бурятия...

Сколько раз слышал Птахин-младший истории, как в стародавние времена Байкал и близлежащие территории были по сути монгольскими. Свободно перебирались кочевники с места на место до прихода казаков – вольно жили. Недаром и язык у бурятов с монголами почти один – совсем немного отличается.

Много племен у монголов, буряты тоже одно из них – кочевники, одно слово. Откочевали они в свое время ближе к Байкалу, да и осели-рассыпались там на тысячи километров.

Рассыпаться-то рассыпались, а легенды о могиле Чингисхана до сих пор по Байкалу ходят, или как лечили монголы ноги коням в специальных ручьях. На одной такой речке побывал однажды Мишка. Зимой льдом не покрывается – пар только идёт. Берег копытами изрыт – видно, кони из табунов и сейчас лечиться сюда ходят.

Крутится дорога на Слюдянку. Отец говорит, здесь гоняй не гоняй, быстрее, чем восемьдесят километров в час не поедешь, а сегодня еще и загружены под завязку.

Тяжело идет машина. Везет Птахин старший на заветные территории целую половину юрты. Войлок-палочки разноцветные. Запах в салоне будто на скотном дворе, отец сказал, верблюдом пахнет... Одним «Крузаком» пришлось бы с юртой дважды ездить, потому где-то позади еще и вторая машина идет.

Пока серпантинами тащились, батя из попутчика дяди Витали все секреты вытащил.

⁶ Бурхан – божество. Места жертвоприношений (брызгушки) тоже называют бурханами.

⁷ Когда нет времени остановиться и выполнить обряд полностью, в окошко машины около брызгушки на ходу бросают монетки или ломаные сигареты – жертва. Можно просто посигналить.

Оказалось, едет их компания снимать в тот далекий край фильм про волков. Развелось их нынче без счета: там, где скота много, хищников тоже полно. Расплодились они будто в сказках детских – не занимается больше государство волками.

– Мы нынче на Ястрежембского работаем, – дядя Виталя рассказывает, – Много где снимали: в Африке, Индонезии, теперь здесь...

Фильм про Африку Мишка помнил: там ведущий дядька седой-высокий (наверняка, тот самый Ястрежембский) слона добывал, а потом племя его сутки разделявало-перетаскивало. Кровавое кино, но раз по центральным каналам идет, значит востребовано.

– Там куда едем – граница, – Виталя продолжает, – Волчий переход из Монголии. До десяти-пятнадцати процентов стада за зиму вырезают... Беда...

Получалось, партнер отцовский дядя Сережа (что вторую половинку юрты везет) знатного волчатника отыскал. Охотник тот, со слов оператора Виталя, хоть и старик, но фору любому молодому даст и разработана им целая система охоты.

– Капканит он, – разошелся Виталя, а батя знай кивает ему внимательно, – Под след ставит. Собственной конструкции капканы. Патенты на изобретения в пяти странах. В прошлом году в Канаде охотился-обучал, на этот сезон с Якутией-Чукоткой переговоры ведет...

Слушает Мишка оператора, а у самого червячок в душу заползает: никак не прекращается жжение на груди – вроде даже сильнее стало.

Как на Култуке⁸ в сторону границы повернули, закрутил головой Виталя. Оказывается, давно он здесь не был. Получается, истории свои про волков и территории (куда едут) с чужих слов пересказывает.

Батя около сворота на поселок Тибельти останавливается. Самое начало Тункинской долины и первый аршанчик (ручеек) в загородке.

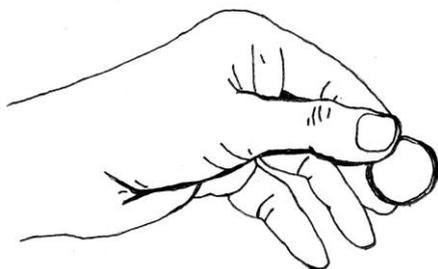
Фундамент небольшого бассейна из камня маленьким рвом окружен, а поверх ямки той жерди лежат – сантиметров двадцать друг от друга – человек хоть как пройдет, а корова побоится ногами между жердей попасть.. Вон стоят отродье молчаливое – чуть ниже из ручейка пьют.

⁸ Поселок на берегу Байкала. Поворот на поселок Монды – погранзастава на Монголию.

Пока Птахин старший воду набирал, Виталья фотоаппарат-штатив достал и давай к ручью примеряться, фотографировать – свет ему, видите ли, понравился.

Мишка как чувствовал, глаз с него не сводил, а у того не получается что-то.

Нервничает Виталья – с места на место штативы таскает да на небо смотрит – только прицелился он снимать, как налетели тучки и разом пропал свет хваленый.

Помучился оператор, помучился и сообразил вдруг, что делать надо.

Глянул мельком на Птахина-старшего, что баллоны с водой в машину грузит, достал из кармана кругляшок-монетку беленькую, да и швырнул украдкой в воду...

...

Тофалария. Шаманское золото.

(шесть лет назад)

– ... я лечила его, как сына твоего сейчас. Когда солнца нет – единственная сила может энергию человеку дать – золото. Протяни руку, –скомандовала шаманка. Мишка с удивлением глядел из-под прищуренных век, как отец безоговорочно подчинился.

– Холодное, – настороженно заявил он, сжимая ладонь.

– Е-е-е-е Уа-а-ай... – пропела шаманка. Взмах смуглой-костлявой руки, и батя разом перекатил что-то из ладони в ладонь, словно горячую картошку.

– Почуял? – смеялась беззубым ртом шаманка, – Всего лишь камушки желтые, а сколько в них силы?

– Опять холодные, – удивленно прислушивался к чему-то Птахин-старший, рассматривая пустую руку.

– Не бойся. Не будет ожогов. Это не кожа чует – сущность человеческая... Нутро...

«Значит золото», – зажмурился и потрогал мальчишка мешочек на груди. Неожиданно в памяти всплыли странно-молодые глаза Сафы.

– Теперь они твои, – говорила ему старуха, складывая желтые бугристые самородки в расшитый мешочек, – Раз уж сработали, значит теперь ты им хозяин. В беде предупредят и здоровье поддержат. Не показывай только никому – опасно. Всего каких-то сто лет прошло... – прикрыла она устало глаза. – Сто... а мир уже полон запретов: взрослому сейчас за такое тюрьма, а раньше...

Мишка ее уже не слышал. Его несло странное «течение», ласково обнимая-покачивая.

Жестко «выстрелил» в печке лиственничный сучок, возвращая мальчишку из сладкого забытья.

– ...значит не из Тофаларии твои доллары, – донесся откуда-то издалека голос шаманки. Странно, но звучало в нем тихое удовлетворение чему-то неведомому, – Вот она, и болячка сына твоего, – шепелявила старуха, – Повторяется история... Я когда прадеда Евлампия в тайге нашла, с ним то же самое было. Мало кто встречу с проКлятым богатством переживает, но если уж пронесло, и выздоровел, добратся только он и сможет – избран.

– Теперь понятно, – почему-то покорно заговорил Птахин-старший, – Получается и через три года у меня с этим кладом ничего не выйдет? Ну как проводник наш Игорь «Могилы» освободится?

– Закрытая вам дорога, – выдохнула старуха, – Закрытая... А вот сынок твой теперя на этой стороне, на каюрской⁹ – многие двери ему откроются. Ты расскажи лучше о тех, с кем доллары эти добывал и где?

Тут уж Мишка постарался больше в сладкое забытья не впадать, но бесполезно: упустил он отцовскую историю полностью, пока несло его «течение» ласковое.

Упустить-то упустил, а шаманкин рассказ все-таки послушал немного. Хотя, что толку – не договаривала бабка, запрятала самое важное где-то в уголках хитро разрезанных глаз и наружу не пустила, как ни «крутил» ее отец разговорами.

Напоследок Птахин-старший интересоваться стал, мол, слышал от рассказчиков легенду Тофаларскую про обоз старинный-брошенный, что в сумерках иногда видится.

⁹ Каюр – проводник. Заимствовано из эвенкийского.

– Сумерки... – рассмеялась шаманка, – По нашему это не сумерки называется... Когда камни-кусты людьми или животными кажутся – час собаки это. Солнца нету, а темнота еще не явилась – час собаки получается – берегись путник. На пустом месте заблудишься... А обоз был... – пыхнула шаманка дымом из трубки, – В Монголию шел. Но указали им в Нижнеудинске дорогу неверную. Засаду сделали. Всех расстреляли... Всех... Кроме прадеда Евлампия...

...

Иркутск-Бурятия. Улица Индиры Ганди.

(настоящее время)

Дела у Витали, как монетку кинул, сразу на лад пошли: налетел ветерок – разогнал тучки. Свет для съемки в самый раз выровнялся. А на груди у Мишки чуть не пожар – злобно «дышит» мешочек шаманкин. Знает мальчишка признак этот: как подраться с кем или двойку получить, именно так амулет предупреждает.

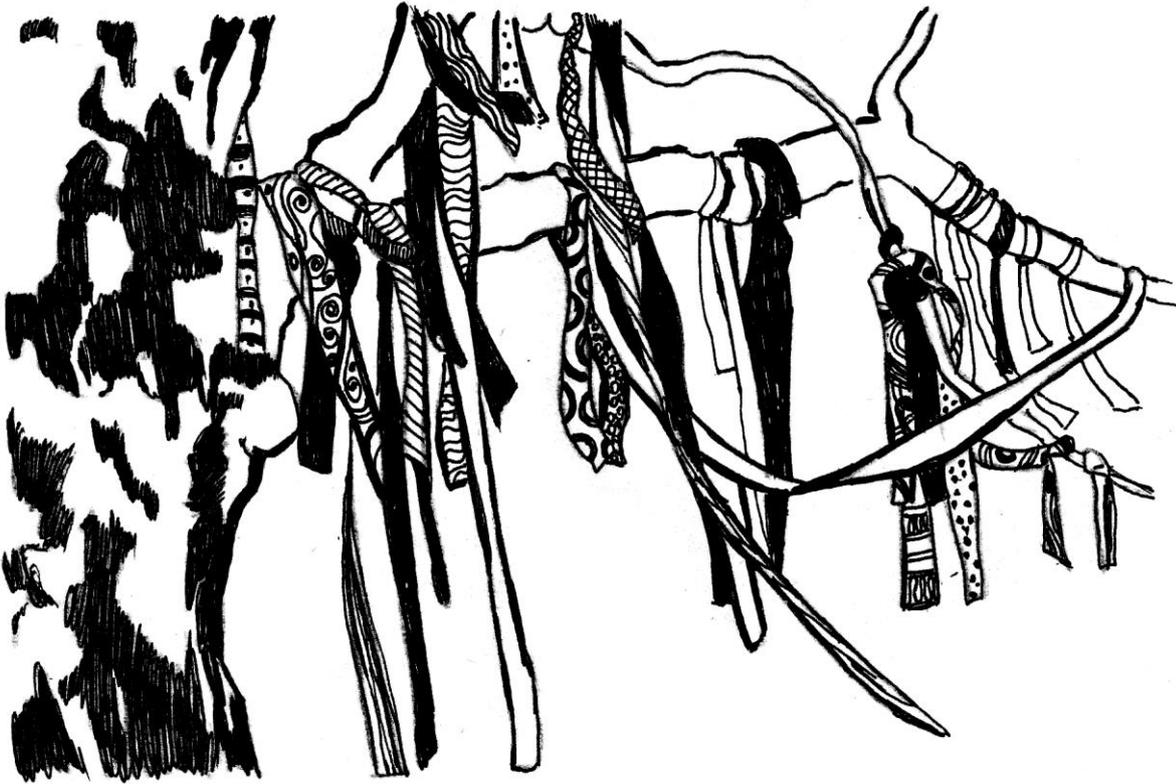
Отец как баллоны водой залил, так минут через пять садиться в машину командует.

Виталя «выкрутасы с камерой» разом закончил. Не поспоришь с ба-тей – говорит вроде спокойно, а чувствуется в нем уверенность житей-ская – знает что делает.

Мишке сейчас не до этого. Запрет отцовский уже дважды нару-шился: сначала он амулет золотой ухватил, теперь Виталя со своей мо-неткой «пошаманил», а тут как раз и Бурятия началась.

Птахин-младший давно отметил: границы областей-заповедников всегда с фокусом проведены.

Как в Слюдянский район по тракту из Иркутска заезжаешь, так от са-мой стеллы с надписями байкальские гольцы видно, мол, вот он ря-дом, Байкал.

На бурятскую сторону попадаешь, так обязательно природа на степную поменяется. Только-только лес-сопки шли, а теперь раз и долина открывается во всей красе.

Вот они, брызгушки, на самом въезде. Ленточки на березах повязанные ветер рвет-треплет.

Машины-машины. Водители-пассажиры в беседочке или возле березок дорогу себе гладкую у Бурхана вымаливают.

– Посигналь хоть на брызгушках, – Виталя «молит» напуганно, – Не делается же так...

Отец на удивление спокойно отвечает, мол, раньше и сам брызгал-бурханил, а потом как отрезало.

– Когда не останавливаюсь на бурханах, – Птахин-старший смеется, – будто невидимый еду, – А стоит чуть посигналить и начинается круговерть. Ну а если из пассажиров кто втихаря отличится, сливай воду: такая кутерьма будет – пожалеешь, что поехал...

Дорога ровная пошла, бежит – до горизонта долина видна. В Зун-Мурино¹⁰ батя разговорился, оказывается, в поселке этом центральная

¹⁰ Зун-Мурино – деревня в Тункинском района Бурятии по дороге на границу с Монголией.

улица именем Индиры Ганди¹¹ названа. Виталя гадать давай, почему да как, а батя хохочет.

– Увидишь сейчас! – Кричит, – Вот они, животные священные...

Тут как раз стадо коров огромное всю дорогу заполонило, рыжие-белые-пегие. Дядя Виталий смеется, мол, точно буряты подметили – настоящая Индия – коров столько...

Отец тоже доволен – удалась шутка:

– Буряты народ с юмором, – говорит он и слышит Мишка отцовскую гордость за «представление» свое маленькое, – Недаром они и в КВНе до высшей лиги добрались...

Что дальше батя Витале рассказывал, Мишка «сто раз» до того слышал: и как он в сельхозинститут учиться попал, и как на посевные-уборочные в Казахстане-Бурятии их практиковаться отправляли.

Забавны мальчишке истории те про страну с названием СССР и никак он понять не может, что же такого в стране этой было? Как в компании взрослых, речь про те времена заходит – всегда спор и никак не поймешь, кому хорошо жилось тогда, а кому плохо...

Батя иной раз защитников поддерживает, а иной раз и противников. Паренек уже давно вывод сделал – жизнь в те времена шла такая же: и хорошее было и плохое...

Поделился он как-то раз с Птахиним-старшим соображениями своими, а тот смеется, мол, так и есть. Тысячелетия назад сказали: «...нет

ничего нового на земле, и все уже бывало когда-то...»¹². Имя того мудреца Мишка не помнил – длинное оно оказалось

¹¹ **Индира Ганди** - индийский политический деятель, премьер-министр Индии в 1966—1977 и 1980—1984 годах. Дочь Джавахарлала Неру, мать Раджива Ганди.

¹² Изречение из книги Екклесиаста.

слишком и не русское – никак в голове не укладывалось, как ни старался.

Пока суть да дело – дорога-то под колеса бежит-бежит.

По правую руку уж гольцы¹³ заснеженные величаво «прошагали» да за спиною исчезли. Радуется Мишка, что дядя Виталя разговором с отцом увлекся – упустил картинку. Уверен мальчишка, заметь он красоты такие, наверняка заныл бы: остановиться-поснимать.

Пареньку-то на этом кратком перегоне все знакомо – маршрут иркутский-туристический. Сколько раз они с отцом гостей сюда возили, всего лишь двести километров от города, а красоты такой мало где сыщешь.

Когда отец про Шамбалу свою рассказывал, удивлялся Мишка, мол, неужто красивее Аршана¹⁴, но фотки увидел и почувал тот простор туристами незатоптанный.

Как к речке Иркут спустились, дорога ухабами пошла – плывет асфальт волнами, а на гребнях крутых выбоины от любителей быстрой езды светятся. Сколько уж машин днища себе покалечили на этом перегоне – не сосчитать...

Круть-верть вдоль речки – поселок-второй. Торговцы придорожные с молоком-орехами, и тут разом вдруг замолчал дядя Виталя. Еще бы: Тункинская долина так объятия распахнула – не ухватишься.

Мишка только вторым чутьем уловил, как зашло у оператора дыхание, когда Саяны по правую руку во всей красе встали.

Вот он, сворот на «Мекку» туристическую. Знает Мишка: езжай по указателю, и не заметишь этих километров (горы на глазах расти будут – головы не отвернешь). В поселок заедешь и разом почувешь себя маленьким-маленьким перед этими «седыми великанами» над головой.

¹³ Гольцы – скальная складчатость без леса и другой растительности.

¹⁴ Аршан – 200 км. от Иркутска туристический поселок в предгорьях Саян в Тункинской долине. Горячие источники. Пешие маршруты. Водопады.

...

Тофалария. Шаманские видения.

(шесть лет назад)

Фамилия прадеда Евлампия оказалась русская – Егоров. Вроде проста-незатейлива, а после шаманских историй век не забудешь.

Когда стала Сафа рассказывать случай давний Птахину-старшему, Мишка глаза прикрыл и вдруг картинки пошли будто наяву:

Вот он, Егоров: офицер белогвардейский лет тридцати хомут с гнедого коня тянет, да забавно так – перевернул его для начала, а потом сдернул разом.

Воровито оглядывается белогвардеец, будто опасается чего. И впрямь зазвучали вдруг выстрелы вдали, один-другой.

Происходит там непонятное что-то. Офицер голову горестно опустил. Кулаки сжимает. Потом решительно так коня к березке уздечкой вяжет, и хомут в кусты тащит. Прятать...

Вышел обратно, веточки на схроне поправил. Коня отвязывает и ловко так прямо на спину без седла прыг!..

Напрягся гнедой, влево боком шарахнулся, вправо, а после усмирился: хозяйскую руку всадника почуял.

Следующая картинка смазанной пошла.

Офицер, как и был без седла, но уже в простой гимнастерке солдатской.

Вокруг сопки вертикальные. Из-за леса гольцы снежными шапками «поглядывают».

Неспокойно ему – озирается поминутно, будто ждет чего. Потом вдруг осердился. Кричать давай:

– Выходи, хватит в прятки играть!

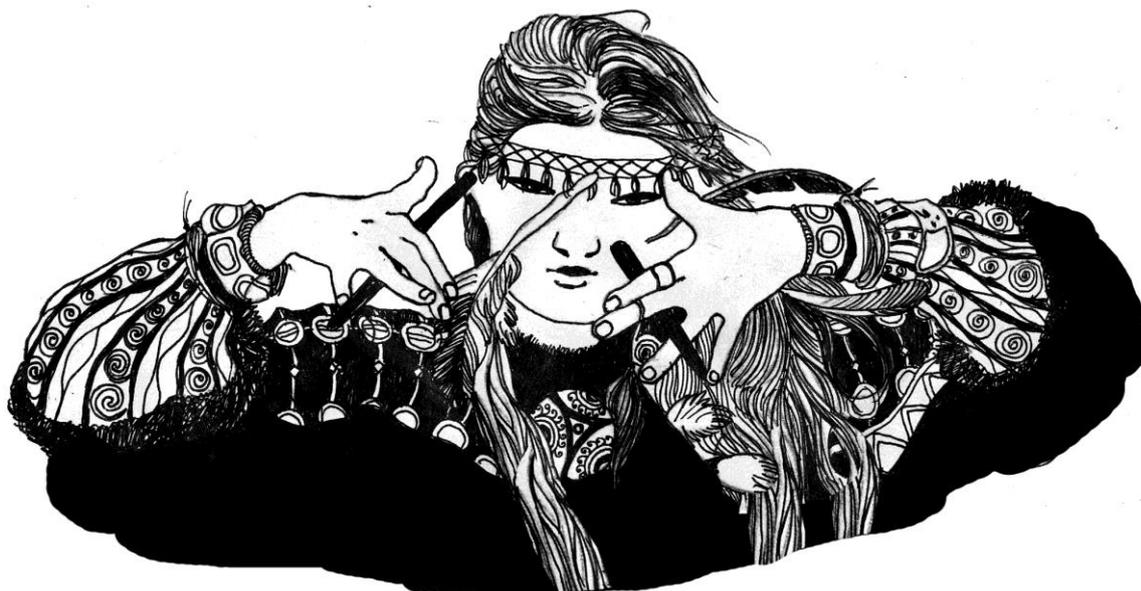
Дыханье затаил, слушает, но по-прежнему лишь тишина вокруг, щебетание птичье, да ворон огромный с клювом мощным с макушки сосны столетней на всадника пялится.

Следом Мишке костер привиделся...

Конь, уздой привязанный, березку объедает, а хозяин рядом лежит – скукожился мерзнет будто.

Дыхание тяжелое. Лежит-спит вроде, а губы шевелятся-шевеливаются, словно разговаривает с кем. Веки дергаются беспокойно: видится ему что-то...

Руки в кулаки изо всех сил жмёт-жмёт – жилы наружу.

Вдруг тень не тень. Фигурка серая от темноты отделяется и к лежащему возле костра – шась. Лоб ладошкой щупает и костер затухающий подбрасывает.

Белогвардеец, как тень эта рядом явилась, успокоился вдруг, кулаки свои жать перестал, дышит ровнее...

Мишка понять не может: почему эта тень ему ребенком кажется? Росточком маленькая, а шустрая и делает все по-взрослому со знанием, а потом сообразил вдруг: не ребенок это вовсе, а девушка.

Одежда узорами странными расшита. В руках палочки деревянные – стучит она ими стучит. Бормочет что-то

Потом закружилась вдруг фигурка возле костра. Руки раскинула, и видится парнишке, будто огонь ярче светить стал, а девчонка с шеи что-то снимает и на ладонь из мешочка расшитого камушки желтые сыплет...

...

Бурятия. Колесо.

(настоящее время)

Колесо лопнуло неожиданно.

Только-только после Кырена¹⁵ вверх потянуло. Вершины, что в районном центре том Аршанские гольцы сменили, на глазах растут.

Вечные горы. Идет от них угроза не угроза, а безразличие какое-то к людишкам суетливым.

Названия поселков тоже странные. «Нилову пустынь» проехали, так батя минут пять рассуждал: что это за Нил такой?

Дядя Виталя глазами сверкает, но чувствует паренек, как на каждой брызгушке с ленточками цветными напрягается оператор: хочется ему пошаманить и всё тут – никак уняться не может...

Вьется Иркут. Речка от дороги теперь ни на шаг «не отходит». Батя смеется, мол, скоро совсем рядом побежит. Оказывается, дорогу на «Шамбалу» перед самым развалом СССР пробивали – прямо по руслу.

Не терпится мальчишке пограничников настоящих увидеть, ни разу еще он в погранзонах не бывал.

Птахин-старший заставил Виталю паспорт ближе переложить. Оказывается, в приграничном поселке Монды ждет любого путника целая погранзастава. Переход на Монголию охраняют, а попутно всех, кто через поселок на «Шамбалу» едет, досматривают.

Оружие, снасти, документы – все наверх.

Километров шестьдесят асфальтовой дороги до поселка оставалось, как вдруг качнулся «Крузак» под грузом войлочным. На правую сторону осел разом, да и приютился на обочине аккуратненько¹⁶.

¹⁵ Кырен – районный центр Тункинского района Бурятии по дороге на границу с Монголией - №2 на карте 1.

¹⁶ Место пробоя колеса за Кыреном № 3 на карте 1.

Батя из машины полез, а Мишка телефон его с «торпеды» тащит и вдруг видит, как последняя «антенка» на экране моргает раз-другой и тает будто снежинка.

– Нет связи, – констатирует дядя Виталя и наружу ноги разминать выбирается.

Птахин-старший уже гайки непокорные ослабил и под машиной домкрат устанавливает.

– Мишка, Виталя! – кричит снизу, – Идите-ка назад шагов пятьдесят и маячьте, если поедет кто. Вместо знака аварийной остановки будете.

Дело ясное. Оператор камеру с собой прихватил. Штатив.

На пятьдесят шагов быстро отошли. Верно батя расстояние определил – трасса в самый раз открывается – далеко теперь человеческие фигурки на пустынной дороге видать.

Тишина вокруг до звона. Молчит лес, молчат горы. Иркут шумит водою талой метров за сто. Навалилась вечность на Мишку безразличием к суете людской и кажется мальчишке: нет на планете городов с их шумом-разноголосьем.

Тут «шорох» по трассе – едет кто-то и... ломается картинка.

– Наши не наши? – дядя Виталя гадает, а сам штатив ставит и на горы «глазом» целится.

Тут вдалеке «Крузак» светлый появляется. Судя по грузу на крыше – вторая машина, что юрту в дальние края везет.

Забавно, вроде едет не спешит, а как быстро догнали Птахинский экипаж.

Как Мишку с Виталей на обочине увидели, ходу сбавили.

Паренек теперь машину дяди Сережи узнал. На крыше багажник, а сверху кольцо от юрты верхнее устроилось. Батя говорил, что прямо в нем дымоход с окошками устроены.

Расписные деревяшки с боков торчат-свешиваются, концами заостренными покачиваются.

Остановились, окошко открыли.

На пассажирском сиденье тот самый охотник оказался, про кого дядя Виталя рассказывал. Афанасьичем назвался. Что годков ему много – сразу видно, а волосы и не седые почти. Взгляд молодой-задорный.

Из машины выбрался и видит Мишка: загружена машина дяди Сережи еще сильнее отцовской. Задние сиденья сложены, а салон полностью войлоком забит.

Афанасьевич минуту-другую осматривался будто воздух нюхал и говорит вдруг, ни к кому не обращаясь:

– Смотрят...

Потом руки вдруг складывает и воет, будто в фильме про оборотней.

– Аыу-у-у...

– Знакомишься? – дядя Сережа смеется, а старик внимания ни на кого не обращает и воздух «нюхает»...

Дядя Сережа в машину прыгнул и к батю порулил, а охотник остался. Как перестал выть – заговорил. Оказывается, дома в родной Усть-Орде как на двор с утра выходит – именно так он с волками здоровается.

– Знать должны, что живой я, – Афанасьич смеется, – Живой и помню всегда про ихнюю братию волчью ...

Мишка только уши наострил, истории охотничьи слушать, да не успел: сигналият от батиной машины, мол, быстрее давайте – путь неблизкий.

Хотел было попроситься в машину к дяде Сереже, да понимает, что перегружен тот. Нет места...

Афанасьич-то охотником заправским оказался и настроение паренька разом почуял – мысли прочел, угадал будто.

– Ничего, – говорит, – Едем пока... Сейчас в Мондах обедать сядем, расскажу я тебе про волков... – А сам, прежде чем в машину забраться, оглянулся еще раз да ноздрями воздух потянул...

...

Тофалария. Шаманка и Ворон.

(далекий 1920-й г.)

Маленькая фигурка в странных расшитых национальных одеждах танцевала что-то одной ей понятное возле дымящегося костра.

Высоко поднятые руки, с зажатыми в них палочками разрисованными пирограммами¹⁷, танцевали, казалось, отдельно от туловища. Когда же девушка приседала или наклонялась над огнем, доносился звук, напоминающий трещотку.

Фигурка крутилась все быстрее, волосы, заплетенные в косички, развевались вместе с полосками, нашитыми на одежду, создавая

причудливый узор.

Искры и дым от костра провожали движения, запутываясь в одеждах и разносясь в странном танце.

У необычной картинки, кроме раскрашенных осенними красками склонов и нетающих белесых вершин, был еще один увлеченный зритель – ворон, весьма недовольный появлением посторонних возле почти бездыханного тела.

Присутствие смерти он улавливал издалека и за десятки лет жизни не раз прерывал чужое течение времени точным ударом клюва в сонную артерию.

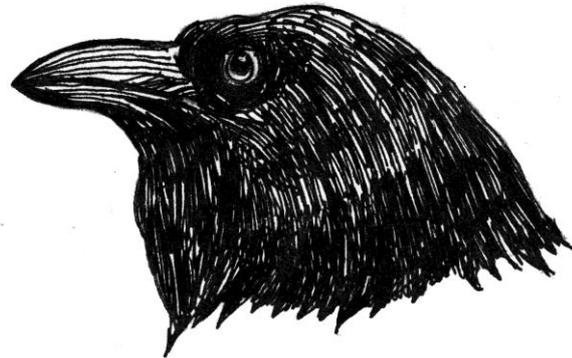
¹⁷ Пирограмма - загадочные рисунки на предметах культа (науч.).

Попадались ему и двуногие. Взять хоть случай нынешней зимой, когда сломавший ногу и замерзающий охотник-тофалар стал ему легкой добычей. Он так и не успел замерзнуть, а только-только уходил в смертный сон.

Ворон кормился около него пару дней, пока невесть откуда взявшаяся проходная стая волков не прекратила его пиршество разом.

Лениво текли мыслеобразы птицы.

Получалось, ворон сегодня опоздал. Когда, повинувшись зову чужой смерти, прилетел он из соседнего распадка, маленькая фигурка уже кралась за пошатывающимся всадником.

Поодаль шла девушка – почти не пряталась. Неприметная в своих одеждах, напоминала она узор ветра в осеннем лесу. Беззвучный шаг с ружьем прикладом вверх да заплечным мешком – тень да и только, шла следом за пошатывающимся на коне всадником.

Однако сдаваться ворон не собирался. Но когда путник уже не смог подняться, а дыхание смерти стало еще сильнее, метко брошенный камень отогнал падальщика, готовившего смертоносный клюв к удару.

Ездовой коренастый конь щипал мох, привязанный к березке, всхрапывал и косил взглядом на склонившуюся над Егоровым девчонку. А та расстегнула нательную рубаху на груди и водила по телу кожаными мешочком, напоминающим кисет. Прихватывала рукой дым из костра, гнала его ладошкой к больному. Тоненьким голоском выводила ей одной понятную мелодию, повторяя фразу из четырех-пяти слов: «Еу-уай-орго, еу-уай-орго-тыш, еу-уай...».

Потом сыпала на грудь беспмятному камушки желтого цвета. Строила из них фигурки, а поднявшись, снова танцевала и щелкала палочками...

Больной в одну из секунд очнулся вдруг – будто пролетела в его видениях какая-то желтая искра. Однако сил хватило ухватить лишь кусочек металла с груди да голову чуть поднять.

Девчонка как глазами с ним встретились, так и бросила палочки в сторону.

Выхватила из котомки бутылочку стеклянную. Жестами показала, чтобы отпил немного. После плеснула еще несколько капель на ладонь и жестко кожу на груди натерла.

Несколько капель щепотью в сторону бросила костра.

Показалось вдруг – ветерок подул. Удесятерились силой шаманского настоя запаха мха, прелых листьев и сгорающего в костре дерева.

Закрутился водоворот.

Пляшет в костре огонь. Стучат палочки, развеваются в танце одежды вперемешку с тонкими косичками, искрами и дымом.

Несется вверх жар костра вместе со странной мелодией: «Еу-уай-орго, еу-уай-орго-тыш, еу... – Тра-та-та та-та та-та... – Еу-уай-орго-оооооо...

...

Бурятия. Еще колесо...

(настоящее время)

– Меня, паря, волки Ордынские за свою породу держат, – жмурился на солнечные лучики в окне позной¹⁸ Афанасьич, – За своего... Да не совсем за своего...

Апрельское солнце разыгралось к обеду не на шутку. Если не знать что за окном минус пятнадцать с ветром – обмануться можно запросто.

Пост приграничный быстро проскочили. Служивые спросили только куда-то, паспорта проверили да на юрту поудивлялись.

Вон она, погранзастава, антеннами над поселком¹⁹ ощетинилась за проволокой колючей.

Мимо нее дорога на Монголию бежит и где-то там отворот на «Шамбалу» должен быть, где асфальт заканчивается.

¹⁸ Позная – придорожное кафе, где подают бурятские позы – разновидность мАнтов.

¹⁹ Приграничный поселок Монды - № 4 на карте 1.

Афанасьич тем временем истории обещанные продолжает – про волков рассказывает.

Оказывается, когда стареет матерый²⁰ волк, занимает его место кто-то из молодых.

– Помнишь как в мультфильме про Маугли: «Акела промахнулся»? – Афанасьич спрашивает.

Кивает Мишка – знакомая фраза. Оказывается, нет в тяжелую годину почета-уважения к старикам в волчьей среде. Выживают они их из стаи. Если же все-таки останется бывший вожак в живых – обречен он до самой смерти изгоем быть. Афанасьич правда по-другому это явление назвал:

– Бомжуют они, – охотник смеется, – Потому как гонимы теперь и стаей родной, и людьми, и прочим всяким зверьем.

Батя с дядей Сережей молча едят, и каждый явно о своем думает – не слушают взрослые охотничьих историй.

Птахин старший новости переваривает. Не оказалось в приграничном поселке шиномонтажки – негде колесо делать.

Сердится на себя теперь, что не кинул вторую запаску в дорогу – пусть хоть и летнюю. А со второй машины колеса (если что не так) не подойдут. На разных моделях «Крузаков» разные диски стоят.

Афанасьичу эти переживания неинтересны – нашел охотник свежие уши мальчишечьи для своих историй

– Вот и считают меня волки Усть-Ордынские как раз за такого волка-бомжа, – заканчивал он рассказ, – Так что вроде и волк я для них, но чужой...

Батя рассуждать давай, мол, если возвращаться в поселок Кырен колесо делать – туда-обратно почти двести километров на круг выйдет.

– Рисуем? – Дядя Сережа спрашивает, – Если не так пойдет, увезу колесо до монтажа – обратно с попуткой отправлю... Тут дороги-то до мастерской всего сто пятьдесят...

Чует Мишка: не хочет компания возвращаться – и понимает: согласится все-таки батя без запаски поехать.

Как только кивнул родитель, мол, рискуем, так и пыхнули камушки на груди в шаманкином мешочке. Пыхнули, будто ждали, каким отцовское решение будет.

²⁰ Матерый – вожак стаи.

Молчит Мишка. Молчит, а самому так и хочется соображения рассказать. Монетка Виталина опять же никак из головы не идет, что швырнул тот сегодня возле ручейка.

– Доедайте! – Батя командует, а сам из-за стола руки мыть выбирается.

Мишка последнюю позу с тарелки ухватил. Не любит мальчишка это блюдо сильно горячим – нет вкуса. Когда немного остынет – другое дело.

Позы вкуснее всего руками есть. Дырочку в тесте сбоку прокусишь – наклонишь как стакан и сок-бульон пьешь. Есть только потом начинаешь – вкуснятина... Любая поза намного больше самого огромного пельменя – тех, чтобы объесться, штук двадцать надо, а поз парнишке и трех хватило. Четвертую уж на закуску ухватил – полакомиться.

– Руки мой, – отец вернулся, – Через пять минут стартуем.

Как по машинам устроились, камушки шаманкины уже «не замолкали». Понимает Мишка: произойдет что-то, а рассказывать нельзя, да и кто послушает-то – нет теперь дороги назад!

Батя, видно, тоже в сомнениях: «проспал» неожиданно отворот на Шамбалу свою.

Мишка только удивиться успел – с чего это вдруг жжения на груди убавилось? А тут дядя Сережа сзади фарами моргает. Порулил, оказывается, Птахин-старший прямо по дороге на Монголию.

– Куда? – кричит дядя Сережа из окошка, а впереди уж закрытый шлагбаум с часовым появился. Будочка зеленая рядом стоит, – Куда? Граница там...

Батя чертыхается, обратно рулит. Бормочет себе что-то под нос.

Мишка прислушиваться давай:

– Не идут ноги в ту сторону... – отец сам себе шепчет и на паренька оглядывается.

Много чего Мишке взгляд этот показал.

Переживает за сына батя, примета такая у него: раз уж проехал то место, куда собирался – значит делать там нечего. Кстати сейчас именно то самое проехал и случилось – «не идут ноги» отца Мишкиного из приграничного поселка Монды, хоть ты тресни.

На бездорожье дядя Сережа первый свернул и отцу показывает – обгоняй, мол.

Оператор Виталья молчит, тоже, наверное, чувствует что-то.

За «Крузаком» пыль столбом вьется – ничего не видно.

– Фотать не будем, – батя Витале кричит, – Только вперед!

Тот кивает, не спорит и, по всему видно, ситуацию с колесами по своему переживает. После успокоился и к окошку вместе с Мишкой «прилип».

А кругом красота – куда ни глянь.

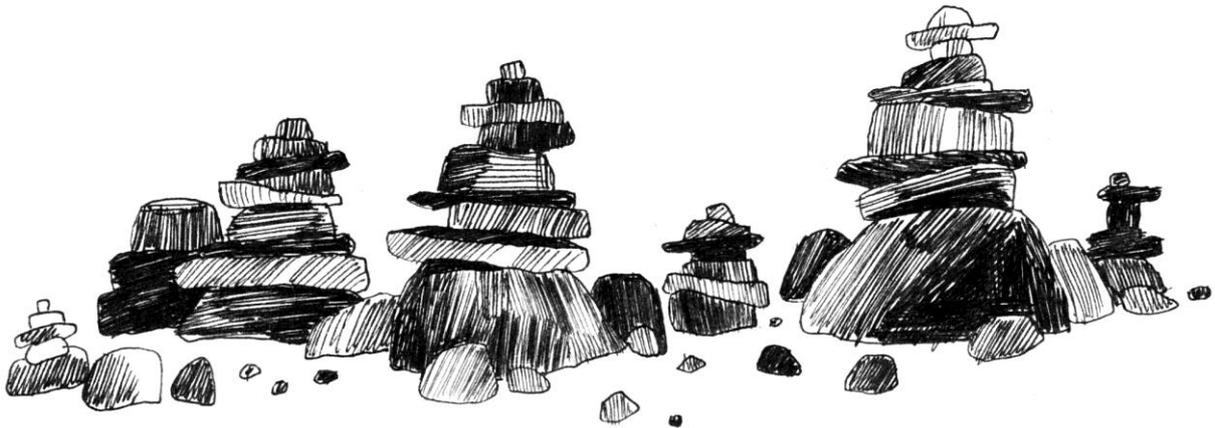
Сначала на другом берегу Иркутта пещеры в песчаном берегу появились. Потом дорога вверх потянула, и такие скалы вокруг поднялись – головы не задрать.

Дядя Виталья свой джи-пи-эс достал – «колдует». Зашел у них с отцом спор про уклон дороги. Мишка помнит знаки дорожные, где «9%» написано или еще какие цифры, а оператор упрямо отцу доказывает про какие-то тридцать градусов.

Отец сердится:

– Там где уклон тридцать – не проедешь, – а собеседник только усы упрямо пушит и на торпеду «Айфон» свой с уровнем кладет.

Но проиграл тот спор оператор, потому как остановился уровень программы телефонной лишь на отметке в шестнадцать градусов. Мишка уж и транспорт из школьной программы вспомнил – почти согласен был с дядей Виталей: никак не меньше тридцати, ан нет – батя

снова прав оказался.

Тут как раз подъем этот закончился и на самой верхушке «пирамидки» каменные появились. Вручную сложены и вдоль дороги стопочками стоят.

Забавно построены они: снизу камень плоский-большой, на нем поменьше, и так дальше, пока на самой макушке остроконечный осколок не приютится.

Виталья камеру достал, на ходу снимает, а отец в темные провалы на самой верхушке неприступных скал пальцем тычет.

– Говорят, в тех пещерах Чингисхан золото прятал...

Тут уж Мишка не утерпел:

– Как забирались-то?

– Буряты рассказывают, зимою дело было. Коней били да из мяса ступени намораживали. Весной все оттаяло и вниз упало – снова не заберешься...

Засомневался парнишка. Не сходятся что-то концы с концами в истории этой, но очередная картинка за окном отвлекла.

«Крузак» уже почти на самую верхотуру вскарабкался. Иркут под наледями гигантскими прячется, а тут на горе среди черных полосок деревьев странное что-то мелькнуло.

Стоит один ствол, на пальму похожий – шапка не шапка на нем?

– Старое гнездо орла, – батя рассказывает, -- ветками молодыми за годы сильно заросло – весной зеленеет, осенью желтеет...

Тут как раз и лес закончился. Иркут тоже последней наледью мелькнул – раз и нет реки. Первый раз такое Мишка видит, а Птахин-старший вперед показывает.

Оказывается, там впереди другая речка из озера вытекает – Ока называется. По-бурятски Аха. А вершина, что начало нескольким рекам дает, водоразделом именуется.

Мишка даже от камушков золотых на груди, что покоя не дают – отвлекся. Вершина водораздела по Виталиному джи-пи-эс чуть больше двух тысяч метров. Брызгушку проехали. Озеро замерзшее.

Дорога вниз пошла.

Только-только лес появился, а батя кричит:

– Пятидесятый километр!

И тут потащило вдруг «Крузака» по ледяной корке с дороги на левую сторону...

...

Бурятия. Вой...

(настоящее время)

День клонился закату.

Матерый, пригревшись на апрельском солнце, отсыпался на лежке. Весенний сон волка тревожен. Казалось бы, нет у него теперь врагов, оставили люди хищников в покое – ан нет...

За спиною у волка потомство.

Вон из логова писк доносится да шорохи суетливые.

Кормит подруга матерого щенят новорожденных. Слепые они еще, а сила уж волчья – измотают мамку.

Чтобы молоко прибывало – кормиться надо, и хорошо, что в этом углу зайцев множество.

Вот он, переход волчий: желтеет кустарником распадок меж гольцами белыми. Лиственницами корявыми редко-редко ошетинился, будто на бороде старческой. Не понимают звери законов государственных: из Монголии стая во время гона сюда зашла – вольно живут хищники...

Лет триста назад и людишки могли себе такое позволить – нынче – нет. Контрольно-следовые полосы, колючка, а там, где не проберешься – те самые гольцы «на страже» постоят.

Ничего этого матерый не знает, наслаждается сейчас первым солнышком теплым, а сам воздух нюхает да шорохи слушает.

Стая по распадку разбрелась. Пару раз вопль заячий слышался. Ночь охотничья не слишком удачливой была – теперь мелочью молодежь добирается.

Отзвучит крик жертвы и снова тишина наваливается.

Дорога вдоль реки идет распадок надвое делит. Машины здесь нечасто ходят. За день туда-обратно штук десять торопливо проскочат, и опять ничего. Безмолвие...

Гудит что-то вдалеке на перевале – гудит-фыркает...

Звук понемногу пространство заполняет, еще чуток, и останется только смрад, двигателя рев да камни из-под колес.

– Ахрфырвыштыбхыш-ш-ш-ш-ш...

Миг, и проскочит вдаль, растает, как появился... Но нет – сменились вдруг звуки.

– Фах-фах-фах... Ш-ш-ш-ш, – затих вдруг скрип каменного крошева, а над долиной крик отчаянный полетел, да не зайца убитого, а человеческий...

...

Мишкины соображения.

Давно Мишка бату в такой ярости не видел.

Когда машину в пропасть потянуло, уцепился Птахин-старший за баранку, аж ногти побелели. Шутка ли – скорость под сотню.

Груз.

Пацан собственный в пассажирах.

Виталя и понять ничего не успел – то ли заснул, то ли прозевал. Как «Крузак» на самом краю дороги замер – полез оператор наружу ноги разминать. Невозмутимый такой – будто специально для него останавливались.

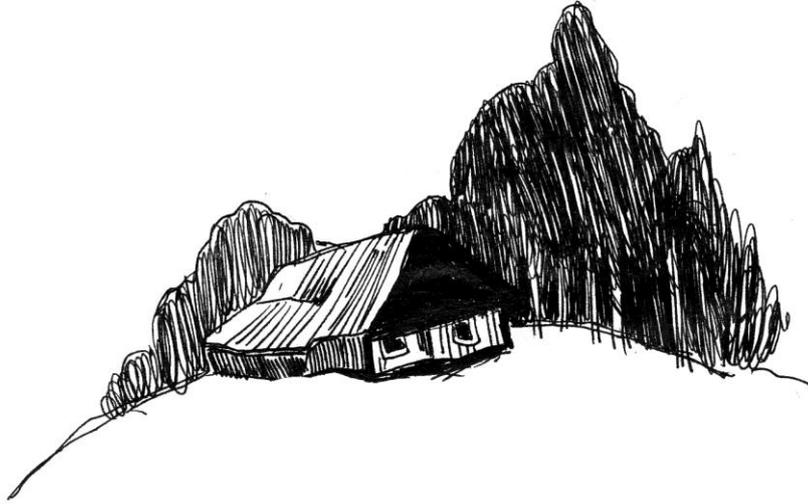
Отец сидит баранку не отпускает, голову на руки склонил, а потом дверцу откроет и как заорет что-то протяжно-звериное:

– Аоуыыыыыыы...

Мишка хоть и вздрогнул, а невольно прислушался – будет ли эхо? но ни-че-го. «Завяз» батин крик в молчании седых гольцов, будто ватные они, а тут Виталя с улицы голос важно подаёт.

– Колесо пробили...

Тут уж батя не удержался и рассказал ему все, что за дорогу накопело. Хорошо, оператор не обидчивый оказался – услышь такое кто из одноклассников или дворовых товарищей в свой адрес – не миновать драки. Пошмыгал дядя Виталя покорно, будто и на самом деле виноват он во всех грехах смертных, и предложил Птахину-младшему домик, что грибочком на берегу реки торчит, обследовать.

А на улице тепло – благодать. Солнце ласковое...

Батя на вопросительный взгляд сыновий только рукой махнул, мол, сам справлюсь – идите... А Мишке того и надо – ухватил он шапку-варежки и марш-марш вслед за дядей Виталей.

Оператор проворным оказался. Мишка пока его догнал, взмок даже, а Виталя шагает себе ровненько, и хоть прихватил он с собою причиндалы-штативы свои – ходу не сбавляет.

Дорогу к домику Виталя кривую выбрал – проталинами идет, наносы снежные обходит. Мишка уже совсем отчаялся его догнать, а оператор вдруг с треногой своей "колдовать" давай. Паренек сразу рядом оказался.

Рассматривать стал, куда камера прицелилась, и обомлел разом.

Река, что ручейком сначала казалась, как раз напротив места, где колесо пробили, за поворот "спряталась", а там будто в чаше огромной наледь получилась.

Солнце ярко-ярко светит. Блики холодные искрами в пространство летят, будто лежит алмаз огромный – радугой переливается.

Дядя Виталя фотоаппарат на штатив крутит, да небо посматривает – за свет, наверное, волнуется. Мишке скучно: к домику не пойдешь –

оператор как раз туда целится. Назад тоже ни малейшего желания. Понимает Мишка: придет вторая машина – усадит батя сына на нее, и прощай приключение.

Кстати вон и дяди Серезин "Крузак" появился, теперь пора бы и "с глаз долой".

Сейчас батя колесо погрузит и сообразит, что зря пацана с Виталей отпустил. С дороги-то они далековато ушли – не докричишься.

Сотовой связи тоже нет, Мишка даже на телефон глянул еще раз на всякий случай – ти-ши-на.

Вторая машина уже пылит на подходе. Вот-вот батя сообразит, что сына лучше вместе с колесом до шиномонтажки отправлять.

Пошел-пошел Мишка бочком в сторону от дяди Витали, туда где лиственницы, морозом перекошенные, с кустарником переплелись.

В рощице решил отсидеться.

Крик отцовский мальчишку нагнал на самой опушке. Оглянулся он только после, как за деревья-кусты зашел-спрятался.

Дядя Виталя в неторопливой своей манере еще пытается "в голосовую связь" с Птахиным-старшим войти. Забавно так прислушивается, голову внимательно-внимательно клонит – ни дать ни взять ученик нерадивый.

До рощицы батин крик еле долетает.

Наконец понял оператор, чего от него хотят – глазами влево-вправо повел.

Плечами жмет недоуменно.

– Ушел куда-то! – кричит в ладони как в рупор.

Батя отвечает что-то невнятное.

Виталя плечами жмет.

Тут вой волчий над долиной полетел. С руладами-переливами.

Понял Мишка сразу, что за голос это – Афанасьич на волков местных жути нагоняет да Мишке объясняет, мол, не заходи далеко.

Совсем некстати старик зверем "запел". Мишка тут же историю детскую вспомнил, как мальчик кричал: "Волки-волки..."

Не по себе парнишке стало, а тут и ветерок дунул тихонько. Зашелестел кустарник. Кажется Мишке, что крадется к нему тот самый волк-"бомж" из историй охотничьих Афанасьича.

Напугаться-то паренек напугался, а историю Тофаларского Евлампия о том, как правильно лес слушать, разом вспомнил.

Глаза закрыл – ртом дышит. Звуки слушает, анализирует.

Вот сучок хрустнул, но нет опасности – совпали звуки с ветерка порывами. Воздух нюхает Мишка – тоже ничего нового. Хвоей пахнет только и снегом талым.

Запаникуй сейчас, выберись на обозрение – сто процентов с дядей Сережей уедешь.

Лишнего пересидишь – искать соберутся.

– Мишка! – Дядя Виталя кричит. – Да где же ты?

В голосе беспокойство. Весь расчет мальчишечий теперь на дяди Сережину нетерпеливость – не любит он ждать. Да и как ни крути до поселка, где колесо сделать можно, еще целая сотня километров.

"До десяти считаю и выбираюсь..." – решает Мишка и тут ветерок вдруг меняется, а с ним и картинка общая.

Чует вдруг паренек взгляд-запах звериный, и не то чтоб чует – а будто изнутри заговорил вдруг кто-то:

"Уходи отсюда быстрее... Уходи..."

...

Когда вой над долиной понесся, почувал вдруг матерый себя волчком.

Давно не слышал он такого голоса-переливов. Выть так может лишь старый вожак, что вне стаи живет-кормится.

Все в этом голосе звучало: и разочарование старостью-немощью собственной, и о волчатах память, что давно выросли.

Неожиданно почувал матерый, что и его время близко – сколько еще лет до того, как будущий вожак из щенят собственных силу наберет?

Веками не меняется история волчья – обузу стая только до голодного года держит, а в одиночку кормиться сложно.

Вот они, люди на дороге. Совсем рядом устроились – кричат куда-то вдаль. Между собой тьякают не хуже собак. Сердито тьякают – руками машут.

После успокоились вдруг. Тот, что первый приехал, к реке широко пошагал, а самый высокий руки к голове поднес и полетел над долиной еще раз протяжный вой...

...

Отцовская рука.

Как ноги Мишку из рожицы замерзшей вынесли, он и не помнил. Старался только ровно шагать и чуял, будто сверлит ему спину взгляд нехороший.

Виталья уже не фотографирует.

Мальчишку увидел, всплеснул руками взволнованно – вон ты где! – и давай отцу кричать, мол, здесь потеря.

Пока оператор в Мишкину сторону кричал-показывал, успокоился паренек. Помнит он из охотничьих рассказов, что не любит зверь шума: одиночная жертва – да, а когда двое-трое, не нападает.

Как отца увидел, запереживал про задумку свою. Взволнован батя, и хорошо далеко идти ему, а так не миновать бы пацану затрешины доброй.

Афанасьич как мальчишку увидел, снова завыл – только радостно теперь.

Дядя Сережа на бампер "Крузака" забрался и отцу кричит что-то – рукой вдаль по трассе тычет, мол, поеду я – времени терять не буду, раз уж нашелся...

Понимает Мишка: как решит сейчас батя, так и получится, а у того, видно, отлегло. Едва мальчишескую фигурку увидел, повернулся он ко второму экипажу и рукой махнул – давайте, мол...

Мишка только крякнул про себя, когда "Крузак" синий дымок от солярки выплюнул. Доволен мальчишка – удалась задумка. А батя широко вышагивает – нервно, однако Птахин-младший приброесил уже: пока дошагает отец – успокоится.

Дядя Виталья расстроен: солнце, пока Мишку искали-кричали, сместилось. Листает что-то оператор на цифровом аппарате, снимки, наверное.

– Пойдем лучше дом смотреть, – попытался мальчишка из ступора его вывести.

Беспокойно Мишке. Слишком уж быстро отец приближается – может и не остыть.

Но Витале не до него, опять на небо смотрит. Света ждет.

Батя начал орать уже метров за десять.

– Ты куда подевался? – Чуть не бежит Птахин-старший проталинами, – Шутки тебе? Стой на месте – сорваться не вздумай! – Разгадал отец задумку мальчишечью, – Вместе дом посмотреть пойдём. Сколько ездил, все хотел летник бурятский без хозяев поглядеть.

Мишка уши вострит на слово незнакомое, а сам интонации отцовские ловит-прибрасывает: будет затрещина или нет?

Обошлось.

Отцу на Виталины ракурсы-съёмку плевать. Как шел ходом, так и показал ему вместе с оборудованием спину широченную. Пацана лишь ухватил за ворот и за собой то ли потащил, то ли приобнял.

– Кайся, душегуб, – шепчет батя с улыбочкой, – Специально запрятался? Разгадал, что отправлять тебя собираюсь?

Молчит Мишка – чего скажешь? Начнешь отнекиваться – батя враз ложь почует. Покаешься – тоже плохо. Лучше уж помолчать, а разговор (как бабушка Надя говорила) и сам поменяется.

Так и вышло. Через минуту солнышко такие лучики из наледи выбило, что батя разом допрос прекратил.

Искрят-мечутся зайчики солнечные. Лицу тепло-тепло на солнышке, а Мишка вдруг взгляд звериный снова почуял и Афанасьича с его "Смотрят" вспомнил.

Но не хотелось мальчишке задумываться, кто там в роще-кустарнике прятался, и подался он ближе к руке отцовской, что так на плечах и лежала...

...

Ни машин ни связи

Солнечные лучики коснулись высшей точки огромной сопки на другой стороне наледи.

– Двадцать-семнадцать, – констатировал отец, – Тебе, Виталя – зачёт: всего на три минуты ошибся. Вроде и спокоен батя, а в голосе его уже тревожные нотки звучат.

Затягивается приключение.

Домик и "экскурсия" скрасили время всего ничего.

Красивое название летник оказалось корявой избушкой, крытой дранкой²¹. Отец объяснил, мол, по старинке делали – шифер на кровлю везти далеко, вот и сподобились. Наверняка кто-то из стариков указывал, как дранье изготовить, нынче-то мало кто соображает...

Печки в доме тоже не оказалось, лишь сиротливо труба нависала. В пустых окнах ветерок остатки целлофана шевелит. Разруха.

Разочарование отцовское Мишка сразу почуял. Когда обратно шли, не спрашивал, без слов ясно: не годится летник для ночлега нечаянного.

Батя еще к самой наледи сгулял и долго-долго вниз по реке смотрел – минут десять. Потом достал из-за пазухи бинокль и еще столько же «пристреливался».

– Зимник там чей-то, похоже, – поведал он, как вернулся, – Километров семь отсюда. Тумана не может столько быть – печку топят сто пудов...

А на улице теплынь – солнышко апрельское старается с верхотуры. Тут как раз взрослые и заспорили, когда же оно прятаться окончательно начнет.

Теперь выходит Виталя точнее угадал. Он вообще оказался турист опытный, зря Мишка иронизировал над его неловкостью в начале путешествия. Даже термометр уличный у него оказался, что на окошки вешают. Он его на теневой стороне машины и приспособил.

Как только «пятак огненный» за сопку ушел, почуял Мишка – падает температура.

– Ну, где же они... – отец переживает.

Чует паренек: жалеет батя, что дядю Сережу без сына отпустил, а холод наваливается. Только-только лучики за горой спрятались, как дядя Виталя минус двадцать объявил.

«Полчаса назад еще десять градусов было», – Мишка прибрассывает, а батя будто слышит его:

²¹ Дранка – кровельный материал, попросту оторванный с бревна – надрезается и тянется – как пойдет, так и хорошо.

– Стемнеет, будет ниже тридцатки, – беспокойство в голосе, да и Мишке не по себе – пять часов стоят, и ни одной машины. Ни туда ни обратно.

Сотовой связи тоже нет.

Почувствовал вдруг мальчишка себя маленьким-маленьким на просторах этих. Хорошо, батя собрался позади знак аварийной остановки из обрешетки юрты городить, какое-никакое, а занятие.

Виталья было спорить давай, мол, поставь треугольник штатный с красными катафотами, но батю не переубедить. Наздевал на обрешетку даже ботинки осенние, в которых ехал, плюсом куртку рабочую – слепой заметит.

А на улице уже ниже двадцатки.

В салон забрались, отец Мишке шкуры волчьи на заднее сиденье швырнул.

Виталья спальник разматывает, укрываться готовится, а тут в салоне вдруг выхлопом солярочным как завоняет.

– Ветер сменился, – отец сетует.

Пока они там с Виталей судили да рядили – переезжать или нет, Мишка на термометр глянь, а там уж столбик к цифре 25 подбирается. Взрослым говорить не стал – мороз от этого не уменьшится

А окна в «Крузаке» белым затягивает. Вроде и тепло в салоне, а все-таки холод неуловимо в щели какие-то лезет-лезет. Только-только подоткнешь шкуру, он с другого угла «щекочется». Дядя Виталья с батей молчат на своих сиденьях. Молчат и в темень кромешную с надеждой смотрят.

Фыркает «Крузак», тепло в машину гонит-старается – шутка ли, такой мороз на улице...

Мишка уже и подкимаривать стал, как разговорились взрослые.

Оказался дядя Виталья, как и Птахин-старший, коллекционером, только батя Мишкин оружие собирает, иконы да серебро, а у Витали узкая специализация – нумизмат. Деньги, значит, ему интересны – деньги разных стран-времен и эпох.

Оживился отец. Расспрашивать оператора давай, мол, не попадались ли тому доллары начала прошлого века.

Мишка как начало разговора услышал, разом уши наострил – не хочется пареньку еще раз историю о бумажке таинственной упускать...

...

Не наш клад...

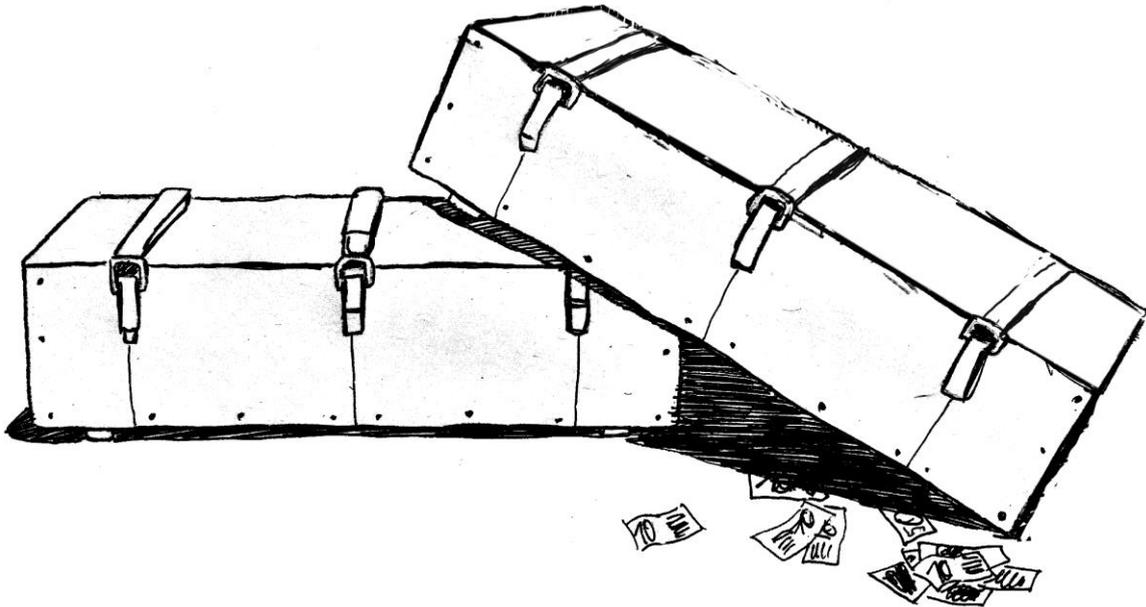
– Шаманка в Тофаларии говорила – не наш клад. – Отец рассказывает, – Ну или компания не та подобралась. Так-то права она – когда «Могила» ко мне приехал, я глазам своим не поверил. Он авторитет уголовный, а я пенсионер МВДшный – какие интересы? Оказывается, не сам он меня нашел – сослуживцем помог до меня добраться – Лёнька Тирский.

Слушает Мишка бату, в шкуры закопавшись, а сам понемногу в сон ползет. Гонит от себя морок – гонит, а через секунду-другую пелена глаза мальчишкины опять закрывает...

Но отцовский голос колоколом гудит – «вьется-плетется» история давняя – картинки в Мишкином сне рисует.

– Получается, «Могила» с товарищами в нашу Бурятию Иркутскую за оружием ехали. Там после революции банд много было разных – до сих пор блиндажи-ямы откапывают.

Из рассказа отцовского выходило, что нашел какой-то охотник из Усть-Орды²² винтовочный ящик с оружием, ну и решил продать часть, а поселковый дружок – именно его Игоря-«Могилу» «покупателем» сосватал.

Оружие дело щепетильное – тут главное на милицию не напороться, да чтоб не отобрали – кому потом жаловаться?

– Купили они там чего или нет, я не интересовался, только оказалось, не один ящик охотник тот откопал, – отец рассказывает, – Как раз во втором те самые доллары и оказались. Ящики-то в песке лежали – оружие ни ржавинки, да и купюры будто вчера из кассы.

Оживился дядя Виталя, как про хорошее состояние находки услышал. Чует Мишка немой вопрос оператора – что там с деньгами-то этими случилось?

²² Усть-Орда – районный центр Бурятии в Иркутской области.

– Нету Виталю тех долларов, – выдохнул батя на незаданный вопрос и замолчал вдруг. Скрипит сиденье водительское, и чует Мишка, переживает отец за истории такие при сыне.

Виталю отца тоже понял: сидят-прислушиваются, дыханье затаили... А мальчишка и сам понять не может, где сон и явь где – время-то позднее.

– Спит, похоже, – Виталю шепчет, – Ты потише рассказывай.

– Продали мы, Виталю, что принес тогда «Могила», – продолжает отец, – Москвичи всё забрали.

– Целый ящик? – гаркнул-забылся Виталю.

– Да нет, – Птахин старший досадует, – То, что Игорь с Лёнкой притащили – две бумажки всего. Третья рваная была...

– А остальное?

– Тут уже, брат, мистика начинается... Я чтобы в истории той разобраться, куда только ни катался, а получается – не твой клад – не лезь. Не открывается он каждому... – Мишка разом истории шаманки Сафы вспомнил, а батя уже говоренное повторяет, – Да и компания у нас не та подобралась – менты да уголовники, а что делать? Когда первые доллары продали, предложили мне «Могила» с Лёнкой ящиком тем заняться, мол, не верит нам охотник Усть-Ордынский – боится – убьем, а ты договоришься...

– Не уговорил? – Виталю торопится, да и Мишка проснулся окончательно, но шевельнуться боится.

– Не успел, – досадует батя, – Не доехали просто... Стартовать собирались в понедельник, а на выходные «Могила» как по заказу пошлел в очередной раз – уголовник он и есть уголовник. Скандал в парикмахерской затеял с новорусским клиентом, и прямо до своего очередного срока. Чего мы только ни делали, чтобы вытащить его. Но не вышло, да и старых «заслуг» не отменишь. Получил он тогда полновесных три года...

Пауза висела несколько минут. Чует Мишка, как не хочется батю историю старую бередить, а Виталю спугнуть его боится – нет же ничего хуже рассказа незаконченного...

– Тридцать градусов, – отец констатирует, – Где колесо-то наше, язвы их – к утру на этой высотке вся сороковка будет... Солярка мерзнуть начнёт...

Молчит Виталья. Молчит и перевал – темень только за окном синется...

– Дальше просто, – решил договорить историю Птахин-старший, – «Могила» нам координат охотника не давал, мол, что такое три года: освобожусь – поедем. В той среде же никто никому не доверяет.

– Освободился? – Виталья торопит-спрашивает, и чует Мишка «лихорадку» его золотую.

– Это да, – отец смеется, – Освободился. Но легче никому не стало. За полгода до освобождения задавило деревом охотника того! – Уже не таясь, поставил точку батя, – Умирать он наверняка не собирался и потому никому о находке не рассказывал. Так и замкнулся круг.

– Мистика, – только и выдохнул дядя Виталья.

– Это да, – отец смеется, – Мистика... Вроде понятно все, а блуждаешь словно в потемках...

– Так ничего не придумать?

– Почему? – начал было отец и неожиданно с Мишки шкуру сдергивает, – Вставай, разведчик! Хватит спящего изображать. Все услышал?

Сурово смотрит батя, а в глазах искорки танцуют.

Не успел Мишка ему ответить, а далеко-далеко на дороге фары автомобильные появились.

...

Ещё колесо...

Колесо поменяли быстро.

Буряты, что на микроавтобусе его привезли, в Монды ехали, так дядя Сережа с ними баллон и отправил.

"Посыльные" не спешили. Вопросы позадавали – кто да что. Посветили фарами отцу, пока тот с гайками-домкратом возился.

Забавно Мишке: вроде чужие люди, а идет от них душевность какая-то. Один на прощание еще и камеру для колеса дал: «Мало ли что? – говорит. Отец сначала брать не хотел, а бурят обижается, мол, не всем отдаю. – Телефон пиши – после вернешь. Будешь Орлик проезжать – звони. Курбан Дошеевича спросишь.

Нравится Мишке такое отношение. У бати настроение тоже что надо. Виталья усы пушит и спальник свой обратно в чехол сует.

Фыркнули машины.

Буряты в сторону перевала двинулись, стопарями красными заморгали, а «Крузак» как стоял – прямо...

Звезды проклюнулись. Месяцок серпиком. Машина гудит-гудит. Батя Мишке скомандовал, чтобы снова спать ложился, Ехать, наверняка, добрую половину ночи – сильно в темноте не погоняешь, а у парнишки свои заботы – пыхнули камушки шаманкины вдруг с новой силой, и чуёт паренек, произойдет сейчас что-то.

Хрустят под колесами камни. Дорога почти без снега, и в салон нет-нет пыль затягивает – совсем по-летнему. Если не знать, что «за бортом» тридцать градусов, можно и время года перепутать, а Мишке не до этого – пульсируют камушки в мешочке будто живые – никогда такого не было – "шевелиются" и все тут.

Сзади фары светят. "Камаз". Отец чертыхается – оно и понятно: когда надо, нет попуток, а тут смотри-ка...

Соревноваться в скорости не стали. "Теснятся" на обочину и только-только стопари камазовские из пыльного "облака" заморгали – ойкнул Мишка. Ухватил себя за джемпер на груди – зажал мешочек "кусучий", и тут же машину в кювет на правую сторону и потащило...

Ночь – время охотничье. Хищник по свету завсегда отдыхает, а день (как ни крути) все-таки человечья пора. Темноты бойся, человек! Любая тень может часами ждать, чтобы стать в самую неподходящую минуту осязаемо-опасной.

Правда, летом в лесу спокойней будет. Самый страшный хищник в теплое время словно ребенок. Нападения – редкий случай.

Много всячины, оказывается, знает человек. Стоит в переделке ему оказаться, тут же вспоминает, что надо и не надо.

Так и Мишка.

Когда батя машину на самом краю котловины метра на три глубиной все-таки остановил – полетели у мальчишки мысли чередой о хищниках да о повадках...

Пока "летели", на спину отцовскую смотрел, а тот как остановился из машины не выходит – сидит, голову на руль опустил.

Дизель "издевается", фыркает-булькает, а Виталя молча с сиденья на улицу лезет. Смотреть.

– Заднее правое? – отец ему кричит и Виталино:

– Да, – перечеркивает все.

Ненамного хватило путешественникам ремонтного колеса – метров на триста-четыреста. В третий раз рвется сзади и справа – колдовство и только... Батя так и закричал в ночь, мол, скажите, кто же проклял нас в дорогу!!? Кто!!! Но... не отвечает ночь.

Дядя Виталя тоже молчит-виноватится – наверняка монетку свою в Тибельти вспоминает, да и Мишка не лучше со своим амулетом. Чего, скажите, важного в знании этом, где-что произойдет? И чего теперь делать?

– Всего ничего проехали, – батя соображает, – Дым километров за семь виделся. Дойдешь Виталя?

Оператор кивает через пару секунд и его тихое:

– Оборудование не брошу... – звучит ультиматумом.

Много ли там "железок", отец не спрашивал и Мишке указания дает – что с собой забирать.

"Крузака" с дороги за холмик угнали – в ночь не увидят да и днем лишь багажник торчать будет, а там палки от юрты рыжим раскрашены – как есть пейзаж осенний – в масть все...

Коряво машина на пробитом колесе идет. Хромает-переваливается. Батя чуть не стонет – не любит Птахин-старший отношения к технике варварского.

Когда из машины выбрались, почуял Мишка на себе взгляд тяжелый. Оценивающий тот взгляд был – нехороший...

Камушки амулетные тоже

никак не успокаиваются, а батя уже задачи сыну ставит – уши закрыть и в шарф дышать ...

Воздух морозный жжет-колется. Виталя коробки-чехлы свои на плече приспособливает – пару минут провозился и... пошли.

Минута-другая, и уже на дороге троица. У Птахина-старшего фонарик не фонарик – прожектор целый, далеко светит. Луч тугой-круглый будто канат корабельный качается.

Дорога – лед и снег с камнями вперемешку – вроде укатано, а идти неудобно. Торчат шишки ледяные-каменные, ступни выворачивают.

Метров сто прошли – жарко Мишке. Шаг у него всегда короче отцовского был – ускоряться приходится, чтобы позади не тащиться.

Фонарик ночную картинку тенями раскрашивает-мечется. Лиственницы, морозом скрученные вперемешку с кустарником, будто из сказки вышли и вдоль дороги построились.

Дорога вверх идет – впереди поворот маячит, и тут с правой стороны метров с двухсот понесся вой протяжный²³...

...

Вой.

Если б не знал Мишка точно, что Афанасьич на втором экипаже уехал – подумал бы, снова старик шуткует. Хотя какие тут шутки – ночь на дворе. Ночь и мороз.

Оказалось, сильно похоже волчий голос старик изображает. Оттенки, правда, разные звучат – если Афанасьич устало выл, жаловался, то этот словно гипнотизирует.

– Аыуууууууууу... – Звучит безысходное, мол, никуда не денетесь, людишки – ни-ку-да...

Батя на голос волчий фонариком светит и видит Мишка в другой руке отцовской наган с барабаном, будто из кинофильма.

²³ Место нападения волков на карте под № 5.

Секунды не прошло, откликнулась вся «долина» на вой матерого. Со всех сторон голоса волчьи несутся – спереди – сзади – отовсюду ругады протяжные.

Азартно воют. Гипнотизирующе...

Чует Мишка, замерли взрослые – немудрено. Самому тоже кажется – прав волчий голос – незачем бежать – быстро закончится эта история – не стоит противиться.

«Волчий гипноз» не шутка. Как почувал мальчишка ступор общий – перепугался. Отца с Виталей за руки дергает:

– Бежим! – кричит.

– Вперед? – Виталя в себя приходит.

– Вперед сожрут! – Батя орет, – К машине давай...

– Там же волки, – Виталя переживает, а сам уже скорость набирает.

Первым несётся оператор и прямо на вой, а те будто специально к машине стянулись. Не разобрать, сколько голосов из-за бугра, где «Крузак» спрятали, доносится: метров десять до них уже – не больше.

Сверху и позади тоже воют – сумасшествие...

Вот и с дороги своротка. Мишка каким-то задним чутьем движение за спиной ловит, а может, и кажется мальчишке с перепугу.

– Аыуууууууу, – где-то позади самый басовитый выводит, что первый завыл, и чует парнишка – сместился он.

Следом движется матерый – сжимается петля.

Вот и «Крузак», стоит на пятаке снежном, а вой прямо от него летит – будто именно под машиной зверье залегло.

Батя светит – никого. Кусты да лиственницы.

– Пик-пик, – сигналка отзывается.

Лампочки мырг-мырг, и только вой переливчатый мысли глушит...

Виталя как первый шел, так с ходу и не снимая штативов на сиденье ломится и... в дверях застревает неловко.

Смех и грех. Мишке-то не до этого – он в салон на шкуры свои – шась. Дверцу за собой – хлоп.

Выдохнул и давай оператору помогать распутывать его ремни-коробки.

Вдруг сменилось что-то на лице у Витали.

– Смотри-ка, замолчали, – батя констатирует и на сиденье прилаживается.

Точно – молчит долина, будто и не было ничего. Тут как раз оператор штатив упрямый, что нараскоряку в дверях встал – победил.

Крузак булькает-булькает – тепла в салон нагоняет, а Мишке после "дистанции" сильно жарко.

– Метров семьсот бежали, – батя прибрасывает, – А вперед, Виталю, куда ты звал нас – километров шесть дороги – в самый раз волкам на обед.

Молчит оператор, а Мишка чувствует, как прячет батя за смешками собственную неловкость.

Помолчал Виталю, помолчал, да не утерпел:

– А почему сам-то тогда завис, если смелый такой? – спрашивает, – Если бы Мишка «Бежим!» не закричал – с места бы не двинулись и чего не стрелял-то, раз пистолет с собой?

– А куда стрелять? – Батя сердится виновато, – По соснам? А за ступор ты прав, Виталю: заколдовали меня волки – первый раз такое слышу...

– Чего делаем-то? – Мишка с заднего сиденья спрашивает, – Тут спать будем?

– Спать? – Батя сердится, – А дальше что? Все сначала? Колеса с попутками отправлять? Ждать? – Молчат Мишка с Виталем – нет ответа, – Хватит! – Птахин-старший решает, – На спущенном поедем! – И будто точку ставит, – Семь километров не расстояние...

...

Хороший гон получился – жалко бесполезный.

Расслабилась стая – теплынь днем ...

Стала бы молодежь выть впустую лютой зимой? Никогда не добежать двуногим до убежища своего вонючего в том же феврале-январе...

Вон стоит, фыркает дымом едким в синеву ночную. Глаза желтые светятся – далеко «смотрит». Ничего... опыт штука хорошая – будут знать теперь волчата подросшие – люди тебе не олени и воя ночного не сильно боятся. Тут уж у кого нервы крепче. Сегодня не вышло, зато поучились кой-чему – знают теперь: бежит на тебя добыча поперек воя зловещего – не жди – режь...

Гудит-ревет громадина «глазастая» – обратно на дорогу ползет. Останавливается-воет. Потом дальше "хромает"...

Выбралась и поковыляла по дороге пыльной, словно задняя «лапа» ее в капкан угодила.

Вроде и негладкий ход, а прытко получается. Подсказывает чутье матерому: зря суета была – ушла добыча...

...

Под прицелом...

Ночные поездки Мишка любил, но только не сегодня.

Когда обратно на дорогу выбирались, опять неприятность случилась. Не захотело спущенное колесо с крошечным снежным расставаться – задом сдавали и... зарылись.

Пока батя блокировку не включил, никак выскочить не получалось.

Парнишка отцовское ворчанье слушает, а сам окошко тихонько приоткрыл – не воют ли?

Ухо оттопырил, но... тиха ночь. Звезды прямо над «Крузаком» "болтаются". Месяцок на убыль «перевернулся» совсем...

Наконец к дороге выбрались. Некомфортной поездка стала – прыгает «Крузак» – переваливается. Под Мишкой, где в самый раз колесо пробитое, трещит-ухает прыжкам в такт.

Батя через зубы цедит что-то, не разобрать, и чудится Мишке заговор шаманкин из далекой Тофаларии:

– Е-уай-оргоооооо...

Сна нет – лихорадит внедорожник. Все, что плохо лежало, уже под ногами. Попытался Мишка воды найти – где там. Ускользнула бутылка любимой «Байкалики» под сиденья – не выковыряешь.

– Пять километров, – батя расстояние отбивает, – Смотрите внимательно своротку налево – километр-два и будет. Не пропустите.

Легко сказать: «Смотрите», – вроде и скорость небольшая, а в качающемся свете фар мерещится Мишке чертовщина всякая. То человек голосующий мелькнет, то камень животным покажется...

Опять Тофаларская шаманка вспомнилась

«Сумерки... – смеялась тогда она словам отца, - По нашему не сумерки называется... Если камни-кусты людьми или животными кажутся, то час собаки это – берегись, путник...

Как вспомнил, показалось мальчишке, будто проскочил «Крузак» отворот какой-то. Подумать не успел – пыхнули на груди камушки. Как в машину садились Мишка про них и думать забыл – затихли, и всё, а тут смотри-ка.

– Проехали своротку, – мальчишка бате в спину дышит, а сам в сомнениях...

– Уверен? – Тормозит Птахин-старший.

– Метров сто уже, – зажал мешочек на груди Мишка и держит от груди подальше, чтоб не жегся.

– Разворачиваться не будем, – отец решает, и рычаг скоростей держит.

"Жабой" прыгнул «Крузак» назад.

Снова что-то забренчало-хрустнуло будто в самом начале, а Мишка и не заметил, что грохотать «под брюхом» меньше стало – закаталась-затянулась резина, скорее всего.

Обреченно едет батя, и чует паренек: не окажись своротки, где ему показалось – выскажут взрослые все, что думают...

Лиственницы кривенькие с кустарниками слева закончились.

На мостик заехали-перековыляли...

Надпись синенькая «р.Гарган» появилась на жестяном указателе

Вот и заезд неприметный. Дневное солнце злую шутку с путниками сыграло – стоял снег, и незаметной дорожка стала.

– Все верно, – батя бормочет-сворачивает – себя успокаивает, – Речка есть – будут и люди.

– Сколько километров-то проехали? – Виталя голос подает.

– А, как и прибрассывал, – Птахин-старший бурчит, – шесть и триста метров...

Мостик уже справа остался и ковыляет «Крузак» по крутому спуску.

«Накатанная дорога! – Мишка радуется, да и камушки замолчали вдруг. – Верно едем...»

Сосновый лес пошел. Дорога разветвляется, и уже несколько направлений укатанных меж деревьев мелькают.

– Обжитое, – батя радуется, – На пустом месте столько не наездишь...

Вдруг огонек меж деревьев мелькнул.

Второй.

– Вот он, поселок, – Виталя радуется

Мишка меж передних сидений повис, локтями уперся и в лобовое стекло тарашится, а огоньки всё ближе.

Последние деревья. Опушка и дом с постройками.

Забора нет, а около дома огни те самые.

– Снегоходы? – батя удивляется, – Камаз... Грузят что-то...

И точно – мороз не мороз, ночь не ночь – суется фигурки.

Вдруг меняется что-то, и у пары «грузчиков» ружья появляются – один в «Крузака» целится, а второй не хуже индейцев из вестерна руку с винтовкой поднимает – стойте, мол.

...

Дарицу и Евлампий.

В задней комнате жарко.

За стеною топка трещит, а угол печной-кирпичный прямо в помещение выглядывает.

За стенкой снегоходы гудят-разъезжаются – огни влево-вправо полями уходят.

Странно Мишке – куда приехали? Что за люди хозяева?

Когда пару часов назад ружья в ход пошли – батя все команды выполнил, как сказали.

Остановились.

Фары выключил – только габариты оставил...

Один так в трицу и целился, а другой машет-сигналит, мол, к машине выходите.

Мишка первый выскочил, батя даже тормознуть не успел – а чего здесь думать?

Полуночники бурятские снегоход разворачивают. Луч яркий фигурку мальчишкой из темноты только выхватил – тут же и замер.

Виталя кричит, со штативами своими наружу лезет.

Как появился на улице в обнимку с оборудованием, голоса от фар сразу кричат:

– Оружие на землю...

– Клади, Виталя, на снег бутор свой, – Птахин-старший распоряжается, – Со стороны выглядишь – винторез-винторезом...

Сообразил оператор, в чем дело, но штативы уложил аккуратно – без паники, а бурят уже в свете фар еще ближе идёт.

– Откуда взялись-то? – кричит...

– Колеса пробили! – Птахин-старший отвечает, – На спущенных едем. На огни завернулись...

Спадает напряженность. По всему, не мирных путников думали увидеть буряты – а кого именно, не ясно пока ...

– Дарицу! – Кричит вдруг парламентар куда-то назад. Потом еще что-то по-бурятски добавляет, и кажется он вдруг Мишке неуловимо знакомым. Но не поймал мальчишка сразу мысль эту странную – наоборот погнался от себя, мол, какие-такие знакомцы на этом краю мира?

Ждут. Минуты не проходит, фигурка тоненькая на свет выбирается и спокойно так к путникам идет... Мишка смотрит и понимает вдруг, что женщина это. Молодая... Каким-то вторым чувством чует мальчишка – хозяйка всего Гаргана²⁴ сейчас к ним приближается.

Пока мыслям своим удивлялся, бурятка вплотную подошла.

«Парламентар» с винтовкой за нею следом шагает и снова что-то знакомое в его облике Мишке чудится...

Бурятка на Виталяны чехлы только мельком глядит.

Мишку рукой за плечо тронула-отпустила и с ходу к машине...

²⁴ Селение на речке Гарган - № 6 на карте 2.

– Долго ехали? – наклонилась она к пробитому колесу, а там резина на диске буграми скомкалась – шишки уродливые торчат...

– Почти десять километров...

– А сворот как заметили? С дороги же огней не видать?

– С речки дым видел. Днем еще... Пока колесо из Орлика ждали, до реки гулял...

– Верно... Не было днем ветра, да и давление менялось... Дым часа два над речкой висел, как баню протопила... Евлампий! – Обернулась она к мужику с ружьем, –

Чего делать-то будем?

Вздрогнул Мишка, как имя это услышал, вздрогнул и сообразил вдруг, почему бурят с винтовкой знакомым ему кажется.

Отца за руку дергает.

– Это же из Тофаларии дядя Евлампий, – шепчет-свистит мальчишка отцу, – Не узнаешь что ли? Ну, шаманки Сафы внук ...

Молчит папка. - "Завис. – Понимает паренек, – То ли сообразить не может о чем речь, то ли вспоминает".

– Дядя Евлампий, – полез тогда Мишка вперед, – Это ж мы... Птахины... Меня еще ваша бабушка Сафа в Тофаларии лечила...

...

Наши-Ваши...

Не идет никак сон к Мишке.

Давно уж и снегоходы разъехались, и сын хозяйский Санжа в комнату к «пленным» зашел – к столу звать.

Мама его с забавным именем Дарицу на кухне опять главная. Пыливо смотрит на гостей незваных. На стол целый таз с мясом вареным ставит. Хлеб ломтями. Сметана-масло.

– Кефир любишь? – Мишку спрашивает, и слышит парнишка в ее голосе нотки материнские.

Кивает.

Хозяйка кричит что-то на бурятском, и появляется из дальней комнаты старушка заспанная. Кружку хватает молча и к бочке идет, что в углу стоит. Мешает-тычет палкой внутри посуды – будто толчет что-то, а потом ковшом черпает и в кружку белое льет.

– Ему давай, – Дарицу пальцем на Мишку показывает, а тот все бочку разглядывает. Странная конструкция – худая-длинная – почти в его рост.

– Прабабкина бочка, – заметила мальчиший интерес старушка и кружку протягивает, – Дедушка Ойдоп её стругал. Почти сто лет кефирнице этой, а служит. Я при ней всю жизнь прожила...

– Меня тоже переживет, – откликнулась Дарицу, – Вещи, они такие. Ну, говорите, – повернулась она к Птахину-старшему, – Как беда-то приключилась?

Рассказывали в красках.

Мишка пару раз даже отрывался от мяса-хлеба и вставлял собственные реплики.

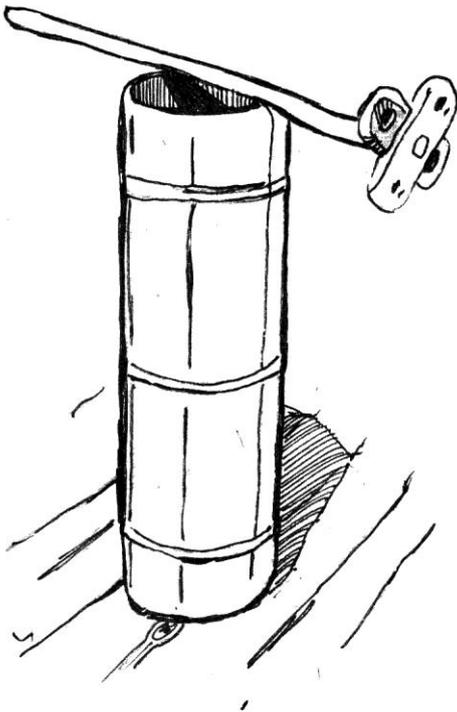
– А что мальчишку-то со второй машиной не отправил? – Интересовалась хозяйка у отца, – Неужели специально прятался? – Пытливо смотрела она на Мишку после батиного ответа,

а тот и соврать не смог – кивнул только. – Там же самый волчий переход из Монголии, – рассказывала Дарицу дальше и жаловалась, – Донимают волки – **ой!** Почти десять голов за зиму у нас резали...

Удивлялась она и тому, что кто-то собрался вдруг фильм о волках снимать, – Охотник, говоришь? Волчатник? – Интересовалась она Афанасьичем, – Завезите к нам его на обратной дороге, пускай с Булатом поговорит...

Булат оказался хозяином дома. Он все больше молчал, а Мишке казалось, будто они с Дарицу общаются на каком-то «третьем уровне». Глянут друг на друга – словно фразами обмениваются.

Когда Евлампий вернулся, отец уже Мишку спать отправлял.

– Ну здорово, – растопырил объятия Сафин внук, – Никогда не думал, что свидимся...

Забавно Мишке – взрослые мужики, а горит в них какой-то огонь мальчишечий.

Дарицу с Булатом встречу эту молча рассматривали. Переглянулись лишь по обыкновению, и снова показалось Мишке будто обменялись они фразой-другой.

– Вырос-то как, – тянет Евлампий мальчишке широченную свою ладонь, – Не болеешь больше?

– Как тогда, ни разу еще не болел... – жмет Мишка мужскую руку.

Сильно жмет, как батя учил. Не любит Птахин-старший "девичьих" рукопожатий: "Будто сосиску в руки суешь", – вспомнил паренек отцовскую приговорку.

Действительно: у большинства городских Мишки друзей (в основном любителей компьютеров) именно такое рукопожатие. А компьютерные игрушки (кто знает), это еще та зараза. Хорошо, отец в свое время отвадил. И не запретами...

– Реальная жизнь та же игрушка, сынок, – сказал он, – Разница лишь в том, что не перезагрузишься здесь и не сохранишься. Если уж "гэймовер"²⁵ случился, так навсегда это...

Такие слова мимо не пропустишь. Тем более батя и сам одно время в игрушки вместе с сыном резался и первым сообразил, что в этой "заразе" к чему.

Смеется Евлампий. Сразу видно, как рад он встрече этой.

– Водку я теперь не пью, – с удовольствием швыркал тофаларский знакомец чай с молоком, налитый молодой хозяйкой, – Ты никому не предлагал здесь выпить, пока я груз провожал?

Легкую настороженность в глазах Дарицу Мишка уловил сразу – и не разговору о водке, а оговорке Евлампия про какой-то груз.

А батя-то упустил из виду, что мальчишка никуда не ушел, а тот и рад – присел незаметно на краешке табуретки и замер.

– У Дарицу никто не пьет! – Хвастался Евлампий дальше, – Я когда на ее тетке женился – удивлялся. Вроде и наши, а живут совсем по-другому...

²⁵ "Гэймовер" - Птахин старший имеет в виду "Game over", т.е. конец игры. Появляется на экране когда окончательно проигрываешь.

– Наши-ваши, – недовольно отозвалась хозяйка, – Кого чем сейчас мерить? Разделилось-перемешалось. Вот мы сойоты, ты тоф, а язык у всех тувинский. А хоть и называет нас наука тувинцами-тоджинцами, так я не согласная! – Мишке удивительно – что это за такие металлические нотки в голосе у хозяйки звучат, – Какие мы тувинцы, если в нашей породе никогда кайгальского не было? Монголы говорят, саты во все времена преданными пограничниками Чингисхана были. Сойот по монгольски сат, – пояснила она, улавливая замешательство слушателей, а кайгалы – это старинное название тувинских бандитов. Хотя, говорят, в старые времена и робингудствовали они – бедным наворованное раздавали, но про это лучше Евлампия спрашивать – он после смерти прабабки своей соревнуется теперь с ними – кто-кого приберет...

...

Взрослые тайны

"Сколько же их может быть тайн этих?" – пытался заснуть Мишка. Вон сын старший хозяйский Санжа сопит себе. Третий сон, наверняка, смотрит.

На год младше Мишки паренек оказался, а роста такого же. За столом немногословен был, а как угнали все-таки пацанов спать – разговорился.

Оказалось, борец он. Вольник. А еще национальной борьбой "на три точки"²⁶ увлечен. На стенке медали висят. Мишке сразу новости по ТВ про олимпийцев вспомнились – так же показывают-рассказывают.

Однако долго болтать у мальчишек не вышло. Загнала Дарицу подростков в постели, выключила свет и настрого молчать приказала.

²⁶ "На три точки" - национальная борьба тюркских народностей. Нужно заставить противника коснуться земли тремя точками – например, рукой. Есть варианты подобной борьбы на ремнях.

Дверей в комнатах Гарганского дома не оказалось. В проемах одеяла висят, а тепло от печки, азартно потрескивающей на кухне, свободно по дому растекается.

Говорить в темноте тоже не вышло. Только-только зашептались мальчишки, как строгое, – Санжа! – Прервало рассказчика, а Мишка понял: о местном сурхарбан и мечте Санжи выиграть когда-нибудь на этих соревнованиях коня, узнает он в лучшем случае завтра.

Завтра так завтра. Впечатлений иному на целую неделю хватило бы.

Тишина в доме. Тишина, дыхание и лишь печки треск.

Не может заснуть Мишка – то от волков снова бежит, то, наверное, в десятый раз нежданную встречу с Евлампием в деталях перебирает.

Однако усталость свое берет. Вот и первый сон осторожно «коснулся» мальчишки, но тут отчетливый голос дяди Евлампия за стенкой шепчет.

– Уснул оператор твой, однако – на кухню пойдём. Говорить будем...

Колеса переобували всем миром. Мишка проснулся утром от гулких ударов с улицы и, откинув плотную штору, увидел фигуру отца и Евлампия над колесом и с кувалдами в руках.

Санжи не было. Кровать аккуратно застелена, а с кухни доносится неясный говор на бурятском и запах свежих творожников.

Мишка неожиданно сообразил, что ему хочется разом и много. В туалет. Поспать еще. Поесть творожников со сгущенкой. Ополоснуться в душе. Выпить стакан холодной-холодной воды из ковша. Съесть кусок домашнего хлеба, испечённого Дарицу – интересно, такой ли он окажется вкусный, как и вчера?

Однако всю эту «кашу» из желаний с огромным перевесом перетягивал ночной разговор отца с Евлампием.

– Дух! Тыдых! – бахали тупые удары за окном, мешая сосредоточиться.

«Вот они, заговорщики», – рассматривает Мишка в окошко новоиспеченных партнеров.

Весь мир, вся планета продолжали свой обычный бег, и никто не знает, чего наметили батя со внуком покойной Сафы.

Никто... Ну, или почти никто...

Мишка даже губу закусил от азарта, разглядывая мирную картинку ремонта на утоптанном крепкими ногами снегу.

Неожиданно среди редких деревьев появилась фигурка мужа Дарицу Булата – показывает он что-то отцу издалека, а батя и радуется.

Знает Мишка отца до тонкостей – со спины может сказать, какое у того настроение – даже плечи у родителя сейчас улыбаются – во как доволен.

Понимает Мишка: пора бы из постели выбираться – день начинать. А про ночной разговор забыть теперь нужно до поры, будто и не было его. Птахин-старший тоже не промах: разом перемены в сыне почует – проколы в таком деле незачем...

Ночью как сидел-подслушивал Мишка за баком с водой рядом с кухней, отец раза три в коридор выглядывал. Хорошо, мальчишка в одеяло с головой завернулся – стоит себе «куль» – кто проверять-то будет, да еще не у себя дома.

Мишка весь разговор полностью услышал – хотя взрослые и шептались. Слышать-то слышал, однако не мальчишечьими оказались тайны – не совсем по плечу.

...

Кувалда и яки

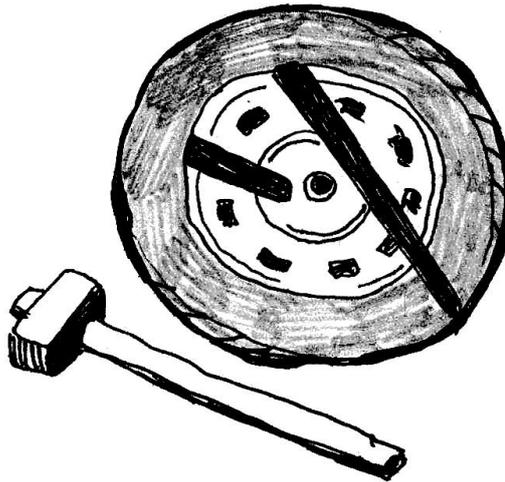
Оказалось, Булат ходил к соседу за монтажками аж на другой берег Оки.

– Год назад отдавал, – смеялся хозяин, – Ни разу не бортировал нынче, так и не забирал... Везло...

Мишка как умылся, пошвыркал беленого чаю²⁷, да и побежал отцу помогать-смотреть, как без шиномонтажек в глуши колеса бортируют.

В самый раз успел. Отец с Евлампием вторую сторону колеса кувалдами добивали.

²⁷ Беленый чай – чай с молоком.

Два куска уголка на покрышке лежат – две кувалды в руках. Бьют по очереди в уголки, смещаясь по кругу.

– Тадах, тадах!

Резина понемногу с диска ползет-ползет и:

– Ппых, – вздыхает колесо, оседая безвольно.

Следом монтажки Булатовские в ход пошли.

Не спеша бортируют покрышку мужики – со знанием дела.

Лапками покрышку цепляют и помалу с диска тащат.

Перехватываются и другую сторону ногами прижимают

Батя над сыном смеется:

– Первый раз что ли видишь, отродье городское? Учись! При СССР все сами бортировались: монтажки-кувалда – лучшие друзья!

А на улице теплынь – будто и не было этой ночной тридцатки с лишним. Чует Мишка: по-другому этот мир ему видится после событий вчерашних.

Батя как почуял. Монтажку Евлампью отдает – продолжай, мол, и в глаза сыну глядит:

– Ты чего такой?

А Мишка и говорит как есть потихоньку:

– Никогда такого неба голубого не видел...

– Снег тоже белее обычного? – Птахин-старший смеется. Кивает паренек, – Привыкай... – отец рассказывает-поясняет, – Когда сухим из воды выходишь, сразу видишь мир этот красивым – жалко, не надолго эффект... Засуетишься-забегаешься, и опять блекнет всё...

Звуки для Мишки тоже другие стали – удивительно. Пичуга чирикает где-то недалеко – красиво. Носом воздух потянул и будто собака иная почуял и пота запах от коня стреноженного, и аромат смолистой поленицы, в забавную шишку сложенную.

– А зачем так дрова укладываете, дядя Булат? - Интересуется.

– Привычка, – отвечает хозяин, – На летнике места для дров мало, вот вверх и закладываем башней.

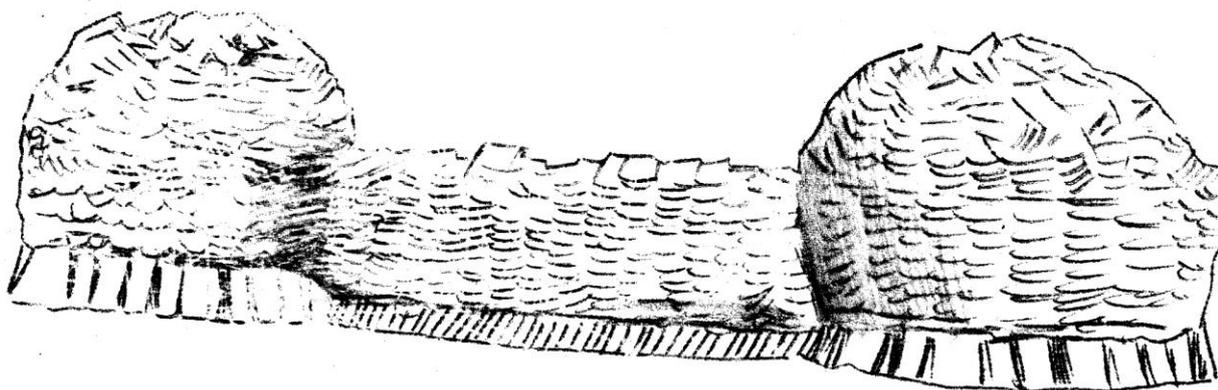
– Так летом же тепло?

– Летник только название такое, а бывает, он и зимой нужен. Если здесь снег глубокий падает – якам корма нет. Тогда на летник стадо гоним. Наверху морозы крепче, зато ветер снег сдувает. Трава торчит. Корм.

– А если заготовить кормов? – Вспомнил Мишка про сенокос у отцовской сестры в деревне и понял, что сморозил...

Хохотали все и даже Птахин-старший.

– Знаешь, сколько у Булата с Дарицу голов? – Прокашлялся дядя Евлампий, – Шестьсот! И это только сарлыков²⁸. Коней – сотня. Коров два десятка. Здесь не ваша сторона – здесь Ока и люди при яках испо-

кон живут... На такое стадо век кормов не заготовишь...

Дальше – больше. Мишка еще по Тофаларии помнил, что дядя Евлампий любит порассказать – только затрави. Как раз перекурить сели, а тот всю историю рода Булатовского за сигареткой и поведал.

²⁸ Сарлык – разновидность яка.

– Здесь, паря, исконные места сарлыка обитания, – шурился он на солнышко, – Булат рассказывал, приезжали как-то антиквары городские

иконы-утварь искать, так кованный инвентарь дедов-прадедов не меньше чем в триста лет оценили. О как!

Вьется дымок от сигарет, и даже пичуга в лесу примолкла – историю слушает.

– Ты думаешь, люди яков пасут? – Смеется Евлампий, забавно моргая, будто дым сигаретный глаза ему щиплет, – Тут все как раз наоборот. До революции Булата предки почти две тысячи голов сарлыка имели – пойдя, управься. Да и яки сами знают, когда им на летник или зимник идти, а люди только сопровождают-подправляют – сарлыки редко ошибаются. Волкам опять же шалить не получается – когда люди рядом – телят-то от общего стада сильно не отобьешь. Давний уговор этот у бурят-сойотов с сарлыками, – шутил он, а звучало это почему-то торжественно, – Когда же советская власть сюда пришла, и колхоз мясо-молочный делать стали, то прадед Булатовский первым в него вступил – не стал противиться-воевать. Хотя вступить-то вступил, а сыну своему шепнул, мол, ненадолго власть такая – лет на сто – или меньше... Потому никуда с этого места, где предки жили, не уходи: развалится сила эта, а родовое к нам опять вернется...

– И? – Птахин старший голос подает, и видит Мишка в глазах у отца искорку, что мелькает у него, лишь если редкое-антикварное он что найдет. Удивиться не успел, а Евлампий продолжает:

– А что и? Так по роду и передавали прадедовский завет, пока Булат в начале девяностых, когда колхозы делились, своим паем обратно родовые земли не забрал... Вот так-то! Не ошибся старик!

– С бородой история... – Птахин старший оценивает, да и Мишка со всем другими глазами уже вокруг смотрит-оглядывается.

– Держи, – сует дядя Евлампий Мишке монтажку в руки, – Помогать будешь. Скажу когда – придержишь. Видел, как я делаю?

...

Отцовское слово верное

Все руки ободрал Мишка, взрослым помогая. Вроде и нехитрая наука придерживать, когда скажут, а нет-нет, соскочит монтажка, и пожалте, еще отметина...

Возились долго. Мальчишка уж и не надеялся на продолжение ночного разговора, как дядя Евлампий на перекуре хлопнул вдруг его по плечу.

– На Жойган по лету берем с собой Мишку? – чиркнул он зажигалкой, – Санжа-то с нами точно пойдет.

Отцовское недовольство таким скоропалительным предложением Мишка уловил сразу:

– Ты доживи сначала до похода этого, – устало бросил батя, строго зыркнув на Евлампия.

Тот осекся под его взглядом, а парнишка разом вывернулся из-под тяжелой руки:

– Ну теперь, если доживем, так считайте, что поедем, дядя Евлампий, отцовское слово верное. – Зачастил он, – А Санжа каждый год туда ходит?

– Мы больше на Хайтогол гуляем, – пускал дым шаманский правнук, – Там и тувинцев не бывает, и живешь не в палатке...

И снова видит Мишка отцовское недовольство разговорчивости Евлампия.

Не любит Птахин-старший лишних людей в экспедициях своих. Перевозить юрту или колеса ремонтировать – куда ни шло, а вот брать ли сына в неизвестность полную – сто раз подумает.

Хотя слово не воробей – ведь фактически сказал: «доживем – возьму», так Мишка теперь и не отцепится. Знает мальчишка: подлови

батю на обещании – «поскрипит», а исполнит. Так что не просто так спектакль парнишка сейчас при Евлампии разыгрывал.

Поход на Жойган – ключевой момент из отцовских с тофаларом «кухонных секретов». Именно в той стороне и на спорных территориях²⁹ должна продолжиться история та старая о долларах. Единственное, что не нравилось Мишке так отсутствие хоть какого-то плана у взрослых.

– Я же из-за этих Сафиных секретов сюда из Тофаларии подался, – шептал в ночи Евлампий Птахину-старшему, – тяжело уходила бабушка. Шаманскую силу мне передала. Временно. Как дочка родится – все ей достанется, – откровенничал он.

Птахин-старший Евлампия не перебивал, а Мишка за баком с водой чуял, как напряжен батя – напряжен и ждет, когда же откровения старого знакомого в другое русло повернут, – Помнишь, ты про телегу бабушку спрашивал? Ну, мол, видно ее только в «Час собаки»... В десятку выстрел, – хохотнул Евлампий, – с нее-то вся история Сафы с прадедом и началась.

ЧАСТЬ II

...

Прибайкалье, 1920 год.

Пережженная солнцем трава превращалась в труху под солдатскими ботинками, перехваченными обмотками. Полный шаг не давался уже никому. Не было и команд-указаний подтянуться-спешиться. Не разговаривал никто. Остался только скрип колес, фыркание лошадей да шелест степного ветерка, разгоняющего пыль.

Если бы не эта пыль из-под шаркающих ног, то картинка напоминала бы мираж с фигурками солдат и офицеров – пеших и конных.

²⁹ Жойган – источники в Бурятии на границе с Тывой, почему тувинцы и считают их своей территорией. На Жойгане нередко возникают конфликты между бурятами и тувинцами.

Летнее марево на свой лад перекраивало устало бредущие с винтовками силуэты. Придавало им некий импульс броска в едином порыве. Наверняка так же делает последний прыжок смертельно раненый зверь, еще желающий победы, но уже осознающий, что все, не успел...

Балка³⁰, по которой двигался отряд, надежно укрывала его с флангов от случайного взгляда красноармейских разъездов. А те буквально наступали на пятки.

Рассыпанные на небольшие отряды остатки Белой Армии исполняли последнюю волю Верховного Главнокомандующего: «В случае поражения любой ценой пробиться в Монголию. Сохранить остатки казны. Там организовать центр сопротивления».

Обозов оставалось три. Маршруты отхода каждому намечались за годя.

Уйти они должны были еще неделю назад, когда стало ясно, что финал Российской кампании лишь дело времени. Однако неожиданное наступление красных спутало планы и разметало их по бескрайним просторам Восточной Сибири.

Идущие степью, не знали, что один из обозов с бесценным грузом с маршрутом отхода через Тыву, перепутал направление и таежными распадками ушел в направлении Тофаларии, где через два дня и будет расстрелян.

Однако ценностей красноармейцы не увидят: скользкая эта штука богатство – налим да и только. Это позже сообразят граждане красноармейцы, что не может простой матрос банком руководить – не любят всех подряд деньги-то и не даются каждому.

Штабс-капитан Тофаларского обоза Егоров уже второй день изображал возницу на телеге с главным грузом. Как почуял, что неверную дорогу им в Нижнеудинске³¹ указали, так и разделил обоз надвое. Впереди все по чести, охранение-дозоры, а здесь он да пара офицеров в гимнастерках солдатских.

Только-только выстрелы зазвучали, развернул он телегу, ссадил товарищей и помчался обратно к распадку, что сегодня утром приметил.

³⁰ Балка – распадок или заросшая промоина.

³¹ Нижнеудинск – город в Иркутской области. См. по стрелке на карте 1.

Понимал Егоров – немного времени. Прощаться и вовсе некогда, да и не хотелось ему, чтоб заметили боевые друзья слезы на небритых щеках. Больше ведь не свидеться...

Все ближе «карман» в сопке по соседству с каменной осыпью, ивняком закрытый.

Он еще утром беду почувял, когда поманило да потянуло его именно туда. Ну а как подошел, так и понял: лучшего места, чтобы телегу с грузом прятать, и не найти. В пяти метрах пройдешь – не углядишь. А ежели еще и камней сверху осыпать, так лишь с соседней сопки да в бинокль рассмотришь что-то, к лесу отношения не имеющее. А вот захочешь ли ноги ломать, чтобы глянуть – подумаешь. Не найти лучшего места.

Для себя Егоров сразу все определил и только ждал, когда же мясорубка начнет, когда?

Жестко ругнулся в сердцах поручик, когда с телеги прыгал – кому же умирать охота? А Егоров и сказал ему:

– Ну давай, ты на возницу садись. Все одно умирать, а так, может, и проскочишь.....

– Да не о жизни речь, господа, и не о смерти, – морщился тот, – Проститься за последний год никак по-людски не получается...

Ухватил поручик гранат-патронов из ящика оружейного, и побежали они на подмогу навстречу выстрелам.

А Егоров же когда впереди грохнуло, даже облегчение почувял – ясность полная теперь. Знает что делать:

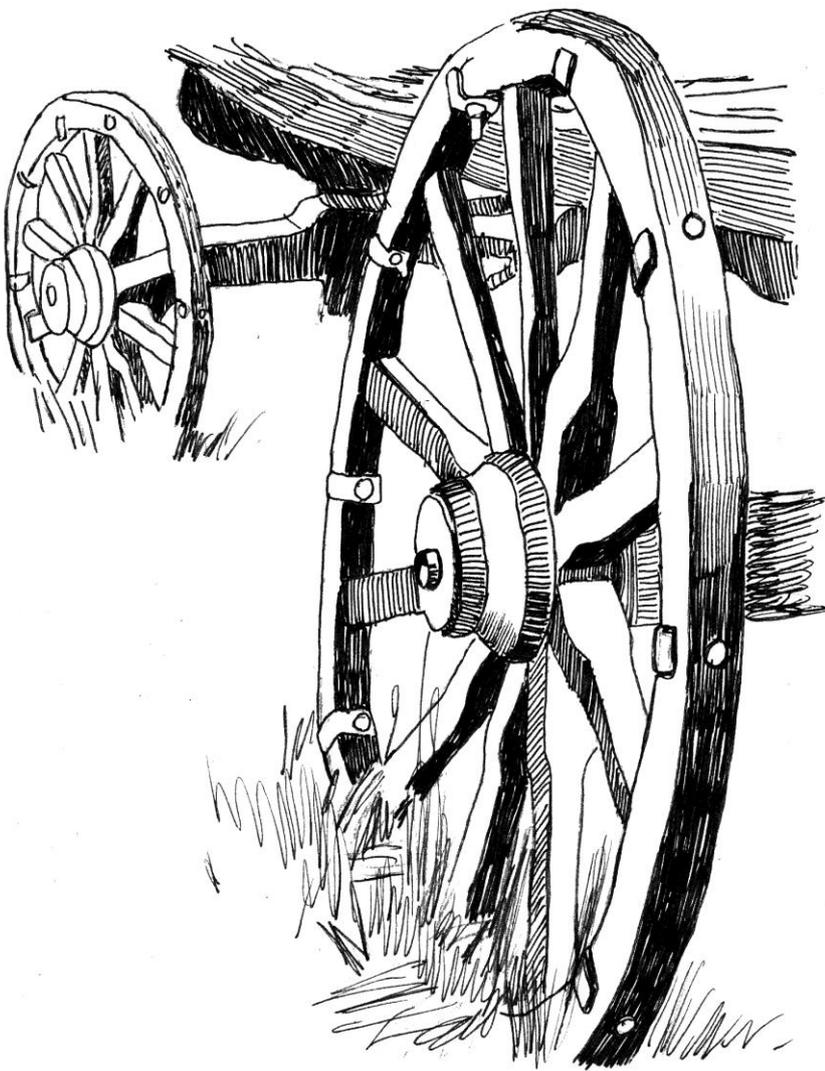
– Не видать вам золота российского, не видать, племя взбунтовавшееся! Не видать! – И валятся булыжники с осыпи, закрывая «карман золотой». Не видать! – Пугается привязанная к березке гнедая.

Эх карниз³² бы гранатой обрушить сейчас, да нельзя... Прикрытие уже почти затихло, одиночные выстрелы только щелкают. За пять минут просчитают – похоже, знают, какой груз ловят.

«Нельзя шуметь, нельзя – пустые мысли. И уходить без седла придется...»

Ладно, в имении родовом с крестьянскими ребятами игрался, не чванился, в хатах у них частенько ночевал, на покосы вместе катались.

³² Карниз – нависающая скала.

Пригодилась сегодня наука: телегу-то задом с первого раза в «карман» загнал.

«Стреляться ли, тоже еще надо подумать. Уйдем и без седел. Пошалим еще, может. Поатаманим. Вдруг кто из наших живой останется?»

Не знал Егоров, в какую историю попал дозор отряда обозного в бурятских степях недалеко от Усть-Орды. Столкнулись они в коротком бою с «красным» разъездом³³ в балке.

Перестрелка короткой случилась, и вроде всех уложили, а один-таки ушел.

Он приотставшим был. Хлопнул с утреца крынку парного и присел в кустарничке не вовремя... Рванул было на выстрелы, прямо со спущенными штанами, но увидел лишь, как добивали невесть откуда взявшиеся беляки его ратных товарищей.

Вот с такими вестями прибыл боец обратно в отряд, где его чуть не пристрелили сначала, а потом поверили. Не первый день воевал товарищ Шитиков и тыла врагу не показывал, так что команда «в ружье» прозвучала почти сразу.

³³ Разъезд – передовой отряд.

...

1920 год**Змеиные горы. Усть-Орда.**

Бой затихал. Встревоженные птицы кружились в летнем мареве, обеспокоенно закладывали виражи над этими выстрелами-криком. Не понимали птицы, что грохочет здесь лишь малая часть общего бедлама. Не первый год уносит грохот этот лучших сынов российских и безвозвратно погружает саму её в пучину многолетнего хаоса.

Красноармеец Шитиков вместе с другими атакующими шел наёмом³⁴ на занявших круговую оборону белогвардейцев. Выстрелы со стороны обороняющихся были редкими, но точными. Каждое облачко, каждая вспышка выстрелов над Змеиными горами за Усть-Ордой уносили очередную душу красноармейца.

Вздыбливаясь, опрокидывались кони, как всегда не понимающие, зачем же стреляют в них люди. Бедные-бедные многовековые заложники человеческих распрей.

Неожиданно с фланга из балки заработал пулемет, судя по выстрелам «Льюис».

«Ничего себе, небольшой отрядик», – мелькнуло в голове у товарища Шитикова. Но ведь без разведки шли, по команде: «В ружье», руководствуясь лишь направлением. Торопились беспорядочно, желая лишь скорее разделаться с невесть откуда взявшимися беляками.

Первая волна захлебнулась.

Правый фланг развернулся, пошел на пулемет, где и полег.

Остальные отступили к балке, по которой чуть раньше шли сюда остатки белогвардейцев.

Шитиков, на беду свою, слишком уж точно докладывал утром, кого и сколько видел – какой-то десяток конных, ну, которые товарищей его положили.

Тут же судя по выстрелам не менее полтораста и пулемет в довершок.

³⁴ Намёт - конский галоп (казачье).

– Кто ж знал, товарищи, я же чтоб быстрее, а то ушли бы...

Но суд был скорым:

– За измену и пособничество врагу, повлекшее гибель товарищей, Шитикова по закону военного времени расстрелять! Приговор привести в исполнение немедленно!

Еще первые вестовые, отправленные комиссаром, не доехали до расположения основных сил, как оборвался жизненный путь товарища Шитикова выстрелом из комиссарского маузера.

Ни один мускул не дрогнул на его лице. А и впрямь, чего вздрагивать-то? Доложит ситуацию позже комиссар, мол, выявили в рядах предателя, который по сговору с врагом сначала сдал им разъезд, а после и остальных под пули завел, указав заведомо неточную обстановку.

А в Змеиных горах наоборот – суета и спешка. Часть людей боеприпасы с убитых собирают, обоймы комплектуют, диски «Льюису» набирают.

Остальные – ценности с обоза да лишнее оружие в песок, Бог весть, откуда взявшийся среди предгорий, закапывают.

С телегами не уйти – только верхами и то если очень повезет.

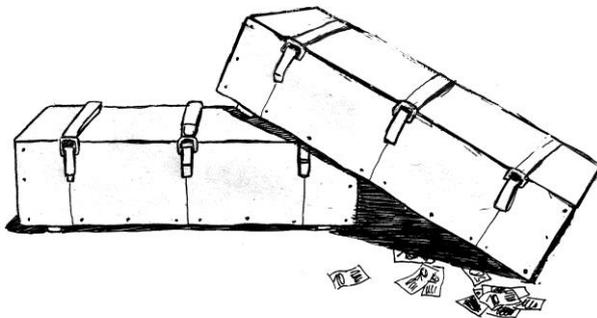
Дернула же нелегкая на разъезд напороться. Вроде же не упустили никого, а на тебе, с ног на голову ситуация.

Вон они, наблюдатели красные маячат. Обложили. Да и что толку

смотреть – далеко сидят, да и винтовки с оптикой нету.

Эх, на прорыв бы, пока молчат, да не уйти с грузом...

Послушно отдаёт песок свою глубину, почти в два человеческих роста уже яма. Глубокая, а не обвалилась ни разу. Ни валуна, ни скалы не попало. Понимает российская земляница, какой груз укрывать придется.

вать придется.

Золото под самый низ положили – десять винтовочных ящиков в слитках и ящик драгоценностей вразнобой, улеглись почти без свободного места.

Теперь прослойку из песка потолще. Валюту-оружие. Метровый слой еще нужно оставить: поверху засыпать.

Теперь тела погибших – вроде как могила братская получается. Если копать соберутся, наткнутся-поймут: глубже можно и не копать. Ясно всё. Поклон вам низкий, братия, за службу последнюю.

Уже почти ровнять начали, как обнаружили еще пару ящиков – с долларами-оружием.

Как проглядели-то за кучей выкопанной? Спешка! Но не раскапывать же. И в расщелину, для лишнего песка присмотренную, закинули-заровняли-засыпали.

Теперь телеги жечь, чтоб не доперли «краснопузые».

Пылает костер. Уносит вместе с дымом надежд остатки. Кружат ангелы, кружат, да к смерти хранимым дорогу готовят...

...

Недоуменно рассматривал комиссар позиции белогвардейские. Вроде и понятно всё, но осталась недосказанность какая-то.

Особенная.

Неуловимая.

«Витают» в воздухе над догорающим кострищем из телег и упряжи, а спросить не у кого – офицерье одно.

Умирали-улыбались. Осталось после боя лишь ощущение радости чужой и праздника. Пешие-раненые, из последних сил прикрывали прорыв полусотни конных в два направления.

Половина, правда, легла. Остальные ушли. На полчаса раньше и вся полусотня прорвалась бы – чего тянули? Непонятно.

Никто не сдался, и напоследок встали врукопашную.

Резались молча. Не сдавались, будто специально смерти искали. Кто ходить не мог, с земли штыками в ноги-животы били.

Непонятно комиссару – что же за сила такая драться их заставила? Он и раньше подобное видел, но нечасто. В последнее же время сдавались беляки частями целыми – на милость надеялись.

Не девятнадцатый же год на дворе, а поди-ка? Витают дух тайны неясной.

Уходить без разгадки не хотелось, но и не идти нельзя. Шарить стали среди умирающих – кого покрепче с собой прихватить для допроса, но чуть смерти не выискали.

Маханул рукой с зажатым в ней ножом поручик. Слабенько, правда, получилось у него – медленно. Успел отпрянуть боец – только по щеке и досталось ему, а ведь в горло целил гад!

Грохнул выстрел из комиссарского маузера.

Остальных добили в немом порыве, без команды и повинуюсь лишь общему чувству собственного бессилия.

Убить убили, а победы не вышло: слишком тяжело сегодняшней бой дался, и слишком отчаянно дрались беляки...

А в предгорьях Тофаларии Егоров, оседлав гнедого и перекинувшись с офицерского в солдатское, верхами и без седла уходил в направлении Монголии.

Пару раз кругалю дал – глянул, нет ли среди красноармейцев следопытов, разговоры послушал да понял: не знают пролетарии, какой куш сегодня упустили.

Значит, никто-ничего искать и не соберется.

На второй день почувствовал взгляд он – вроде не звериный, но не совсем и человеческий.

Когда на передовой или в разъездах, то стрелка, через оптику тебя изучающего, сразу чувствуешь. Состояние, когда ты жертва – ни с чем не спутать. Здесь же любопытство только сквозило – без злых мыслей рассматривали. Хотя еще что-то непонятно было. Непонятное, но не опасное. Обволакивающее и на удивление нежное...

Несколько раз Егоров пытался засечь наблюдателя, заставить открыться, но не удавалось никак.

Тогда закричал он отчаявшись:

– Выходи давай! Хватит в прятки играть, – но по-прежнему лишь тишина вокруг да птиц щебетанье.

А троп уже нет, как реку Уду перешел – только вверх и карабкается. Воздух разреженным стал. Ночи холодные.

Четвертого дня жар почувствовал. Знобило так, что казалось, дрожит-вибрирует земля под нарубленным лапником.

Видения начались: идут погибшие товарищи в окровавленном.

Калеченные, стрелянные.

Один рядовой отрубленную руку несет – бережно-бережно культей к груди прижимает.

Закинув голову с закрытыми глазами и прыгающей, как прежде, походкой семенит поручик Елисеев из Усть-Ордынского обоза.

Каждый, проходя мимо, кивает Егорову. Елисеев даже рукой махнул, а у того и сил шевельнуться не было.

Язык в гортани липнет, а так хочется крикнуть: «Куда же вы, братцы?» Хотя не нужен ответ – ясно куда идут.

Странное это чувство, видеть мир, не открывая глаз. Такое с Егоровым только раз и было. В детстве. Спал он тогда на спине и руки уложил на груди как покойник.

Вдруг будто обстановку комнаты в сумерках увидел. Лунный свет в окно через полузакрытые занавеси струится. Понял вдруг: глаза-то закрытые. Открыть пытается – бесполезно, а тут голоса появились: говорят, говорят – много народу говорит, но непонятное что-то. Повернуться пробует. Резко ворочается, но будто внутри самого себя вращается, а тело недвижимо остается.

Страх накатил, когда понял, что не реальному миру он принадлежит теперь, а вроде как потустороннему, и жуть эта тоже не совсем человеческой природы оказалась. Загадка...

Еле-еле в тело «втиснулся» и... проснулся. А глаза открыл-осмотрелся. Обстановка в комнате, как и во сне странном оказалась – один в один. Даже рубаха, наполовину со стула упавшая, так же лежит в лунном свете.

Рассказал няньке, а та заохала-запричитала и наказала впредь – как покойнику не ложиться «вообще». Оказалось, дядька ее пролежал так почти три года – ни живой, ни мертвый, а опосля умом тронулся.

После все про путешествие свое рассказывал.

Имущество бедным раздавать стал. Так что ни к чему его до самой смерти в хозяйстве не допускали.

А через год-другой попал в пьяную драку с наемными работниками. Объяснить пытался, мол, нехорошо драться.

Но не разобрались те в благих намерениях да вдарили оглоблей, отпуская обратно «в путешествие» исстрадавшуюся душу.

А мертвые все шли. С собой не звали, но и вниманием не обходили. Смотрели сочувственно.

Уж и рассвет занялся. Ночная мгла в синюю дымку превращается. Тает в ожидании солнечных лучей.

И пришла вдруг мгла и укутала Егорова «покрывалом».

Разом прекратился бесконечный поход убитой братии. Звуки и чувства тоже исчезли – и не миг это оказался, а вечность целая! Вечность и красота безмолвная.

Тепло лучика на щеке совпало с легким прикосновением. Было уже пополудни, судя по настойчивости солнца. Первое, что опознал затуманенный жаром взгляд – странная обувь из шкур.

«Какая маленькая нога – ребенок или девушка?»

Мысли формировалась болезненно и медленно. Тучка успела прикрыть своей «ладошкой» глаза Егорову и снова выпустила на волю тугий пучок солнечных упругих прутьев, жарко стеганувших по лицу.

Холодная ладошка еще раз коснулась лба. Что-то знакомое было во всем этом и не из прошлого.

«Взгляд, тот самый взгляд... – всплыла последняя мысль перед открывающейся черной пустотой, – Она следила...»

Делая последнюю попытку уцепиться остатками сознания за узкий краешек и ощущая себя пылинкой, закричал он: – Кто ты!? – Но лишь слегка шевельнулись губы, сложившись в кривую усмешку, да темная пустота пришла наконец к Егорову.

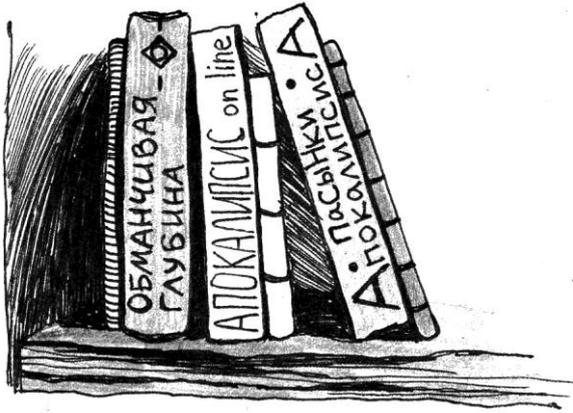
...

Иркутск. Июль.

(настоящее время)

Летнее солнце упрямо. Даже когда темнеет, разогретые стены и асфальт не пускают вечернюю прохладу в раскаленный дневным маревом город.

«Одиннадцатый час, – смотрит Мишка на мерцающий монитор, –
Пора бы и закругляться».

Досадует Мишка: ничего нового к запискам своим не добавил батя за это время.

Хороша привычка отцовская любую историю таинственную рассказом или повестью вырисовывать. Вон книжки на полке стоят – столичные издательства отцом занимаются – гонорары платят.

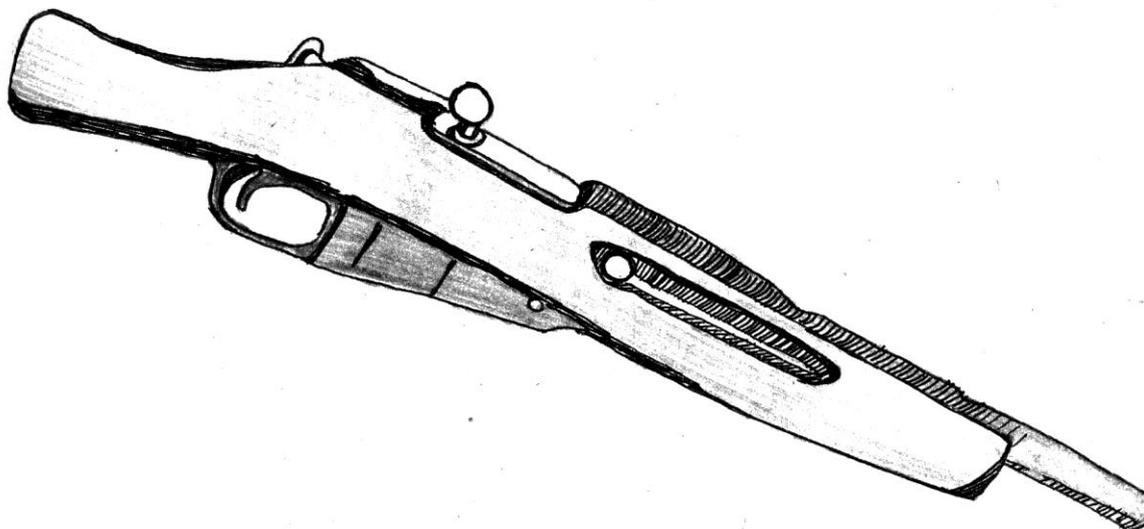
А тут на тебе – в истории о долларах-оружии из-под Усть-Орды и обозе Тофаларском «забуксовал» родитель. Хотя интересная история получается. Чует Мишка: прав батя – недаром покойная шаманка Сафа за бумажки те долларовые шесть лет назад Птахина-старшего пытала.

Многое и правнук её Евлампий рассказал-подправил. Их-то с отцом апрельский разговор на далеком Гаргане кое-что расставил по местам, хотя остальное для Мишки еще больше запуталось.

Получалось, не только отец с Евлампием про обоз Тофаларский знали. Целая «делегация» из Тывы к правнуку пожаловала после смерти Сафиной. Еле выкрутился тогда Евлампий – хорошо свои бумаги-записи шаманка дома не хранила, если и были.

Недолго проговорили Тувинские кайгалы с Евлампием.

Молодые хотели сразу в жилище шарить, а сухой старик, что первым зашел с кулацким обрезом – поинтересовался первым делом, мол, кому Сафа дар-то свой шаманский передала?

После ответа Евлампия разом остановил старый кайгал ретивую молодежь.

– Хотите умереть быстро и люто – делайте! Будто не слышали вы, что сила Сафы у него сейчас! Я же не просто так смерти её ждал... Смотри, как повернулось... – ухватил он в горсть жиденькую бороденку, – Знай теперя Евлампий! – Повернулся он к правнуку, – Дар твой не вечен. Захочешь разгадку Сафину найти, так на Тувинской стороне она, а нашего кайгальского поселка тебе ввек не обойти! Вижу, не боишься ты нас. Сафин дар тоже получить не испугался. Не каждый себе такое нагрузит... А значит одной крови мы – хоть ты и русотофик³⁵! – Люто закрипел он зубами, – Полукровка! Чингисхан вас котлами варил! «Спиногрыз», что пятерых молодых кайгалов в начале двухтысячных расстрелял, тоже русотофик. Ничего... будет и с ним разговор, как освободится... А ты, Евлампий, знай, если соберешься в нашу сторону и меня обойдешь – не вернешься домой... Эх! – чуть не кричал он, – Зачем такие честные были наши старые кайгалы – мой-то дедушка Сафе просто

³⁵ Тувинцы называют полукровок и русских, живущих в Тофаларии, русотофиками.

так помогал! Ничего-никому из нас не разъяснил! Не его, видишь ли, тайна!

Многое в ту ночь Евлампий рассказывал. Получи правнук шаманки образование московское – неплохой артист бы из него получился.

Мишка слушал его из-за стенки, аж мурашки по коже шли. Особенно когда Евлампий старого кайгала изображать стал. Почуял мальчишка вдруг: ничего земного не боится старый тувинец, а вот шаманского опасается почему-то.

А отец-то про поход на Жойган молчит.

Мишка уже все уши прослушал – вроде никуда не собирается Птахин-старший. Хотя и это не показатель – проснешься утром как-нибудь, и нету родителя. Правда, вымученного еще на Гаргане полу-обещания отцовского вроде и хватает для спокойствия, но не спится иной раз мальчишке. Все кажется, шевелит батя на антресолях свои котелки-фляжки таежные.

Хорошо, хоть интерес сыновий к творчеству отцовскому Птахину-старшему нравится. Рассуждал он как-то днями, мол, ничего не стоит писатель без читателя. Мишка-то выгоду разом сообразил и тут же разрешение выпросил шариться в отцовском компьютере, когда захочется.

Теперь чуть не каждый день перечитывает-смотрит он рассказы-заготовки батины – нет ли новостей каких в папочке «Проза-работа»?

Забавно обыгрывает батя приключения свои. Вон из Байкальского путешествия целая повесть детская получилась. «Переход» называется. Мишка, правда, читать её сначала (по просьбе отцовской) не очень и хотел – улица-лето, но увлекся потом – тем боле он в тех событиях тоже деятельное участие принимал.

Отец такое чтение субъективной редакцией называет, мол, если не нравится что – говори. Мальчишка-редактор для детской литературы – лучше не надо...

«Говори», – усмехнулся Мишка. Можно, конечно, и попросить отца рассказ о Сафе закончить, но понимает мальчишка: история эта завершится только после похода Птахина-старшего на Жойган... Да и завершится ли?

Шевельнул паренек компьютерной мышкой стрелочку на «рабочем столе» и закрыл недописанный отцовский рассказ о шаманке тофаларской и муже её белогвардейце Егорове...

...

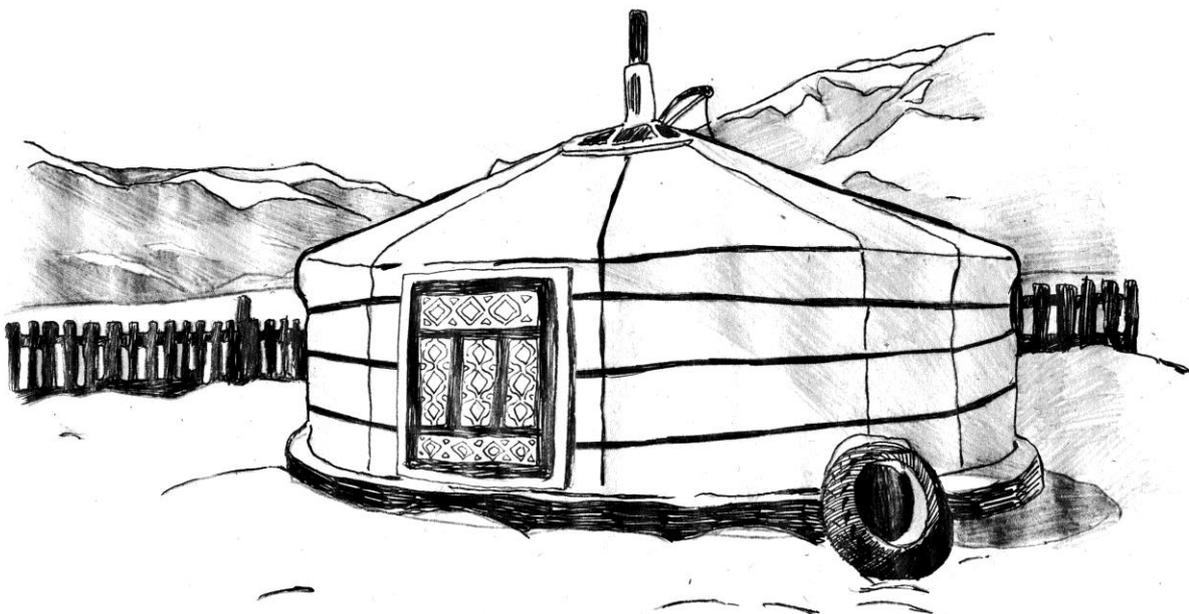
Юрта-пертроглиф и первая проблема.

Июльский воздух на высокогорье властвовал. Одинокие, скрученные зимними холодами лиственницы стояли в окружении густой зелени карликовой березки и ярких пятен мхов-лишайников.

Аромат разнотравья сразу напомнил Мишке школьную экскурсию на кондитерскую фабрику. Забавно получается, но на плоскогорье, где юрта стоит (та, что привезли они сюда несколько месяцев назад с приключениями волчьими), таких запахов нет.

– Ветер! – Смеялся хозяин территорий дядя Толя Самбаев, – Зимой на Обтое³⁶ снег выдувает, а летом все запахи уносит.

Обтоем оказалась местность, куда и везли разукрашенные запчасти от войлочного монгольского жилища Птахин-старший с дядей Сережей.

Стоит теперь юрта³⁷ на плато – перед высокогорьями красуется.

³⁶ Местность Обтой № 7 на карте 1.

³⁷ Юрта отмечена кружком в местности Обтой см. карту 1. рядом с № 7

Тысяча четыреста тридцать метров по джи-пи-эс. Террасу Обтоя еще ледник формировал. Давно-давно. Булыжники, что силы невероятные сюда приволокли, «яйцами динозавров» торчат теперь беспорядочно там-сям.

От районного центра Орлик каких-то сорок километров сюда ехать, а виды – закачаешься. Дорогу автомобильную делали перед самым развалом СССР, а раньше только местная авиация до Оки добиралась.

Аэропорт и сейчас остался.

Глава администрации, Баир Дошеевич, рейсов самолетных на Улан-Удэ добивается. Нравится Мишке этот "глухой угол" – на каждом повороте загадки.

Хозяин Обтоя дядя Толя, когда в мае месяце юрту ставили, целую экскурсию на следующий день провел. Древние места силы, буддистскими монахами отмеченные, буквально в трех километрах начинаются.

Сначала пертроглифы. Мудреное словечко оказалось наскальными рисунками на порванном когда-то земной силой скальнике. Давным-давно целая гора с места двинулась. После трещина камнями-землей засыпалась, и теперь дорога там.

Открывается картинка неожиданно – «бабах», и за поворотом скалы грозно нависли. Слева откос – справа не хуже...

Посреди ущелья грунтовка на одну машину. Когда внутрь заезжали, странные взгляды почувствовал Мишка. Мурашки.

По привычке за грудь схватился – вдруг зажжется амулет. Забыл мальчишка, как после апрельских приключений решил он больше подарки шаманские с собою не брать...

Пертроглифов оказалось несколько. Самый старый еще в 1854 году путешественник Номохоев описывал. Со слов «экскурсовода» дяди Толи Самбаева выходило – давно его рисовали. Лет триста с лишним назад...

Когда русские казаки Байкальские территории прибирать стали и христианство насаждать – пошли из Китая-Монголии ламы. Несли они свою буддистскую веру племенам местным.

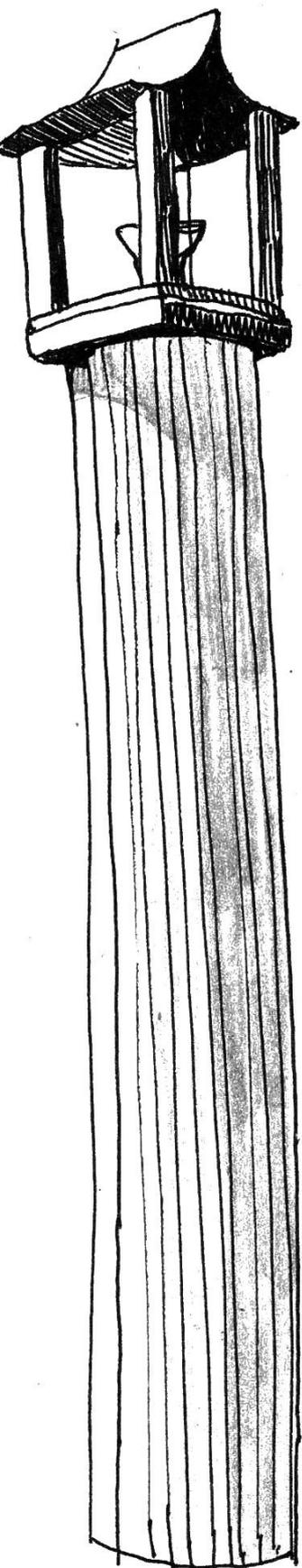
Донести-то донесли, а получилось (со слов отца) ни то ни сё... Шамано-буддизм – перемешались друг с другом обряды-верования... Та же «Тара Зеленая» символ вроде буддистский. А местные в той пещере настоящие языческие обряды проводят.

А пертроглиф-то высоко нарисован – метров восемь да под карнизом. Как уж туда монахи добрались и как нарисовали – неясно, разве что левитировали?

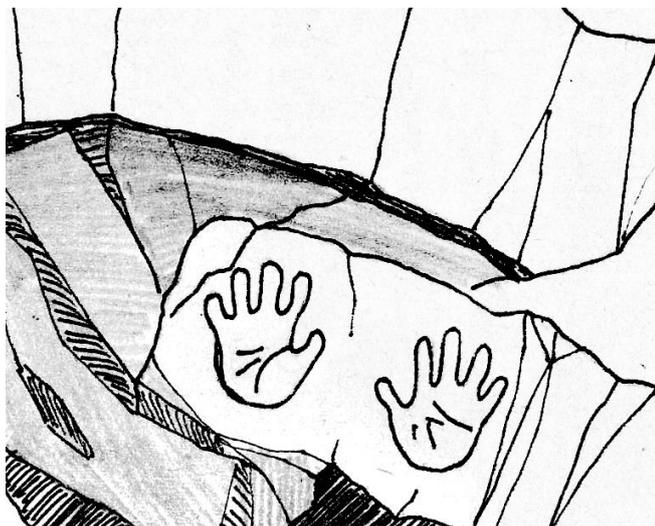
Еще в этот день поднялись они туда, где хранится нынче «Тотем волка». В пещеру. Высота по приборчику отцовскому двести метров наверх.

На скалу карабкались зигзагом. Влево-вправо тропинка бежит, камушками выложенная – вроде и не круто, а устаешь быстро.

Мишка почти девятьсот шагов до пещеры насчитал. На входе в темный провал лампада буддистская на столбике

стоит. За ней на скале руки человеческие нарисованы. Буряты, перед тем как вовнутрь пойти, ладони накладывают – глаза закрывают.

Мишка на отца смотрит, а тот как шел ходом, так и нырнул внутрь.

Мальчишка так же сделал – верит он после апрельских событий чуть отцовскому.

В самой пещере пол деревянный. Дымоход закопченный. Обжитым оказалось хранилище тотема бурятского...

– Шаманкина пещера, – дядя Толя рассказывает, – Ушла отсюда она только в двадцать пятом году, когда советская власть окончательно утвердилась.

Внутри на специальных палках жертвенные ленты разноцветные висят (буддизм), а вперемешку с ними ножи, карабины старые, несколько ружей гладкоствольных – получается, языческие.

Интересно как тут жить-то Морозы ведь сорок. Вода?

Дядя Толя мол, и сейчас к без подношений а раньше? Несли,

оказывается, на гору кто чем богат. Бедняки как раз те самые воду-дрова тащили – как-никак самое доступное.

Из пещеры Мишка последним выходил – вниз глянул, а крузак со спичечный коробок кажется и деревья как тростиночки.

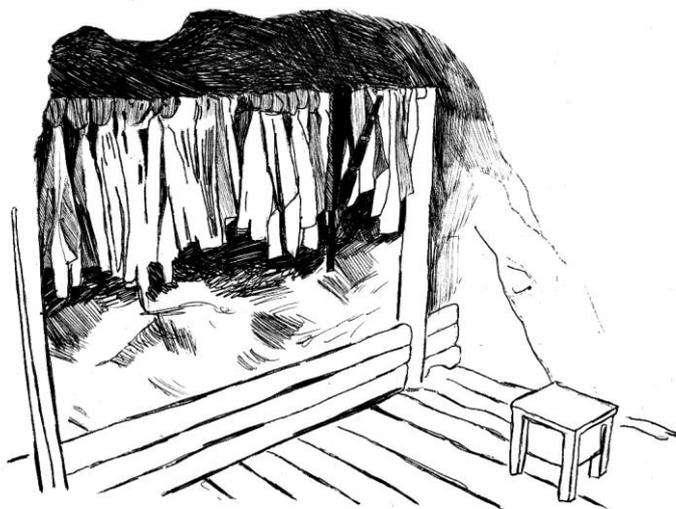
«Экскурсанты» на спуске растянулись: один влево идет – другой вправо. Вдали воздух дрожит на солнце – фантастика. Видится Мишке вдруг, как поднимаются вверх, к старой шаманке, тени бурятские-давние. Один деревянное ведро несет, другой ветки сухие-наломанные к груди прижимает.

Зигзагом поднимаются-спускаются – влево-вправо.

– Заснул что ли? – Кричат над ухом и земля из-под ног вдруг побежала-побежала.

Задремал, оказывается, Мишка прямо в седле – чуть на землю не сковырнулся после окрика отцовского, а тот еще и стеганул коня его прутиком чуток – не спи, мол.

Воздух, разогретый, еще сильнее травами пахнет, а впереди далеко-далеко силуэты коней чужих на опушке мелькают.

жертвы

Мишке – можно? зимою за Дрова? смеется, шаманам не ходят,

– Наши, – в бинокль дядя Толя смотрит, – Без туристов. С Жойгана идут. Проблемы однако... Смотри-ка, – сунул он бинокль Мишке.

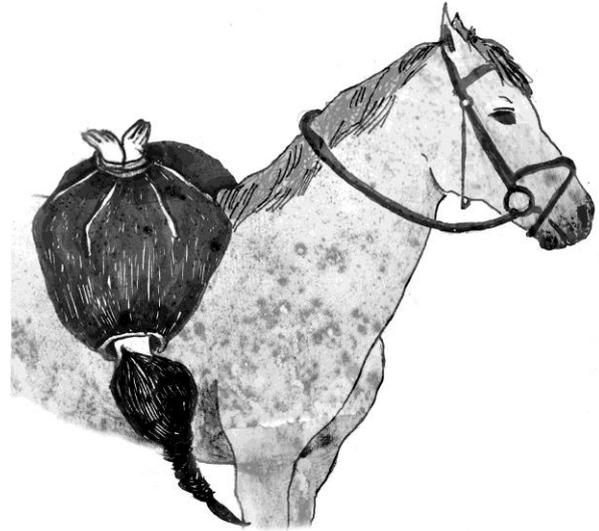
Тот глянул и проснулся разом – действительно проблемы. На трех конях шесть человек едут.

Пятеро верхами, а один почему-то поперек седла лежит, и руки у него за спиною веревкой закручены.

...

Пленный тувинец

– Тувинец, – отобрал дядя Толя бинокль у Мишки, – Косу на голове заметил? А ну-ка, пацаны, давай позади нас вставайте, – скомандовал он, а сам ружье с плеча потянул. Евлампий гыркнул что-то недовольное

КАРТА №2

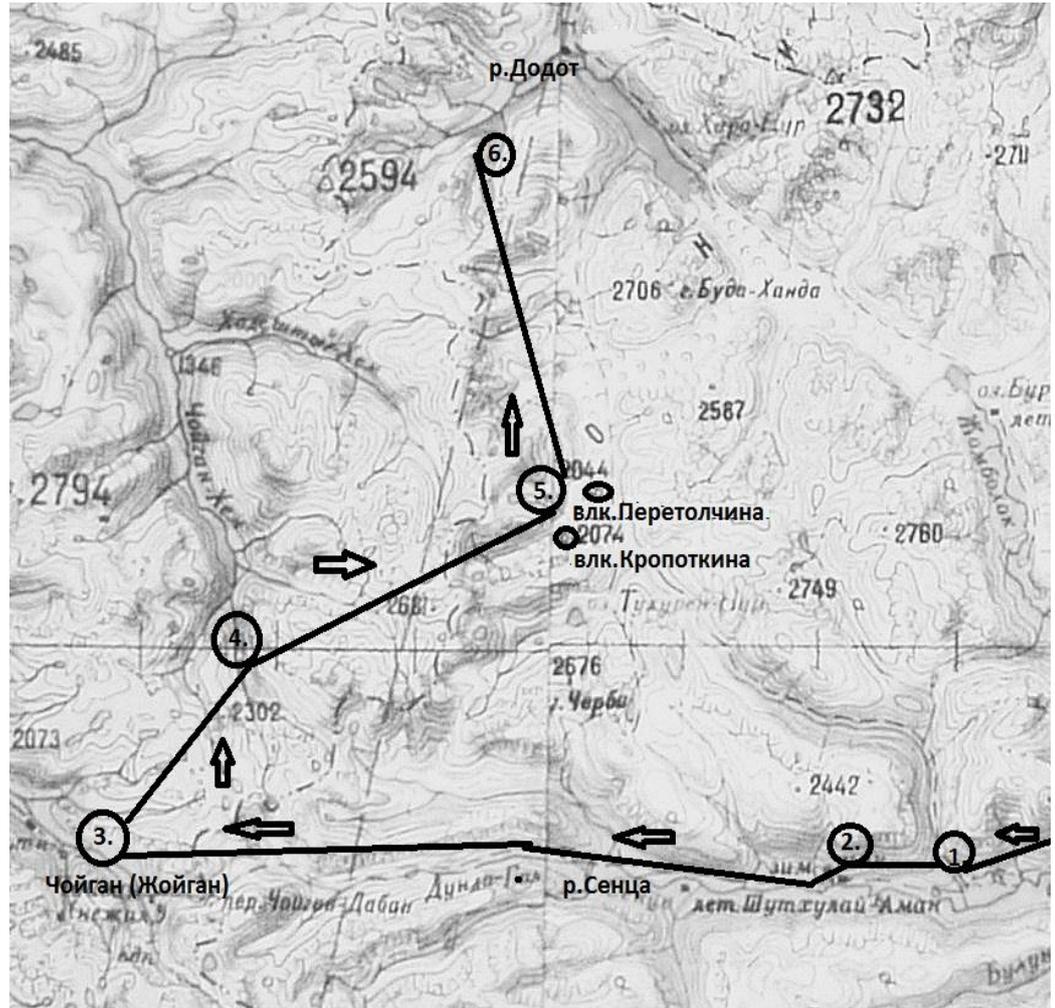
на бурятском, а Самбаев так на него глянул, что глаза спорщик разом опустил.³⁸

– Говорить я буду, – дядя Толя распоряжается, – Спиной к ним не поворачиваться. Пацаны – вперед не лезьте. Если заваруха начнется, в лес скачите.

Перестроились – навстречу тронулись.

Дядя Толя рассказывает.

– Эти совсем

нехорошие люди стали. Сначала у геологов каюрами работали. Ну, проводниками. Груз помогали конями перебрасывать по сезону, а потом за их спиной золото мыли. Геологи ручей найдут, а они его после сезона обрабатывают. С ума посходили из-за денег. Семьи побросали. Хозяйство. Одна лихорадка золотая в голове... Говорили мне, будто они в Туве теперь промышляют, а я и не верил...

Всадники понемногу приближались. Мишке странно – чего их не объехать-то, а дядя Толя будто слышит.

Рассказывает:

– Здесь дорога либо вперед – либо назад, да и нельзя их бояться. Они сейчас коней требовать будут, но у нас свои дела. На землю никто не сходит. К себе тоже не подпускайте, если спешатся...

³⁸ Место встречи с «золотыми охотниками» № 1 на карте 2.

– Сан байна, – донес ветерок голос самого грузного бурята, у которого поперек седла лежал пленник с косицей.

– Сан-сан, – устало проговорил будто себе самому дядя Толя, и Мишка почувствовал – начинается заваруха.

Первые гортанные фразы, что крикнул следом хозяин Обтоя, привели конников в легкое замешательство.

– Говорит – коней не получите, так что возни не начинайте, – Тихонько переводил дядя Евлампий. – Пленником интересуется.

Беседовали пока вдвоем. По раздраженным интонациям ответы Мишка почти угадывал.

– Спрашивает, какое тебе дело? – Частил Евлампий, – Кайгалы на Жойгане наших коней свели, а мы одного из них поймали.

Бурят вдруг жестко ухватил пленника за косицу и дернул вверх.

Первым что увидел Мишка, был взгляд тувинца. Потом он неожиданно сообразил, что перед ним подросток. Действительно, пленнику с косой можно было дать не больше пятнадцати годков.

Невзирая на тяжелую ситуацию, паренек был в сознании и выглядел совсем не испуганным. Более того – разглядев за спинами взрослых Мишку с Санжой, он им заговорщицки подмигнул.

– Это ж пацан! – Не утерпел Птахин-старший, трогая коня к пленнику, – А ну-капусти его...

– Наглый? – Захохотал вдруг бурят, бросая косу тувинца, и в его руке словно у фокусника появился вороненый «Макаров», – Всё! Отпустил... Видишь, – ткнул он издевательски пистолетом пленника в затылок, – А теперь у меня к тебе просьба – коня давай своего! – В голосе его звучал металл. – Ты просил, я сделал – твоя очередь...

– Коня? – Задохнулся от возмущения отец, забывая про осторожность и сына за спиной – Очередь говоришь? Ну так иди, возьми, – выудил он из-за пояса свой наган, – Давай посоревнуемся...

Мирного расхода не намечалось.

После перепалки обе компании оцетинились оружием, а Мишка с Санжой, как и было приказано не высовывались.

– Мы уходим, – Прервал вдруг нехорошую паузу Евлампий, опуская карабин, – Вы тоже. Все останутся при своих. Будто и не встречались... – С этими словами он повернулся к мальчишкам и, махнув ружьем в другой конец долины, проговорил Санже что-то гортанное...

Тот с невозмутимым лицом дернул за повод Мишкиного коня, ткнул ногами своего, и они вдвоем тронулись, куда указал Евлампий.

– Тофы что ли? – услышал еще Мишка за спиной удивленный вопрос толстого бурята, но ответа не разобрал.

Картинка альпийского луга после этой стычки уже не была радужной. Солнце издевательски жглось, а бирюзовый Хунхэ-Мунхэ Тэнгэри³⁹ добавил к общим краскам оттенки настороженности.

Взрослые догнали мальчишек спустя пару минут.

– Толстяк прав, – рассуждал Птахин-старший, – Нам на Жойган после их подвигов никак нельзя. Представляете, какая там сейчас заваруха?

Это было понятно. Получалось, вся тувино-кайгальская братия ищет сейчас следы пропавшего мальчишки, что трясется сейчас поперек седла у зарвавшегося каюра.

– Тогда что делать будем? – Раздраженно спросил его Евлампий. – Столько готовились – и на тебе... Порог поцеловали?

– Не знаю! Если на Жойган нельзя – значит обратно поедем. Вот только мальчишку надо бы у них отобрать – ты как, Толик? – Повернулся Птахин-старший к хозяину Обтоя...

...

Выручать надо...

Ночь на высокогорье – прямая противоположность дневной жаре. Холод. Хорошо хоть гнуса-комаров почти нет.

Переживает Птахин-старший: обратная дорога «золотыми охотниками» перекрыта, а впереди на Жойгане кайгалы тувинские дожидаются.

Дядя Толя после вопроса о спасении мальчишки только головой качал. Рассказ его простым оказался: сильно недолюбливал бывший директор совхоза воровитых тувинцев.

³⁹ Хунха-Мунхэ-Тэнгэри - Вечно Синее Небо. Шаманский культ неба – тэнгэрианство (бурят.).

– Плохо ведут себя, – сетовал он по дороге на место ночлега, – Наглые! Если уздечку или коня просить будет – отдавай или уезжай до ночи. Не украдут – отберут! И кони у них гибнут быстро – мало кто из тувинцев коней подковами кует. Не жалеют! Еле ходят они – копыта разбитые... – с надрывом закончил историю Самбаев.

Тишина висела в вечернем воздухе минут пять, а потом хозяин Обтоя согласился все-таки с Птахиным-старшим, что мальчишку тувинца надо хоть как выручать.

– Нельзя нам с тувинцами до конца ссориться, – кивал он в такт мерному шагу коня, – Спасем мальчишку – глядишь, и на Жойгане спокойней станет...

– Эти-то могут с ним что-нибудь сделать? – Беспокоится отец Мишкин.

– Эти могут, – запросто дядя Толя отвечает, – Они ночью хоть как пить будут, а толстый Баир пьяный – дурной. Куражиться любит. Кровь любит. То плохо, – крутнул он головой, -- что до крови этой привычные мы, – неожиданно завиноватился Толик, – Иной раз на бескормицу много скотины бьем... Все охотники опять же ... Убили же десять лет назад тофы пятерых тувинцев, – повернулся он к Евлампью, – Ты в Тофаларии жил тогда?

– Убили, – подтвердил Евлампий, – Тувинцы у тофов тот раз всех коней свели – чтоб не догнали, а наши пешими почти за сутки их отыскали. Скоро освободятся. Хотя кражи после этого в Тофаларии почти прекратились...

– Выручать надо, – утвердил наконец дядя Толя, – Чую, плохо закончиться может.

План действий наметили еще до зимовья. Мишка попытался было участвовать в обсуждении, но Санжа незаметно прутом его ткнул да физиономию сморщил – мол, не лезь ко взрослым.

Забавен Мишке такой уклад: когда старшие говорят-решают – не встречай. Может, и верно? Санжа хоть в полемику ни с кем из взрослых не вдается, а делает-то все равно по-своему. По-азиатски непроницаемо лицо у мальчишки – всегда одно выражение, ну или почти всегда. Когда еще у Гомбоевых дома черемуховый торт на стол поставили (гостинец Птахина-старшего) Санжа куска мяса из рук даже не выпустил. Смеялся тогда батя – спрашивал, мол, что тебе вкуснее мясо или торт?

– Мясо, – только и сказал мальчишка и выбрал из огромной миски очередной кусман пожирнее...

Правда, когда мальчишки вдвоем оставались, Гомбоев-младший менялся. Интересы-увлечения те же, что в городе. Компьютеры-игры, стрелялки-стратегии. Забавна Мишке мешанина уклада бурятского с цивилизацией.

Когда Санжа рассказывал, как они с отцом на зимние каникулы яков на летник от снега гоняют, представил Мишка то высокогорье.

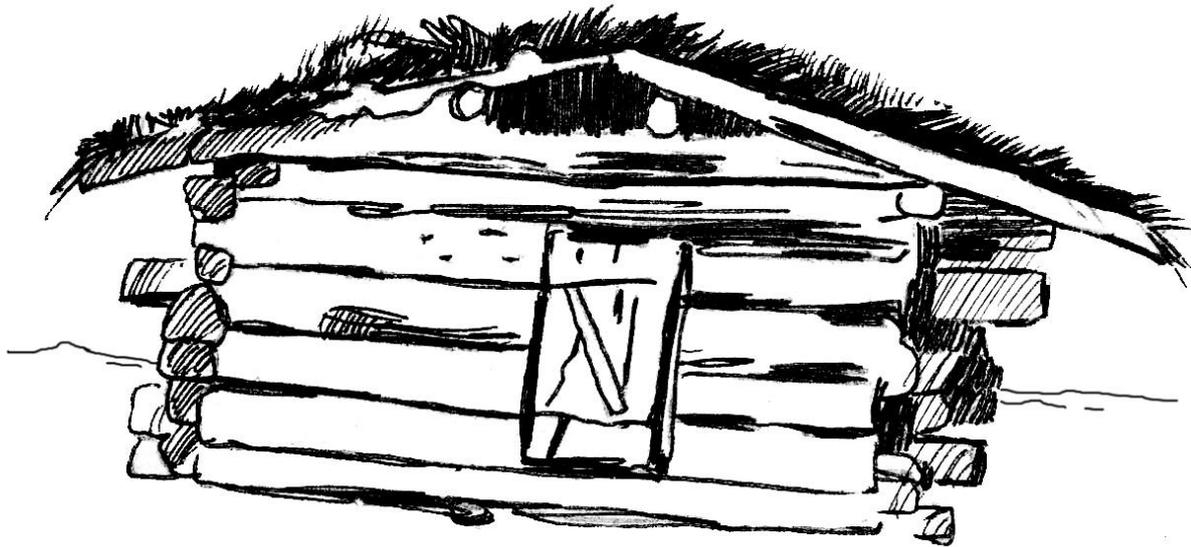
Света – нет. Телевизора-компьютеров – тоже. Дороги якам от Гаргана до летника почти сорок километров. Мороз под сорок, а ехать только верхами.

Всеи семьей гнали – нельзя опаздывать. Яки корм из-под снега (что упал нежданно) добыть никак не смогут, а силы на переходе мороз отнимает.

У всех мальчишек ружья – волки зимой та еще зараза.

– Морской бой вечером играли, – Санжа рассказывает, – Шахматы. Отец говорил при СССР, и на Гаргане телевизора не было – радио только.

Зимовье⁴⁰ появилось неожиданно.

Оказывается, дядя Толя небольшого крюка дал, и теперь они в сторонке от прямого хода.

⁴⁰ Зимовье - № 2 на карте 2.

– Далеко не уйдут, – успокоил он Птахина-старшего, рвущегося «в бой». – Кони Баиркины уставшие. Сейчас кушать сготовим. Стемнеет. Значит после двух часов и пойдем...

...

Только не убивать

Нехорошо светит огонь костра чужого – пляшет... Незваных гостей из темноты вырвать пробует. Хорошо, «язык костра» не каждому подвластен, да и не сильно-то заметишь фигурки, от огня в ночи затаившиеся.

Правильно сказал Самбаев – незачем рано идти. Только-только допивают запасы свои «золотые охотники».

Толстяк, что Баиром зовут, и у костра главный.

Вроде нормально пока ведет себя глава «отряда вольного», а Птахина-старшего любое движение его бесит почему-то.

Угощает на правах старшего Баир товарищей своих мясом вареным. Зацепит на нож кусок из котла – то одному протянет – то другому... Фляга со спиртным по кругу гуляет.

Запах бульона ароматного засадникам ноздри щекочет-волнует – будто и не ели ничего вечером.

Нет пока плана у Толика Самбаева никакого – вроде и ночь, а спать, похоже, никто у костра не собирается.

– Видишь, как угощает, – Шепчет хозяин Обтоя Птахину-старшему, – По-монгольски. Армию там служил. Первый срок тоже в Монголии отсидивал. За убийство.

Трещит костер – искры в небо, а Птахин никак пленника углядеть не может. Кони здесь – вон они траву щиплют. «Ватажники» впятером – у костра сидят, а тувинца нету – и не видать его хоть тресни.

– Я круга дам, – Евлампий шепчет, – По всему за ними он лежит – видишь, куда Баир остатки чая плещет – там он, скорее всего.

А с чаем-то верно Евлампий приметил. Только-только растворился Сафин внук в темноте, как Баир бульону кружкой алюминиевой черпает-пьет, а остатки опять в темноту плещет – да с присказкой на бурятском. Хохочут товарищи.

– Там лежит, – Толик азартно шепчет, – Жри, говорит, отродье кайгальское. Верно Евлампий их сосчитал.

А у костра «веселье» полным ходом. Водка кровь все сильнее горячит. Обидно ватажникам за коней, тувинцами сведенных.

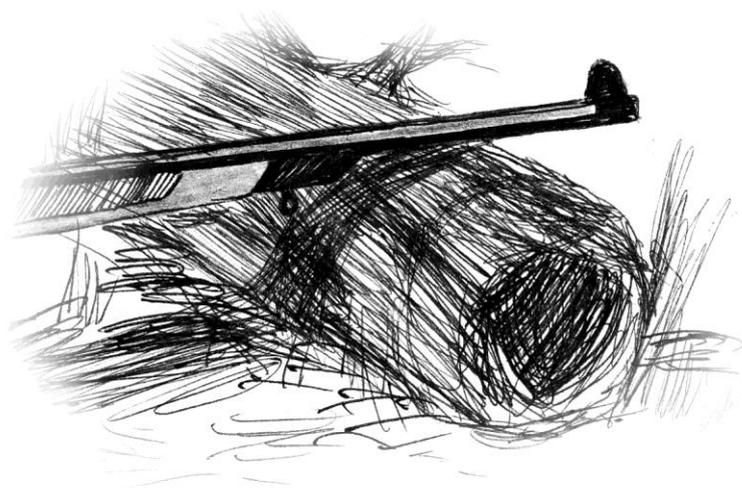
– Золото у них там в сумках седельных было, – Самбаев шепчет, – Плохо! Если пьянка разойдётся – нехорошо закончиться может...

Понимает Птахин-старший – в незаконных делах вроде золотодобычи жаловаться некому. Мальчишка-заложник для сидящих у костра бурят – настоящее воплощение зла. Сколько уж они там золота потеряли – неважно, а выместить накипевшее прямо здесь могут.

Видно у Самбаева те же мысли в голове крутятся.

– Готовься, – шепчет, – Если они его поднимут – стрелять соберутся, мои слева будут. Твои – справа. – Птахин-старший даже не понял сначала, о чем это он, – Не убивай только, – хозяин Обтоя нашептывает, – Руки стреляй, ноги, плечо. Потом выяснять будем, кто виноватей...

Странное это состояние в людей стрелять готовиться. Кажется отцу Мишкиному, будто и не с ним это. Словно другой кто лежит сейчас в кустах у костра бандитского и карабин для стрельбы на валежину укладывает.

Разные переделки у Птахина-старшего в жизни бывали, а в человека тайком из засады и не целился никогда. Правда, когда в уголовном розыске работал – по-разному случалось, но миловал Бог от ненужной стрельбы.

Вот он, самый правый – жертва первая, если чё. Сидит бульон швыркает. Пожалуй, единственный из всей компании шуткам Баировским не смеется.

Почуял вдруг Птахин, что не нравится парню, как Баир под водкой на кураж расходится и остальных за собою тащит.

Вот будто невзначай положил бурят карабин на колени стволом в сторону главаря. Сидит на Баира поглядывает – слушает внимательно, словно ждет чего.

Самбаев настроение парня тоже углядел.

– Есть контакт, – шепчет, – Сразу свой край не стреляй – хорошо смотри... Видишь, не всем подельникам Баирка бухой нравится...

А тот совсем уже разошелся – достал пистолет Макаровский, которым днем еще размахивал, и не хуже ковбоя из вестерна перед товарищами красуется.

Встал-шатанулся.

Птахин смотрит, а Толик его уже на мушке держит.

Только-только у отца Мишкиного мысля шальная мелькнула, мол, по эдакой туше не промажешь, как ни старайся, а тут от зимовья, где они мальчишек оставили, далекий выстрел и «прилетел»...

...

Кто там за стенкой

Ничего не понятно Мишке кроме одного – перевернулось приключение мирное с ног на голову.

Когда взрослые инструкции перед отходом давали, Санжа свою двустволку уже расчехлил-собрал.

Во всей компании у одного Мишки ружья не оказалось – нож да и только. Наган батя тоже не оставил. Хоть и знаком мальчишка с оружием, а не нужно оно в городе.

Санжа другое дело. Даже брат его, восьмилетний Амгалан, и тот уже с одноствольной курковкой на летник ездит. У старшей сестры Дулмы – карабин. Вроде и студентка в Иркутске на экономиста учится, а в семье на Гаргане взрослое слово имеет.

Мишка Дулму только разок и видел, когда Птахин-старший ей гостинцы с Гаргана завозил, а вот Санжа о ней много рассказывал.

С непроницаемым лицом Гомбоев-младший взрослых инструкции слушал. Лишь затухающие отблески печурки в глазах его мельтешили – не мальчишка бурятский, а настоящая статуэтка буддистская в полный рост человеческий.

Под рукой патронташ гильзами-капсюлями поблескивает. На коленях двустволка.

Обидно Мишке было до невозможности, и не хотелось ему ничего слушать!

Отец будто почувствовал: рядом присел-обнял. С надеждой мальчишка на него посмотрел и понял – не его день сегодня...

Птахин-старший слов не говорил. Через минутку-другую глянул в глаза сыну, и понял Мишка: не готов пока батя оружие ему доверять...

«Позже, – сказали мальчишке отцовские глаза, – Пойми... Мне и самому тяжело...»

Улыбнулся тогда Мишка ему, мол, не переживай так сильно, папка – понимаю.

Крепко прижал к себе отец мальчишку перед уходом. Благодарно. И потянулась в отношениях родительских какая-то новая ниточка к сыну...

Дверь зимовья, как и сказали старшие, мальчишки на деревяшку зачеканили. Стук условный оговорен – батя его для памяти трижды на стенке простучал.

Тяжело будет незваным гостям внутрь попадать. Сучок лиственничный вместе щеколды – что твое железо.

Зимовье тоже настоящее – на морозы рассчитано. На потолке бревен накат. Поверху дерн. На Обтое так кошары для баранов строят: вроде избушка, а на крыше трава – городским смех да и только...

Окошек в избушке нет – и это на руку. Никто не заглянет и не поймет, кто там внутри и сколько.

Старшие обратно придут – условным стуком брякнут. Сказали не спать пока – ночь слушать. Если вдруг стрельба начнется – на коней садиться и подальше от зимовья ехать. Утром никого не ждать – не искать – на Обтой двигаться людей поднимать.

Оказывается, Санжа, как и Мишка, на Жойган в первый раз едет.

– Далеко от Гаргана источники, – мальчишка рассказывает, – Мы с Дулмой и батей с летника на другой аршан⁴¹ катаемся. Воды наберем и обратно...

– Дорогу-то обратно найдем, если чё? – Мишка переживает.

– А чего тут искать – до Сенцы прямой ход. Там вниз по реке и до моста – просто всё...

Просто-то просто, а беспокойно Мишке – чего там взрослые сейчас делают? Как мальчишку-подростка тувинского вызволять собираются?

Санжа оживился вдруг.

– Слышишь? – Шепотом спрашивает.

Мишка только плечами пожал – печки треск, да и только...

– За стенкой кто-то, – одними губами и пальцем на заднюю стену маячит Гомбоев-младший.

– Зверь?

– Не зима... – мальчишка шепчет, – Не придет зверь. Дым. Огонь. Люди там

Ружье уже в руках у мальчишки. Курки двумя руками тянет.

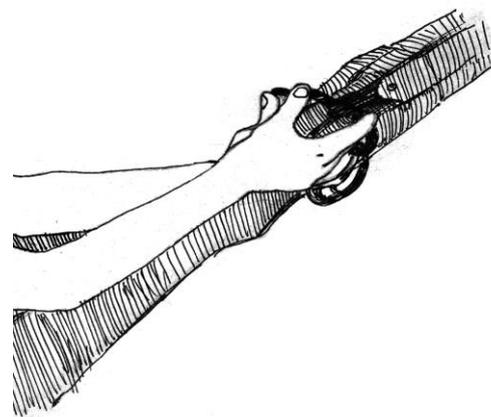
Мишка на Санжу глядит – не сомневается: этот выстрелит, задумываться не будет.

Нет у бурятского мальчишки страха. Наоборот! Хочется ему, чтобы за дверью настоящий враг оказался. Видимо, давно зреет он для войны не компьютерной.

Еще на первом знакомстве, когда рассказывал Санжа Мишке, как взрослые кости вареные конские руками ломают-соревнуются, почуял Птахин желание мальчишкино быстрее взрослым стать.

Про волков Гомбоев-младший тоже много рассказывал: как в иную зиму те в открытую телят-жеребят пытаются из загородки, что рядом с домом, выдернуть...

Печка уж и затухла совсем, и тут вдруг уголек в печи как бахнет – словно выстрел пистолетный.

⁴¹ Аршан – источник, ручей (бурят.).

Вздрыгнули мальчишки от неожиданности, а тут от дверей стук условный донесся...

...

Побег

Как выстрел вдали прозвучал, вся ватага Баировская оживилась.

Про мальчишку тувинца и думать забыли – горланят на бурятском, руками машут.

Птахин-старший только ругань и смог разобрать.

Надвое рвется сердце родительское – что там в зимовье у мальчишек приключилось? А «охотники золотые» «совещаться» закончили и давай бивак сворачивать.

– В ночь бежать собрались, однако, – Толик Самбаев шепчет, – Боятся, тувинцы на хвосте...

Суета во вражеском лагере. Мясо-хлеб недоеденные в пакеты-сумки кидают, бульоном костер залили.

– Лежим, пока уйдут, – хозяин Обтоя шепчет, а у Мишкиного отца одно желание – скорее к зимовью бежать. А Толик будто слышит его, – Нам главное сейчас без драки уйти, – шепчет, – Остальное потом...

Понимает Птахин: прав каюр⁴². Схватись они сейчас с бурятами – что там получится?

Тут Баир толстый взъярился вдруг. Фонарик диодный зажигает и лучом по кустам шарить давай. Орет-ругается на бурятском. Потом подымает с земли узлы какие-то и товарищам показывает.

Смотрит Птахин, а в руках его обрезки веревок скрученных.

– Успел-таки Евлампий, – Толик Самбаев шепчет, – Перерезал пути под шумок...

Только тут сообразил Птахин-старший, что освободил-таки внук Сафин мальчишку тувинца пленного. Значит теперь и самим уходить можно, а тут еще вдруг крик яростнее первого. Оказывается, молодой кайгал не просто сбежал, а еще и коня у «золотых охотников» прихватил.

⁴² Каюр – проводник.

– Отходим, – Толик шепчет, – Нельзя теперь здесь оставаться. Евлампий сам нагонит – сообразит, куда идти...

Кони у «диверсантов» в лощинке спрятаны – метров за пятьсот.

Птахин за Самбаевым следом на карачках ползет, а в лагере противника суета – лучи фонарей над головами мелькают.

Все правильно: дело сделано – пора и восвояси.

Скальник пошел – самое начало лощинки, где кони привязаны. Значит можно и выпрямиться наконец. Бежит Птахин за Самбаевым следом и себе удивляется: оказывается, можно и без фонаря препятствия в темноте угадывать. Работает-таки шестое чувство человеческое. Удивительно.

Когда до коней добрались, луна уж из тучек выбралась – свет серебряный тени-мрак разгоняет.

«Вон они кони», – слышит Птахин фыркание и видит вдруг фигурку человеческую впереди Самбаева.

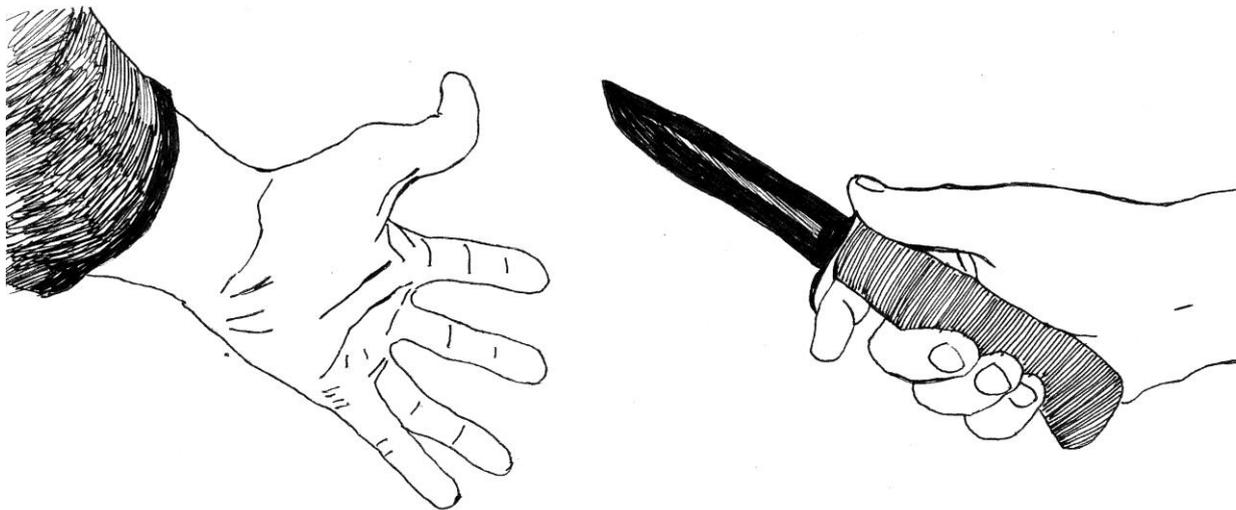
– Евлампий? – Толик в полголоса окликает, а тот рукой молча, машет, мол, я-я и коня отвязывает.

Все без слов ясно-понятно: здесь закончили – пора бы и с зимовьем разобраться, что там без них с мальчишками случилось?

Фыркают кони. Евлампий еще на кураже – смеется, седло подтягивает:

– Чуть на голову не наступил мне Баирка, – рассказывает тоф, – Когда я пути мальчишке резал.

Оказалось, молодой тувинец убежал не сразу – вгляделся в лицо Евлампия, да ножик у него из руки ухватил. После метнулся серой

тенью в сторону коней, и поминай как звали его. А Евлампий со своей

лежки в двух метрах от Баира так и не двигался, пока тот бульоном огонь не залил. Когда же крик-паника начались, плюнул тоф на осторожность. В такой ситуации да с такой компанией под раздачу попасть – за просто. Отполз он, скрючившись, до лощинки и только потом до коней побежал.

Быстрым шагом идут всадники – ночь-темно. Да и в какую сторону команда Баировская теперь повернет?

Хотя тут, скорей всего, один вариант: если осталось у них на пятерых два коня – небоеспособная команда. Ни для войны, ни для погони не готовы теперь «охотники золотые».

Зимовье неожиданно появилось. Оказывается, шел к нему Толик немного с другой стороны. Крюка дал.

Искры из трубы частят – наверняка подбросили мальчишки печурку.

Вот они, двери плотно закрытые.

Спешились.

Птахин ко входу бежит и по доскам наганом стучит условно.

Потом палку толкает, что на месте ручки торчит, а дверь-то и не заперта...

Внутри нырял себя не помнил.

Дядя Толик с Евлампием через секунду следом зашли, а в зимовье пусто – нет мальчишек. Лишь около нар опустевших стоит молча Птахин-старший с бесполезным теперь наганом в руке, а в печурке, битком дровами набитой, огонь гудит издевательски.

...

В плену

Никогда еще Мишка в такой ситуации не бывал. Расскажи кому в городе – ни за что не поверят.

Ночная темень глаза закрыла.

Конская шея живот давит, а бок потный в лицо иной раз плюхается.

Когда швырнули мальчишку связанного поперек коня, сразу парнишка тувинский вспомнился, что на седле у Баира толстого в точности так лежал.

Руки в суставах за спиною вывернулись – еле чувствует их Мишка. Прав Санжа оказался: не звери за стенкой были. Люди.

Когда условный стук прозвучал, успокоился Мишка: по всему получалось, отец с компанией вернулись.

Как заложку-сучок листовенничный вытаскивал, сомнение, правда, успело мелькнуть. Почуял парнишка нетерпение странное на другой стороне двери. Нетерпение и силу почуял, с которой та сейчас распахнется.

Почуять-то почуял, а поздно.

Только-только заложка вход распечатала, дверь с такой силой пихнули, что полетел парнишка назад – чуть печурку не свернул.

Тут же выстрел с нар грохнул.

«Санжа», – понял паренек и опустился вдруг на него пеленою темной туман-забытье.

Сознание вернулось не сразу.

Первое, что услышал он – голоса. Не по-русски говорили.

Затылок ноет. Глаза приоткрыл чуток и видит в полуметре от себя Санжу. Лицо мальчишки – пятак кровавый. Нос разбит. Глаз заплыл. Нижняя губа опухшая...

Но в сознании Гомбоев-младший. Увидел, что очнулся Мишка, мигнул ему не хуже тувинца, молодого пленника Баировского.

Мигнуть-то мигнул, а говорить не вышло. Только-только Санжа шепнуть что-то собрался, как с нар его потащили – не жалеючи на пол сдернули.

Следом Мишку поволокли. Тот зажмурился даже, чтобы лицом не удариться, но подхватили его руки крепкие и ловко на плечо широкое закинули.

Теперь уже конь несет его не хуже плеча вражеского. Шея жесткая и бок потный перед лицом маячит.

Молча едут всадники. Молча и быстро. Трясет Мишку хуже, чем на грунтовой дороге на Орлик.

Слава Богу, тошноты пока нет. Мальчишка уже сто раз пожалел, что талисман шаманкин с собою не взял.

«Интересно, указал бы амулет на опасность за дверью?» – Трясется подросток на шее конской, и нету ответа.

Попробовал узлы на руках шевелить – надежные. Хорошо хоть не совсем туго скрутили – не затекают пока руки.

Храпят кони. Уносят в неизвестность мальчишек связанных вместе со всадниками молчаливыми.

Неожиданно сообразил Мишка: ни одного слова бранного на русском от пленивших не звучало. Ни в зимовье, ни на улице перед тем, как в путь тронуться. Так-то на бурятской стороне словечки русские обычное дело: «Гыр-гыр-гыр, слушай короче, гыр-гыр-гыр, я так думаю...» и т.д., а тут ни-че-го.

«Монголы?» – мальчишка варианты в голове перебирает. Хоть и граница рядом, и рассказывал дядя Толя Самбаев о контрабандистах, скот перегоняющих – но какой им-то смысл мальчишек в зимовье воровать?

И снова нет ответа.

Дорога вверх пошла.

Медленно кони пошли. Под копытами скальник скрипит. Чувствует Мишка: почти не управляет всадник лошадью – самой предоставляет решать, где дорога правильная.

Храпять конь. Хрустят камни – сыплются-стукают где-то внизу по ущелью. Понимает мальчишка: идут они через перевал какой-то.

Спину ночь холодит – хорошо хоть спереди шея конская греет – прямо твоя печка.

Когда в очередной раз глаза открыл – заметил: вроде, как и мир светлеть стал. Теряет мальчишка счет времени – может, и на самом деле зорька уже занимается? Только сейчас сообразил Мишка, что, невзирая на неудобства и ситуацию отчаянную взял-таки свое уставший организм. Отключился. Сон не сон, а забытье странное мальчишку все-таки догнало-успокоило .

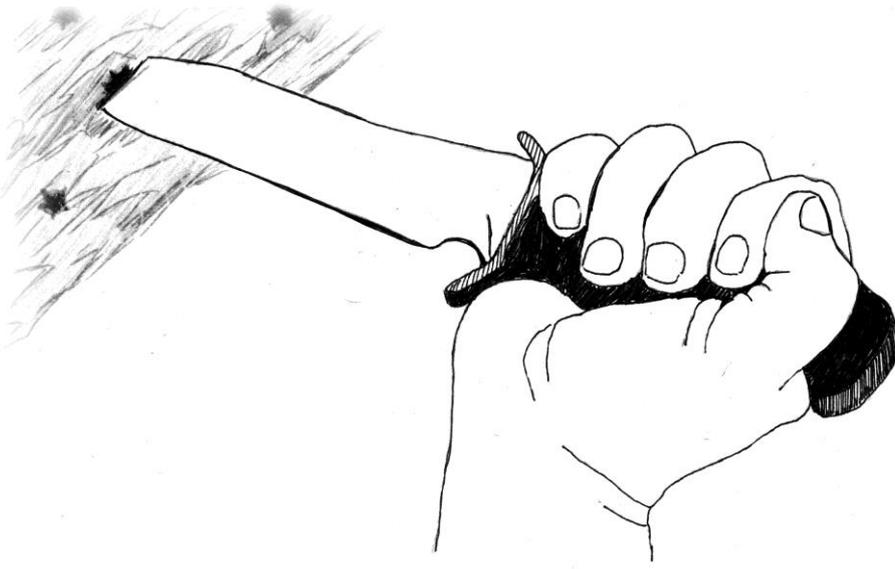
На удивление бодро Мишка себя чувствует. А зорька-то и впрямь уже мир высвечивает.

Повернул мальчишка голову на бок и видит он Санжу поперек седла на впереди идущем коне: руки тоже за спиной закручены и кимарит скорей всего Гомбоев-младший, как и он давеча.

Только тут понял Мишка, кому они в лапы угадали – у всадника, что Санжу везет, из-под шапки черная коса до пояса покачивается, да и у тех, кто впереди молчаливо в седлах тоже косы...

...

Картечь

– Санжа стрелял,
– нарушил общее
молчание Евлам-
пий, выковыривая
ножом картечины
из бревна над
входом зимовья. –
Пыж газетный. –
Бросил он на пол
обгорелый клочок
бумаги, – Па-
троны вместе за-
ряжали. Неделю

назад...

– Сучок целый, – осматривает двери Толик Самбаев, – Значит мальчишки сами открывались... Почему?

Птахин-старший в общей возне участия не принимает – сидит устало на краешке нар и угрюмо рассматривает бесполезный теперь наган.

Никаких мыслей в голове отцовской нет, кроме беспокойства за сына... – «Куда пацаны девались? Кому двери открыли? Зачем стреляли?» – Муть и сумерки безответные...

Проклятая «лихорадка золотая»! Если разобраться, чем они с Евлампием лучше тех же самых бурятских «охотников»? Нет разницы, что ты из земли тащишь – клад старинный или золото...

Только сейчас признался себе Птахин-старший, что начиная с Евлампием разгадку давней шаманской истории, победило в нем авантюрное начало. Сына с собою прикрытием взял, а если честно, и не только прикрытием.

Вспомнилась Птахину вдруг шаманка старая – Сафа: – Закрытая вам дорога, – Сказала она шесть лет назад в Алыгджере⁴³, – Закрытая...

⁴³ Алыгджер – районный центр тофаларии в Иркутской области.

А вот сынок твой теперь на этой стороне, на каюрской. Многие двери ему откроются.

"Доигрались! – Клянёт себя отец, – Нашел ты, батяня, короткую дорогу до клада..."

– Все-таки тувинцы, – подал вдруг голос Толик Самбаев и показал растерянному Птахину что-то в ладони, – Трубку курил, – понюхал-стряхнул с ладони крошки каюр, – Тувинцам табак первое дело – табак и чай... А табак дорогой, – обнюхал он ладони еще раз, – Медом пахнет...

Евламий закончил наконец-то с картечинами и считал их сейчас, уложив на ладони.

– Все здесь, – удовлетворенно крикнул он, – Выстрел один был – в потолок. Сигналил Санжа – не воевал... Что делаем-то?

Вопрос был для всех тупиковый. Вариантов спасения мальчишек оставалось немного. Поднимать МЧС с их вертолетами и спасателями означало потерю времени – Санжа-то стрелял чуть больше часа...

Оставалась погоня...

– Главное, не потерять их, – рассуждал Евламий, – Дальше видно будет, что делать.

На том и порешили.

Собирались недолго. Каждый понимал: дорога теперь лежит у всех в одну сторону.

– За Жойган⁴⁴ я не ходил, – сомневается Толик Самбаев, – Как там будем делаться?

– Я ходил, – неожиданно отозвался Евламий, – Мал-мал знаю. Ты главное нас на источники доставь – дальше моя тема.

Ночь приняла погоню, закутав троицу незадачливых путешественников темным покрывалом.

Луна опять спряталась, и лишь редкие звезды поблескивали в разрывах облаков.

Говорить не хотелось, так что ехали молча, и каждый переживал о своем.

Спустя час на опушке редкого леса хозяин Обтоя спрыгнул на землю и стал что-то высматривать в лучике фонаря.

⁴⁴ Источники Жойган (бурят.) на тувинском языке Чойган. № 3 на карте 2.

– Шли они здесь, – уверенно поднялся он спустя минуту, – Вроде других направлений и нет, а только вдруг чего не знаю? Земля здесь тувинской когда-то была.

Оказывается, многие названия на Обтое так и остались с незапамятных времен тувинскими. Та же речка Жомболок назвалась когда-то давно Жом-Болок. Обкатывает время слова человеческие словно вода булыжники...

– Тут сам не знаешь, на что наткнешься, – тронул коня Толик, – Когда от советской власти богатеи бежали, все что-то прятали. Я как-то статуэтки Будды нашел в скале – тоже с дороги случайно свернул... Потом лама из Монголии за ними приезжал.

Понято Птахину-старшему, чего боится Самбаев. Он и сам переживает: не свернули бы куда тувинцы ночевать.

Нельзя ошибаться теперь – на кону жизни мальчишеские.

Вот уж не думал отец, что дети могут так запросто заложниками стать, рассказали – сильно засомневался бы. Показалось ему сейчас гордое словечко «цивилизация» совсем незначительным.

Действительно – о какой цивилизации речь, когда двое тофаларов запросто убивают пятерых тувинцев всего лишь за кражу коней.

Или взять «золотых охотников» – кайгалы коней у них с добычей свели – буряты тут же заложника берут и то, что это мальчишка-подросток – никого не волнует.

Теперь собственные дети пропали – кто забрал их? Куда везут?

...

Солнечные блики

День облегчения не принёс.

Единственной радостью мальчишкам было, что пересадили их на собственных коней да перевязали руки вперед на седло.

Неразговорчивая компания им попалась – молчаливая.

Короткие рваные фразы на непонятном гортанном языке. Табачный дым и крепкий чай на привалах.

Мальчишкам несколько раз давали прямо в затянутые узлами руки полоски вяленого мяса, хлеб и воду из армейской фляжки.

Мишка никак не мог понять, почему Санжа (неплохо говорящий на сойотском) никак не проявляет своих навыков.

Сообразил мальчишка, в чем дело, когда увидел, как младший Гомбоев напряженно вслушивается в неожиданную ссору двух заспоривших всадников.

Санжа даже глаза в седле прикрыл и в слух обратился. Сейчас он снова напоминал буддистское изваяние, покачиваясь с деланно-отрешенным видом в седле.

Когда же ссора прервалась властным окриком старшего, мальчишка глаза открыл и угрюмо на Мишку глянул. Судя по его удрученной гримасе, дела были так себе.

После обеда старший обернулся к Мишке и неожиданно поинтересовался на русском:

– На Жойган ехали?

С непроницаемого лица азиата, покрытого тонкой сеткой морщин, выжидательно смотрели глубоко запрятанные глаза-буравчики.

Мишка кивнул, огляделся и неожиданно увидел палатку.

Оранжевый домик приютился возле огромной лиственницы. Вход наглухо застегнут – хозяев внутри явно не было.

Территория оказалась обжитой. Виднелись следы кострищ, тропы через кустарник.

– Жойган, – утвердительно заявил тувинец, – Ходом пойдем. Мимо. Глупых дел не делайте – всем хуже будет. Спросят что – молчите! Ясно?

Повернувшись к своему отряду, он бросил короткое распоряжение на тувинском, и один всадник спешил, вынимая из седельных сумок пластиковые бутылки.

– Наберет-догонит, – пояснил старший, – Захочешь чего, зови меня Буяном, – закончил он.

«Захочешь... – фыркнул про себя Мишка, – Что толку-то. Ну, к отцу хочу и что? Отпустишь?»

С другой стороны, конечно, неплохо получить определенную степень свободы – все лучше, чем кулем трястись на лошадином загривке.

Неожиданно резкая вспышка ударила Мишке по глазам, заставляя зажмуриться. Были бы руки развязаны – сто процентов глаза бы протер. А тут...

Сморщился мальчишка. Руки дернул-наклонился – никак до глаз не достать. Носом-бровями заворочал, резь пытается от солнечного «зайчика» прогнать быстрее.

Когда же открыл мальчишка веки и вокруг глянул, сообразил: закончился Жойган, а значит Тува начинается.

Невзирая на нехорошую ситуацию, все-таки интересно было мальчишке: увидит ли он границу между Бурятией и Тувой. Почувствует ли?

Мишка, конечно, предполагал, что не будет изменений – недаром в Обтое и названия речек тувинские и язык сойотский, со слов Санжи, почти один в один...

Получается, не просто так спор меж бурятами и тувинцами за Жойган идет. Каждый здесь эдакую жемчужину своей считает.

А вечер на путников «валится». Мишка на первые звезды смотрит и о ночлеге гадает, а отряд Буяновский идет как шел. Странно мальчишке: железные что ли эти смуглые парни в стеганых халатах. Ночь шли. День идут, а об отдыхе не задумываются.

«Наверняка, – приброесил парнишка, – Придем скоро... Ну или к темноте – там они и отдыхать будут...»

Не дает парнишке покоя «зайчик солнечный», что по глазам на Жойгане ударил. Что уж там блеснуло справа – непонятно.

Вдруг топот копыт позади дробный – не меньше двух коней скачет.

Только-только глянуть хотел мальчишка – что там, как Буян-старший первым обернулся.

Удивлен тувинец. Удивлен, но не испуган.

Куда только делась азиатская непроницаемость – глаза щурит-всматривается, а правая рука потихоньку ружье с плеча тянет. И не успел Мишка за взглядом его последовать, как позади дуллетом выстрелы грохнули.

...

По следу

– Должны мы догнать их, – рассуждал в минуту краткой остановки Толик Самбаев. – У тувинцев-то к-зони всегда неухоженные. Не уют они

их. Нещадно гоняют. Сотрет копыта конь – хромает. Упадёт – зарежут-бросят...

По лесу и лугам альпийским неплохую скорость погоня набрала, а как перевал пошел – притормозились.

Если бы не ситуация – любовался бы сейчас Птахин-старший гольцами-ущельями.

Вверх и вверх ползут путники. Воздух, солнцем нагретый, вдали дрожит-стелется. Небо голубое объятия распахивает.

– Три тысячи должно быть, – Самбаев Птахину кричит, – Посмотри-ка машинку...

Достал тот джи-пи-эс американский. Поколдовал – есть картинка.

– Две восемьсот, – отвечает, а у самого сердце родительское не на месте.

– Догоним, – успокаивает его Толик, – Догоним-отберем...

– Не будет обратной дороги без мальчишек, – заговорил вдруг Евлампий, – Как жить-то после, если что не так случится?

Не хочется никому о плохом говорить-думать, а переживания родительские наружу так и рвутся – где сейчас пацаны? Что с ними?

Сплошные вопросы...

А мир вокруг чистый-чистый, краски яркие – будто и не произошло ничего.

Тропа по скальнику вниз пошла.

– Следы на Жойгане смотреть будем, – Толик рассуждает, – Они там в одном месте хоть как цепочкой по грязи пойдут – после и сосчитаем их.

Птахин-старший рассуждать давай: может, есть какие отдыхающие на источниках? Увидят связанных мальчишек – отбить попробуют, но отмахнулся от него хозяин Обтоя, мол, там сейчас и туристов-то нет. А если и будут – как им против вооруженного отряда сражаться?

Страшно отцу за сына. Никогда не думал он о ситуации такой. Вокруг на сотню километров людей горстка. Связь только на Обтое появляется на одно-два деления – и то через раз поговоришь.

Получается, никто кроме троицы из погони ситуацией не владеет. А значит случись что со взрослыми: сгинут мальчишки в лапах тувинских...

Мысли-мысли. Бегут по кругу мысли у путников, бегут-перекликаются.

– Толик, – заговорил вдруг Евлампий, – Давай ты после Жойгана обратно пойдешь – сообщить все-таки надо, что произошло. Иначе совсем плохо может кончиться.

Сердится какор на Евлампия – глянул так: провались ты, мол. Сердится, а понимает: все-таки прав он. Дороги Толик лишь на бурятской стороне знает – Тува для него «книга закрытая», а Евлампий продолжает тем временем.

– Мой выход на той стороне будет, – уверенно звучит голос правнука Сафиного. Не иначе придумал что-то тофалар. – Там водораздел, – тычет он куда-то вперед, – Сюда Сенца течет, а на ту сторону Хам-Сыра. Если верно я задумал, то идут они в сторону Додота, а значит нам с ними почти по пути...

Толик Самбаев и не заметил, как стрельнул глазами Птахин-старший на партнера своего по кладоискательству. Недоволен он болтовней Евлампия и направлением, куда разговор поворачивает – недоволен.

– Обрато, Толик, два дня пути, – согла-

шается Птахин, –Куда мы за это время заберемса – неизвестно. Ты, Евлампий, с маршрутом пока не торопись: на Жойгане следы посмотрим – окончательно решим.

Кострище теплое нашли по дороге – веселей стало. Нагоняют.

Вспоминать давай практику туристскую: за сколько времени костер остывает, но не помнит никто.

Стоянку бегло осмотрели – почти нет следов. Только чая ошвырки да пепел с табаком у кострища. А тот, что из трубки выбит и аккуратной горкой на куске бересты лежит – медом пахнет...

...

Кайгалы рода Ак-Чоод

Ночь уже к утру клонится, а у Мишки сна нет никак.

Услышь он от кого о приключениях таких, посчитал бы, что врет рассказчик. Только в кино или книжках у Джека Лондона такое может с героями происходить. Сегодня ты пленника спасаешь, а назавтра сам беглец. Надо же было так со стуком условным попасться – подслушивал их оказывается тувинский разведчик, когда взрослые уходили пленника выручать, да инструкции давали

Руки трет мальчишка. Там, где веревки были – рубцы красные. В оконце узкое луна щерится оскалом своим – светом серебряным стены закрашивает.

Переживает Мишка. Еще с середины ночи уехали тувинцы погоню отцовскую встречать – что там будет? Куда ситуация повернется?

Сильно жгутся рубцы от веревок – вроде и недолго в путях пробыл, а чувствительно...

Луна светит-старается, а Мишке взгляд старого кайгала вспоминается – главы летника на Чойган-Хем.

– Говори, Санжа, – устало рассматривал он мальчишек, хлебающих бухулер, – Одного из старших ваших Евлампием зовут? – Мишка чуть не подавился от прозорливости старика, а Санжа будто и не слышал вопроса: кусок мяса отхватил, пожирней, и нажевывает, – Если сюда Тофаларский Евлампий приедет, – продолжает кайгал, – Интересная у нас встреча будет. Ни он меня увидеть не думал, ни я его в гости не ждал... Хотя звал, – добавил старик и Мишка неожиданно ночной разговор вспомнил, что подслушивал он волчьей ночью дома у Гомбоевых.

«Сто процентов он!» – Вцепился мальчишка взглядом в древнего кайгала, а тот будто и не видит интереса мальчишеского.

– Железо-то евоное, – кладет старик на стол нож, холодно блеснувший в огне керосиновой лампы. – Когда я у него в Тофаларии был, разоружили мы его, чтобы лишнего не натворил. Его ножик-то. Приметный... – провел он сухими пальцами по берестяной рукояти. Потом лезвие погладил и... – Чаян! – неожиданно крикнул он куда-то в темноту.

Скрипит дверца за пределами света лампы керосиновой. Шаги мягкие по полу...

Оказывается, уснул-таки Мишка – ждал-ждал, когда тувинцы вернутся, и уснул. Нет в окошке маленьком света лунного теперь – рассвет понемногу занимается.

Слушает мальчишка ночь – вдруг новое что, но только птички, коней ржанье далекое да река журчит.

Прошла ночь... Хотя можно еще разок закимарить, если постараться. Дрема утренняя – сладкая: веки сами закрываются.

– Мы кайгалы рода Ак-Чоод, – щурился на свет лампы старик, – Всегда здесь жили – на речке Чойган-Хем⁴⁵. Правда СССР из нас совхоз оленеводческий делать пытался, а кто за нами усмотрит? Жировали руководители, а кто у своих ворует, по-нашему оор называется, а ведь своему народу отдавать надо! – Чуть не крикнул он, – Во все времена мы из Монголии скот-коней гнали. Из Бурятии гнали. Русских пощипывали – никто не мешал! Теперь же границы кругом, законы, – погладил столешницу сухой ладонью старик. – Вот Чаян, – ткнул пальцем кайгал в подошедшего на зов молодого тувинца в халате. – Настоящий кайгал. За сетку⁴⁶ в Монголию ходит. Больше, чем он, коней никто из тувинцев оттуда не перегнал – а почему? – Крутнул он головой, – Потому как не себе старается. Завтра на пастбище пойдем – табуны посмотрите. Чаян давно мог сам жить припеваючи как Урус-Оол на Хадыне со своими конями. Хотя этот не пример: сам все начинал-разводил. Нас осуждает... Не понять скотоводу кайгала! – Качнул он седой головой. – Сколько раз тебя пограничники ловить пытались? – Повернулся он к Чаяну.

– Пять... – односложно бросил тот.

– А поймали? – выдержал паузу кайгал, – Ни разу. Если не за себя стараешься – никто тебя не возьмет. – Собираемся, – поднялся он из-за стола, – Такого дорогого гостя как Евлампий – сам встречать пойду. Чичека зови, – кивнул он Чаяну, – Если меня не послушают, тому уж точно поверит. Что за племя Тоф-хааши? Злопамятные-хитрые – хотя и смелые. Санжа, – наклонился неожиданно он к мальчишке, – Дочка родилась у Евлампия?

– В сентябре, – уронил первые слова Гомбоев-младший.

⁴⁵ Поселение на реке Чойган-Хем - № 4 на карте 2.

⁴⁶ За сетку ходит – старик имеет в виду, что граница Тывы и Монголии огорожена по участкам возможного перехода сплошной сеткой рабицы.

– Значит за ним еще Сафина сила, – кивнул головой Кайгал, – И теперь это даже хорошо...

...

Нюхай воздух

– Мальчишки с ними были. Связанные, – частила испуганная туристочка. – Двое. Вот сюда руки прикручены, – тыкала она в переднюю часть седла.

– Откуда смотрела? – недоверчиво спрашивает Евлампий.

– С горы. – Ткнула девчонка рукой куда-то назад.

– В бинокль? – Головой мотает туристочка, – А как тогда рассмотрела?

– Вот, – протянула она тофалару пудреницу, – Зеркальцем в глаз одному посветила – он руками дергать давай, а те привязанные.

– Может, нам лагерь переставить? – подошел паренек лет двадцати пяти, – Кто знает, чего от них ждать?

– Сразу не тронули – теперь не вернуться, – Подал голос Толик Самбаев, – От нас они бегут... Сколько всадников-то было?

– Семеро, – зачастила девчонка, и в голосе ее нотки облегчения слышались, – Семеро взрослых с косами и мальчишек двое. Один, правда, остался, воду набирал. Потом уехал...

– Пять часов, – подытожил Толик, – Сегодня не догоним. Ночуем или сразу идем?

– Ты ночуешь, – Птахин отвечает, – Мы дальше.

Хозяин Обтоя на такие слова лишь голову заворотил злобно, что твой конь.

– Почему это я ночью?

– Толик, ну мы же говорили, – Птахин его успокаивает, – Нам в открытую штурмовать их нельзя, а значит массовость не нужна. Не спеша вернешься обратно, пять дней ждешь и МЧС поднимаешь, если вестей от нас не будет.

Не по душе каюру товарищей оставлять, а правда все-таки за Птахинскими словами. Сгинут они втроем, кто потом расскажет, как дело было? А тут еще и туристочка за руку уцепилась.

– Оставайтесь, дядя Толя, – пищит, – Может, и мы вместе с вами обратно пойдем... Мне после мальчишек, к седлам привязанных, тувинцы под любым кустом мерещиться будут...

Нечего делать. Махнул рукой Самбаевский и полез с коня своего.

– Не торопись, – придержал он Птахина за стремя, – Мне теперь припасы не нужны. У вас на сколько дней еды? – Повернулся он к пигалице...

Что-кому поделили быстро. Толик еще и от туристических припасов им «отрезал», мол, нам-то чего? – завтра на Обтой выходим – хватит еды. Мол, считайте оплатой за вьючную лошадь в обратную сторону.

Мог бы и не объясняться.

Девчонка рада не рада каюру с ружьем и лошадью – все отдать готова, лишь бы долго не задерживаться.

– За нами только через неделю приедут, – пищит-объясняется, – Я бы тут с ума сошла – какой после такого отдых...

Напоследок фразу тайную оговорили – вдруг кто другой из Тувы Толику звонить будет?

– Первая связь на Хам-Сыре, – Евлампий говорит, – Отсюда примерно трое суток ходу, а в поселке сто процентов спутниковый телефон есть. Если все в порядке, или сами звоним, или отправляем кого... Нам внимание МЧС ни к чему...

Обнялись крепко.

Птахин чует, не хочется Толику отпускать их одних – настоящий дарга⁴⁷ – переживает, мол, сгинете там без меня в Туве...

Но решено-исполнено и тронули всадники коней – в ночь окунулись.

Темп у погони разом убавился. Чужая сторона. Ночь.

Евламий батарею фонаря диодного не жалеет - светит не выключая.

Переживает:

– Если с направлением замажем – худо будет...

Компас-карту свои достал. Птахину командует джи-пи-эс включить – сверяет старую трехверстку с машинкой спутниковой.

Сориентировался – маршрут наметил.

– Хорошо, меня отец следопытству учил, – шепчет через плечо Евламий, – Смотри, ветки сухие сбитые – здесь они шли. Точно!

Идет погоня в ночь. Где-то там впереди мальчишки связанные на седлах кимарят-раскачиваются.

Рвется сердце отцовское, а скорости от этого не прибавляется.

Вторая ночь погони идет...

Птахин едет и понять не может – откуда только силы у всех берутся? Сколько «гоняются» они с тувинцами, а слабины ни у тех, ни у этих.

Евламий впереди примолк – фонарем светит-высматривает – следы ищет.

Час проходит, потом второй...

Неожиданно партнер фонарь свой гасит. Ночь моментально путникам шторы плотные на глаза задвинула – ни зги.

Ослепли.

– Воздух нюхай, – тофалар шепчет, и в голосе у него не азарт охотничий звучит, а беспокойство.

Птахин воздух носом тянет и неожиданно запах табака медового узнает...

⁴⁷ Дарга – начальник (бурят.).

...

Попались русские...

Забавно, но кто сны видит – знает: время в реальной жизни и ночных видениях бежит по-разному.

Вроде и солнышко уж в окошко стучится, и пора б подниматься новый день начинать, а никак не могут сонный морок сбросить с себя Мишка с Санжой – «десятый сон» досматривают.

Слышат мальчишки сквозь дрему: проснулся поселок тувинский, а не отпускает их усталость – шутка ли, за неполных два дня столько событий.

Слышится Мишке снова и снова дуплет этот за спиной, что бахнул, как Жойган за спиной остался.

Подумал тогда парнишка: заваруха начинается – догнали их родители с товарищами. Но обернулся мальчишка и только двух всадников увидел: один, что за водой на источнике остался, а второй росточком поменьше да пощуплей.

Прибросил Мишка – девчонка скачет или подросток. Только когда ближе подъехали, сообразил он: пленник бурятских «золотых охотников» к своим вернулся.

Буян-то, старший отряда тувинского, давно уж понял, кто там на втором коне: вон сморщился, будто «репа закопченная» улыбкой «лопнула».

Изо рта трубка извечная торчит с дымком ароматным.

Самый вкусный табак в тувинской компании Буян курит и не сорит, как остальные, где попало, а выколачивает свою трубку горсткой аккуратной.

Все ближе конники, и видит Мишка улыбку пленника бурятских «охотников золотых». Радость всего отряда чувствует.

Гулко копыта конские о землю стучат – победно: «Вернулись-вернулись-вернулись...»

Мишка смотрит на пленника бывшего и понимает вдруг, что удалась задумка отцовская мальчишку тувинского из лап бандитских высвободить. Понимать-то понимает, а переживания новые на голову ему валятся: «Как освободили и где они сами, если пленник здесь оказался?»

А всадники уже рядом. КрУгом отряд встал: мальчишка-тодженец, посредине на стременах поднялся. Рассказывает, как дело было. Потом неожиданно глазами с

Мишкой встречается, улыбается радостно и рукой машет.

– Вы чего там? – кричит он по-русски ему и Санже, – Давайте сюда!

Удивляется отряд Буяновский такому неожиданному повороту. Оказывается, мальчишка тувинец о плене сейчас рассказывал, а до освобождения своего не дошел. Мишка руки ему связанные показывает. Мальчишка как пути увидел, сразу историю прервал. Ножик из-за пояса дергает и к пленникам скачет.

– Попались русские, – хохочет, а сам веревки резать собирается. Тут Буян ему кричит что-то, и остановился мальчишка. Обернулся и со старшим спорить давай – потом подумал секунду и говорит парням, мол, переживает дядя Буян. Вдруг убежите. А вы теперь уже гости – как быть-то? После предложил Санже с Мишкой слово дать, что не побегут они.

Мальчишкам-то что? От Жойгана далеко ушли, да и в ночь глядя куда бежать? Тем более и ситуация выровнялась почти.

Мишка на Гомбоева-младшего смотрит, а тот и говорит вдруг тувинцу.

– Меня Санжой зовут, а тебя как?

– Чичеком, – родители назвали, смеется мальчишка, – Ну или Начын – сокол значит.

– Мишка, – Птахин-младший кивает.

– Не побежите? – Чичек торопит.

– Нет, – уверенно Санжа отвечает, – Слово даем...

– Старший клана – дедушка мой, – режет пути тувинец, – А вы теперь гости наши.

– А ты-то как вывернулся? – Мишка руки затекшие растирает.

– Буряты перепились и давай куражиться, а один ваш под шумок мне веревки на руках и чикнул. Вот этим ножиком. Я хожу к коням – один под седло оставался – его и взял.

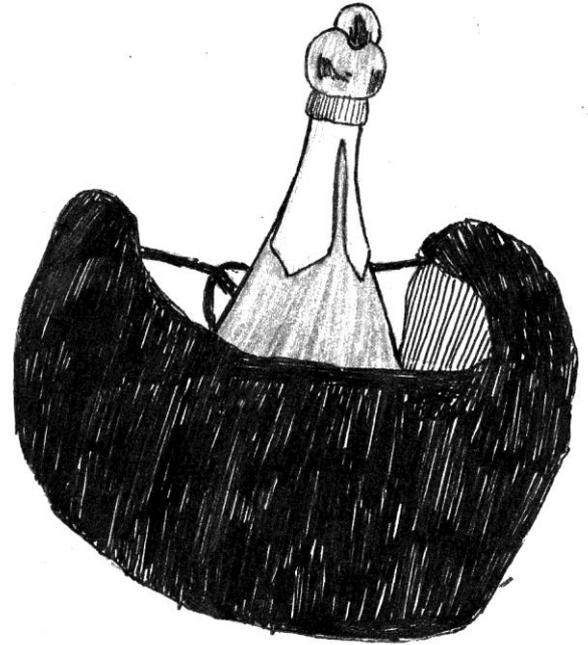
– Ножик сам отдал что ли? – Санжа удивляется.

– Спрашивать времени не было – я за лезвие потянул, а он и выскользнул...

Хлопают двери в землянке.

– Санжа! Мишка! Вставайте...

Отлетает сон. Таращат глаза мальчишки, а на пороге Чичек стоит – улыбка довольная на пол-лица. Не узнать мальчишку: халат на нем, желтой ниткой расшитый, что твое солнце, и шапка остроконечная тувинская...

...

Гости

Темнота после фонарика – глаз коли, не видно ничего.

Птахин еще воздух нюхает – дымок табачный ловит, а тут из темноты голос мальчишеский кричит по-русски.

– Дядя Евлампий, вы ружья не берите. Мы теперь друзья с вами...

Опешили мужики от таких новостей. Кто кричит? Какие друзья? А голос тем временем продолжает.

– Это я – Чичек, - кричит мальчишка, – Вы меня прошлой ночью освобождали...

Вот так новости.

Евлампий сопит упрямо – услышанное переваривает, да и Птахин-старший, признаться, опешил от такого поворота.

Получается, ехали воевать, а за них уже все решено?
Тут еще один собеседник появился.

– Евлампий, – зовет негромкий голос хрипловатый – «с трещинкой», – Это я Хонай Кара-Сал. После смерти Сафы в Алыкжер к тебе приходил. В гости звал. Помнишь?

Тут не промолчишь: у тувинцев весь расклад, а погоня незадачливая уже сто процентов окружена-сосчитана.

– Привет и тебе, кайгал, – кричит в темноту Евлампий, – Верно ты говорил в тот раз – не обойдешь тебя в долине Хам-Сыры.

Довольный смех старика на клетот вороний похож. Вроде и мирные звуки, а зловеще в темноте получается.

– Включаемся, – говорит вдруг вождь тувинцев слово странное, и через мгновения ясно становится, о чем он.

Фонарики вокруг путников новогодней иллюминацией сияют. Однако в глаза не светят – вверх или вниз... Обозначаются только...

Каких-то метров пятнадцать не доехали до «засады» преследователи: больше десяти фонариков «подковой» светят, а Евлампий с Птахиным-старшим прямо посередке оказались.

– В гости едем, – разворачивает коня старый кайгал, – Здесь часа три пути. Не встретить мы вас – заблудитесь. Ни к чему возня эта. Вы большое дело нынче сделали: внука моего освободили – Чичека. Тебя, Евлампий, я по ножу узнал. А мальчишки-то ваши упрямы. Ладно, хоть слово не бегать сдержали...

Чичек оказался мальчишкой шустрым. Подъехал к преследователям вплотную, в лица всмотрелся и ножик Евлампиию протягивает.

– Спасибо...

– Не обрезался? – Тофалар интересуется, а сам ножны пустые на поясе к себе тянет.

Смеется тувинец.

– Быстро все получилось... Не успел обрезать.

Ехать дальше рядом устроился.

Старый кайгал тоже отстал-подъехал.

– Чичек говорит, трое вас было, – «клекочет» Хонай Кара-Сал, - За подмогой отправили?

У Птахина-старшего мозги «нараскоряку», но на этой стороне Евлампий-старший. А тоф не стал тянуть-отговариваться: не та ситуация сегодня... Почует старый кайгал задумку тайную – кто знает, как вернуться может – видно, так рассуждает правнук Сафин.

– Звонить надо, – отвечает он коротко, – Мало времени осталось.

– Сам поедешь? – Хонай спрашивает, и снова чувствует Птахин подвох в словах его запрятаный.

Никогда не сообразил бы Птахин-старший, что делать в такой ситуации, а Евлампий отвечает, будто давно уже все решил.

– Могут и твои позвонить, – отвечает он кайгалу, – Связь-то ближайшая на Хам-Сыре только?

– А нам-то кто на той стороне поверит?

Смеется Евлампий:

– Не переживай, – говорит, – Поверят... Слово тайное скажу, и раз уж сложилось так, будем теперь вместе загадки старинные разгадывать. Власти нам в таких делах ни к чему...

Почувствовал Птахин после слов Евлампия, как упокоился более-менее старый кайгал. Хотя успокоиться-то он успокоился, а думу очередную, похоже, задумал.

Кричит что-то гортанное, и везут ему через минуту трубку, табаком набитую-раскуренную. А из трубки той знакомый дымок идет – медом пахнет терпко. Поняли тут Птахин с Евлампием – не заканчивается на этом история – ой не заканчивается. Просто очередная страничка перевернулась...

ЧАСТЬ – III

...

Основное на потом

Разогретая солнцем тайга парила.

Закончились открытые пастбища, где табуны кайгальского поселка пасутся. Не обманывал Хонай Кара-Сал. Такого количества коней Птахин-старший даже в Окинском районе не видывал.

Оно и понятно. Со слов главы клана выходило, что только Чаян перегнал с монгольской стороны больше сотни голов. Так не один же он за кордон гуляет?

Идет отряд сборный. Неезженными тропами идет. Из долины Чойган-Хем в сторону речки Додот, что возле самой Тофаларии протекает – родины Евлампивской.

Почти тридцать человек в отряде. Мальчишек трое. После как разбудил Чичек Мишку с Санжой поутру – почти не расстаются пацаны. У взрослых свои дела, а у них свои.

Санже ружье вернули. Патроны. Мишке ножик. У Чичека свой укороченный кавалерийский карабин. Может, именно с этим обрезом дед его к Евлампию в гости ходил после смерти шаманки Сафы?

Много вопросов у Мишки, а задать некому. Санжа с Чичеком ножи тувинский с бурятским сравнивают, а Птахин-младший свою думу думает.

Когда крикнул внук кайгала старого:

– Санжа! Мишка! Вставайте! – почувствовал мальчишка, что отец с Евлампием где-то рядом. Боль родительскую почувствовал – боль и беспокойство.

Вылетели они с Гомбоевым-младшим на улицу, да прямо в объятия взрослых и угадали.

Вот оно, сердце отцовское, в груди бухает. Колокол и только. Крепко ухватил мальчишку батя – будто ввек теперь никуда не отпустит.

Евлампий Санжу осматривает, ссадины щупает, курлычет что-то на бурятском – идиллия, да и только.

Однако общаться им долго не дали. Буян «на горизонте» появился и утащил взрослых на разговор к Хонай Кара-Салу. Не терпится, видно, старому кайгалу загадки старые прояснить.

Жизнь, она у каждого по-разному складывается, но бывают моменты, когда скрутится узел – не растянешь его, как ни старайся.

Сегодня именно такой случай вышел: никак не думал старый кайгал, что внук его в плен к «золотым охотникам» попадет. Птахин-старший с Евлампием ситуации со своими мальчишками тоже не предполагали. Вроде и хорошо все закончилось, а дальше-то что?

Понимает Евлампий: заартачься он со старым кайгалом про тайну Сафину говорить – по-разному может случиться. Были бы они без пацанов – ладно, а тут никак нельзя «в позу» становиться.

Разговор тяжело идет.

– Мы с тобою, Евлампий, из одного племени, – убеждает его старый Хонай, – Мой отец с твоей прабабкой дружил. Помогал ей... Твоя теперь очередь...

Птахин слушает, не перебивает – он-то давно Евлампия понял. Согласится тот в любом случае тайну Сафину вместе разгадывать, да только сделать это надо, чтобы старый кайгал в искренность поверил.

А тот переживает. Основное на потом оставил – в Бурятию сейчас звонить предлагает.

– Хочешь, сам езжай на Хам-Сыру – дождемся-проводим, хочешь слово секретное скажи... Чего тянешь-то?

Сомневается Евлампий слово говорить. По всему видно – сомневается. Птахин-то старший партнера своего за это время неплохо выучил, и удивительно ему – чего тоф переживает? МЧС-то, хоть как, нужно «отбивать», да и помогут ли они в такой ситуации?

Сдался, наконец, Евлампий.

– Давай, – говорит, – Отправляй посыльного своего...

Зовет кайгал какого-то Айдаш Даржаа и побыстрей. Пока искали его, накарябал Евлампий печатными буквами послание.

С интересом рассматривает старый Хонай его каракули.

– Не ошибся? – интересуется. – Не знаю я что-то такого на Додоте...

Но откинул сомнения кайгал, потому как Евлампий сам теперь допрос повел, вопросы стал ему встречные задавать...

...

Старый Хонай

Переживает Птахин-старший за поход. Не успокаивает родителя и езда конная – вроде и отряд умиротворенно идет, и договорились обо всем, а никуда не деть переживаний.

Вон беда отцовская на коне гарцует – Мишка. Сдружились мальчишки дальше некуда. Когда Евлампий копыта коням осматривал, Чичек

рядом крутился – не отогнать. Все интересно внуку кайгала старого: зачем коней ковать, если так ездить можно? Как его удерживать и как копыта для подков готовить? Видно по глазам горящим – нравится мальчишке наука бурятская.

– Приеду к вам, дядя Евлампий – научите меня ковать? – спрашивает.

А тому мальчишка тувинец тоже по нраву – сразу видно. Про школу давай его расспрашивать да про учебу, тут Чичек и расстроился, мол, старый Хонай против любых институтов. Читать-писать умеешь? Деньги считаешь? Хватит и этого для ремесла кайгальского...

Переглянулись тут Птахин-старший с Евлампием. Совсем другие вещи старый кайгал рассказывал, когда они кодовое слово для звонка Толику Самбаеву ему передавали.

Прямо тогда и спросил его Евлампий, мол, для чего ты все это делаешь? Поголовье-стада увеличиваешь налетами за кордон. «Золотых охотников» потрошишь. Клад Сафин опять же... Зачем тебе столько денег?

Прямому вопросу Хонай даже обрадовался.

– Чувствуешь, Евлампий, силу мою? – спрашивает, – А будет она еще больше. Когда Тыва к России присоединилась в сорок четвертом – большие надежды возлагали мы на русских. Радовались... А они что? Уголовников давай к нам слать? Зоны да тюрьмы строить? Получилось, с волками жить по волчьей выть... Научились тувинцы от арестантов и коноплю курить, и водку пить – повалился народ в никуда...

Планы старого кайгала оказались с размахом.

– Менять надо все в Тыве, – кивал он головой, – А чтобы менять – выборы надо выигрывать... Трое наших уже в республиканском правительстве. Пятеро в Москве сейчас учатся, а это все деньги, и деньги немалые... А где брать их? Вот, – потащил он из кармана россыпь золотых самородков, – Это Чичека улов. Он же бурятам в плен не просто так попал – по ложному следу уводил. Нашим дал возможность оторваться, а конь не кованный – подвел...

Блестит желтый металл на столе, в лучиках из узкого окошка чуть переливается, будто в беседе участвует.

– Чаян! – громко крикнул Ханай и распорядился, когда тот зашел, – Менги зови. И Начына пускай с собой берет...

Начын оказался птицей – соколом с расшитым колпачком на голове.

– Балбан, – «скрипнул» довольно глава клана, – Силач... Гордость наша! Веками тувинцы соколиной охотой занимались! Теперь сами себе корни режут! – со злобой выговорил он. – Обученный балбан в Европе почти сто пятьдесят тысяч долларов стоит! Их для отелей берут – чтобы птичек гонять... А наши за бесценок десятками отдают... Скоро совсем ничего не останется! Соколами у меня Менги занимается. Скупает их у наших пьяниц-охотников. Обучает. Покупатель появляется – продаем с доставкой хоть до Австралии, а за бесценок скоро никто ничего из Тывы не получит! Убьем!

Удивителен Евлампью с Птахиным размах кайгальский – действительная сила есть у главы рода, а тот уже разговор к Сафиной тайне поворачивает.

– Ответил я на твои вопросы, Евлампий? – смотрит строго он на тофа. Кивает тот: что тут скажешь – ясны приоритеты, – Отвечай теперь – зачем мальчишек в такой поход взяли? Или не собирались нынче ничего искать?

– Пристреливались... – Тофалар отвечает, – А про сына его Мишку Сафа давно говорила – лет шесть назад, мол, клад только ему откроется...

– Присетила, значит, старуха мальчишку? – Задумался Ханай, – Может, и верно тогда вышло – ко мне-то вы прямо через него явились...

«Неужто прав кайгал, – Птахин-старший прибрассывает, – Если бы не заваруха с пацанами, что бы сейчас было?» – Они же с Евлампием на самом деле только «пристреливаться» собирались. Если бы приметы Сафины проявились – тогда бы, может, и поиск начали.

А Ханай мысль дальше развивает, мол, не противься судьбе правнук шаманкин – пращурьы наши запрятали, а мы с тобою найдем – в масть все.

Переживает Птахин. Ситуация, что старый кайгал рисовал, может, на правду и похожа, но и выбора у них с Евлампием никакого.

Оба чувствуют: откажутся – плохо закончиться может, а согласятся – останется хоть какой, но маневр...

...

Странная тишина

– Задумайся, Евлампий, – летит в ночи тихий шепот, – Вспомни, как в первое утро поселок шумел, и сравни со вчерашним...

Разрешаются сомнения отца Мишкиного – похоже, додумался он до первой разгадки замыслов кайгала старого.

Не сразу соглашается тоф с Птахиным-старшим – думает минутку другую и отвечает:

– Твоя правда. Значит, получается помимо гонца на Хам-Сыру отправил Хонай своих людей отходы нам перекрыть?

– Наверняка... Вспомни утро когда на Додот выходили – сколько народу нас провожать пошло?

– Женщины и дети только, – соглашается Евлампий.

– Вот и я об этом... Похоже, не собирается нам старый кайгал долю от клада Сафиного отдавать...

– Ну а если не найдем – отпустит он нас?

– Да не знаю я, – Птахин-старший сердится, – Одно вижу – ведет свою игру Хонай и все тут! Нам истории плетёт о спасении всей Тывы, а сам внука учить не хочет. Теперь заградотряд вперед отправил – отступление наше предупреждать.

– Ну и где выход? – Евлампий расстраивается.

– Не знаю...

– Давай-ка расскажем мальчишкам, куда на самом деле идем, – принимает решение Евлампий, – Хватит втихаря играть – пускай всё знают от самого начала...

Молчит Птахин-старший. Молчит-понимает: действительно придется теперь «советы военные» вместе с мальчишками теперь держать.

– Завещание тоже говорить будем?

– А как без него? – Евлампий удивляется, – Там весь ключ – куда идем, зачем идем, а сколько неясного? Может, хоть они разгадают?

Молчит ночь. Спит стойбище. Пасутся кони стреноженные. Ничего не беспокоит тувинцев: их территория – никто не нагрянет.

Вроде спокойно пока – можно с мальчишками прямо сейчас о важном пошептаться без ушей лишних. Однако решили взрослые днем разговоры разговаривать – отец с Мишкой, а Евлампий с Санжой – чтобы кучей не собираться. Внимания не привлекать.

– Завтра долину вулканов⁴⁸ переходим, – Евлампий говорит, – по пути и расскажем...

Никогда не думал Мишка, что выпадет на его долю столько приключений.

Что там в городе? Все по расписанию. Ну, или почти все. Увлечения вроде у всех разные, а из сегодняшнего дня смотришь – «напомажено» все и «припудрено».

Получается, вне цивилизации совсем другие игры идут, и люди с тем же российским паспортом совсем другую жизнь проживают.

Вон сын каюра Толика Самбаева, Аркашка – вернулся же из того же Питера на Обтой.

Со слов отца, не по нраву ему столичные ценности. Вроде и работа была, а как дети в школу пошли, возвращаться обратно решил.

– Говорит, пускай школу в Бурятии заканчивают, – дядя Толя рассказывал, – Мол, интернаты районные получше столичных школ будут: преподают-воспитывают – будто СССР и не рушился... Глубинка.

Покачивается конь под Мишкой.

Дядя Евлампий сказал, на перевал к вулканам пешими заходить будем, кони без седоков пойдут – круто слишком.

Растянулся отряд. Головные уж спешили. Вон скала приметная перед крутизной, где всадники с коней спрыгивают.

– Помнишь дядю Виталю, – отец смеется, – Вот они его, тридцать градусов уклон – попробуй-ка заедь на машине.

Смотрит мальчишка вверх и понимает: ни на чем не заедешь – пешком только.

Пока на перевал затащились – взмок совсем Мишка. Взмок-выдохся-устал.

Батя тоже сопит паровозом.

Большая часть отряда тувинского уже наверх забралась. Старый Хонай в седле. Чичек рядом гарцует.

⁴⁸ Долина вулканов - № 5 на карте 2.

Нынче утром шепнул аккуратно молодой кайгал Санже, приказал дед ближе к себе быть, мол, вдруг наши «гости» бежать задумают – попадешь еще под раздачу.

Указания деда мальчишка выполняет неукоснительно. Мишка, правда, ловил несколько раз его взгляд. Один раз даже моргнул-улыбнулся ему, но ответа не получил. Отвернулся молодой кайгал, а может, и не заметил ничего.

«Да пусть идет, как идет, – решил Мишка, – Сказал же Чичек Санже о приказе дедовском – значит, дорожит отношениями дружескими. Кто знает этих тувинцев, как там заведено у них с чужаками общаться?»

Много житейских укладов насмотрелся Мишка за этот год – не счесть. Иному, наверняка, за жизнь столько приключений не выпадет, а потому пускай уж все идет, как идет.

Только-только поставил он последнюю точку в рассуждениях своих и в седле устроился, как отец к нему с разговором подъехал.

– Запоминай, – говорит Птахин-старший, – Дословно запоминай, что скажу. Евлампий сейчас Санже завещание шаманкино передает, а я тебе. Заучивай...

...

Шаманская присказка

Никогда не думал Мишка вулканы настоящие увидеть.

Завещание завещанием, а уносятся мысли мальчишки к пейзажам «космическим».

Талдычит он про себя, что отец ему сейчас рассказал. Заучивает, будто перед самым уроком с домашним заданием справиться пытается, а у самого дух от картинок захватывает.

Два вулкана в долине стоят. Конусы огромные с верхушкой срезанной. Лавовое поле тоже картинка редкая.

Расстелился беспорядочно «ковер» каменный. Зелень еле-еле меж острых камней пробивается – сплошной базальт серый на добрые сотни метров волнами ломаными тянется.

Отряд идет, как шел, и получается, не будет нынче «экскурсии».

Когда фотки у дяди Толи Самбаева на компьютере смотрел, дал себе обещание Мишка обязательно здесь побывать, как вырастет. Помнит он с фотографий, что в одном кратере озеро дождевое стоит, а второй сухой. Цвет малиновых «внутренностей» вулкановских тоже помнит Мишка, но не позволит ему никто на верхотуру сейчас забираться...

«Конь-гора на Додот⁴⁹, – повторяет он присказку шаманскую, – Вход на солнечное пятно. Что внутри – не твое. Не бери, если сам не нашел-подсмотрел. Отберешь-погибнешь. Ночь застанет внутри после часа собаки, вой начнется – никуда не ходи. Солнце быстро вернется – глаз не сомкнешь – потом выходи».

Как рассказал отец присказку Сафину – Мишка сразу поинтересовался – знает ли старый Хонай содержание? Ведь получается на смерть идет кайгальский отряд, если сами они решили кладом завладеть. «Отберешь-погибнешь» – фраза без переводов ясна, а Хонай Кара-Сал, похоже, нехорошее что-то задумывает.

Оказалось, не знает.

Внешне глава клана вида не подает, а все-таки ловит нет-нет Мишка взгляд его на себе подозрительно-изучающий. Мол, что там в тебе такого, мальчишка русский?

Долина вулканов за спиной осталась. Обернулся Мишка назад и понимает вдруг: случись что, обратной дороги можно и не найти.

Как отец сказал, главная задача сейчас без потерь до «Конь-Горы» дойти, а еще показалось мальчишке, что не договаривает чего-то дядя Евлампий.

⁴⁹ Додот – река № 8 на карте 1.

За вечерним чаем неожиданно возле их костра Чичек появился. Сразу видно, доволен малец, что к новым друзьям его пустили. Оно и понятно: взрослых игр у мальчишек в этих краях достаточно, а вот со сверстниками, да не тувинцами часто не поболтаешь.

Оказалось, запрещает дед Чичеку и в компьютерные игрушки забавляться. На вопрос Санжи, мол, почему так, мальчишка тувинец ответил сразу:

– Преемника он из меня готовит. Потому и учиться отправлять не хочет – боится, не вернусь я из города...

Оказывается, наметил себе старый Хонай жить до ста лет. Мол, прадед умер ста двадцати, а дед, что с Сафой дружил, чуток сотни не дотянул.

– Говорит, главное табак не переставать курить, – ворошит угольки в костре Чичек. – Что такого в этом курении? Он, правда, его сам делает. Растит. Собирает. С травами замешивает, а я почему-то не верю, что от курения можно жить дольше.

Вьется разговор.

Оказывается, когда Хонаю сотня стуканет, будет Чичеку тридцать три года – тогда и задумал старый кайгал бразды правления ему передавать.

Птахин-старший о родителях спрашивать давай и пожалел: оказалось, погиб отец Чичека в тюрьме, а у матери семья новая.

– Давай тогда решать, – Мишкин отец предлагает, – Коли доживет старый Хонай до сотни, как загадал – быть тебе главой клана кайгальского, а если не получится – приезжай к нам. Школу закончишь, институт... Как смотришь, Мишка,?

Сверкнуло вдруг что-то после слов этих в глазах у Чичека. То ли слеза, то ли радость, а Мишке-то чего? Сестры взрослые уже, а брата он всегда хотел.

Так и ответил мальчишка на вопрос отцовский, мол, только **ЗА**, если случится вдруг, как отец рассказал...

...

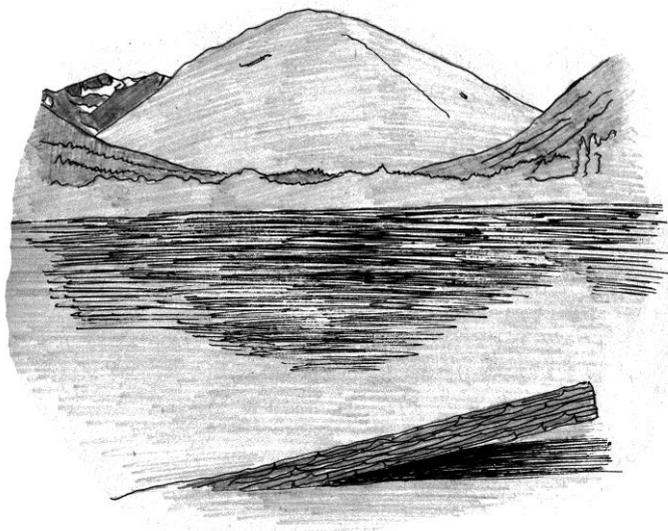
Двойной кордон

Закончилась спокойная жизнь у невольных путешественников – ей-ей закончилась.

Хотя можно ли назвать покоем те приключения, что случились за этот «невинный» поход на источники Жойгана? Не было на самом деле покоя у отряда – так, передышка временная.

Следующую ночь провели на озере Хара-Шур.

Стоят горы вечные кругом озера – отражаются в воде будто в зеркале...

Неспокойная та ночевка получилась.

Когда вниз с перевала спускались, заметил Мишка блик солнечный из-за гребня скального.

Руками размахивать не стал – отцу шепнул, мол, наблюдают за нами, похоже. Птахин-старший тоже виду не подал – похвалил сына сдер-

жанно и рассказал, что, скорее всего с двойным охранением идут они клад искать – не выскочишь. Выпустил вперед старый Хонай дозорных своих, на случай, если «гости» вдруг бежать соберутся.

Получалось, просчитал все ходы-выходы старый кайгал. Переживает Мишка, что взрослые секретное слово для дяди Толи Самбаева кайгалам отдали. В полной власти они теперь у «замшелого» Хонай Кара-Сола, и никто не придет в ближайшее время к ним на помощь – самим предстоит выпутываться...

Еще сомнений Евлампий добавил. В ту ночь, когда Чичек в гости приходил, шепнул он после команде своей – что б ни случилось, держаться «Конь-Горы».

Все передумал Мишка. Конечно, загадок покойная Сафа своим завещанием много загадала – но что спасение на «Конь-Горе», никак в нем не читается.

Получается, есть внутри там или пещеры какие-то или гроты, а вот что за «вход на солнечное пятно»? Или «вой начнется – никуда не ходи»? Отчего еще солнце быстро вернуться должно?

Опять загадки...

Так и так ворочает Мишка в голове присказку шаманскую, а как к озеру спустились, отложил все раздумья. Сначала нужно «Конь-Гору» найти – дальше видно будет.

Чичек к вечернему костру не пришел.

Мало того, выставили тувинцы часовых на тропках, и получается, перекрыты «гости» нечаянные двойным кольцом. Стоят молчаливые фигурки, изваяниями застывшие. Где-то за ними в полной тьме передовой отряд старого кайгала прячется.

Только-только спать собрались, явился сам старый Хонай с парой сопровождающих.

Садиться не стал. Осмотрел мальчишек, взрослых. Стоит молча – дым из трубки своей пускает.

Птахин-старший заперевживал – не рассказал ли Чичек о предложении его вчерашнем? Мог же выудить у него старый кайгал, о чем они у костра говорили? Или без злого умысла поделился с дедом – ближе нет у Чичека родственников, но хуже того, если мальчишка к ним на разведку приходил.

«Говори давай, – кричит мысленно Птахин кайгалу старому, – говори – не томи...»

Обстановку разрядил Евлампий.

– Не переживайте, дядя Хонай, – говорит он ему будто гостю дорогому, – Конь-Гору я знаю – бывал там. Заходил только я с нашей – с тофаларской стороны.

– Неужто не нашарил ничего, раз бывал? – неуловимо быстро подсел к нему на корточки кайгал.

Мишка даже удивился – ходит вроде не очень, а двигается-садится как молодой – не кряхтит по-стариковски.

– Так до смерти Сафы это было, – Евлампий смеется, и чувствуют собравшиеся у костра – не врет он. – Рыбачил я там на Додоте, да подходы новые на оленье плато искал...

– Это хорошо, – бурчит старый Хонай, – Нам недоговоренности сейчас не нужны. Я жизнь сложную прожил и трубкой своей еще долго дымить собираюсь, как и предки мои. Как думаешь, Евлампий, – впился глазами в тофалара кайгал, – Быстро найдем остатки истории нашей семейной?

– Честно скажу тебе, не знаю... – грустит тоф, – Если сам не соображу, вместе кумекать будем.

– Ну не подведи тогда сам себя, – поднялся на ноги Хонай, – И вы глупостей не задумывайте, – махнул он рукой напоследок всей компании, – Спите спокойно сегодня...

...

По речке Додот

Тяжело далась отряду дорога до «Конь-Горы». Евлампия старый Хонай впереди сегодня пустил, мол, знаешь ты, парень, куда идти, вот и показывай...

Забавно Мишке, что не знает старик «Конь-Горы». Понять, почему Евлампий так открыто о секретах у костра говорил – тоже не может.

Отца спросил, а тот лишь плечами жмет, мол, пойдя пойми этого тофа хитрого.

Сообразил теперь Мишка, о чем старый кайгал в первой беседе досадовал:

«Что вы за племя Тоф-хааши? Злопамятные-хитрые – хотя и смелые...»

Прав Хонай Кара-Сол: загадок за это время Евлампий всем уже загадал кучу целую. Недаром и прабабка его шаманкой была и прадед белогвардейским офицером.

Поделится Мишка мыслями своими с отцом. Слава Богу, разговаривать еще не запрещают, хотя явно усилили наблюдение за «гостями» невольными. Вон болтаются всадники в сторонке, метров за пять-десять – глаз не сводят.

Не было такого, пока перевалами отряд шел – ей не было...

Батя сына внимательно выслушал и головой кивает.

– Правильно мыслишь, – говорит, – Хорошо, что Евлампий с нами в одной команде играет, а не против. Не хотел бы я такого врага иметь.

Потом о кровном родстве заговорили. Согласился отец с выводами Мишкиными насчет предков Евлампия.

Оказывается вопросами «крови» человечество давно занимается – взять хоть Библию.

Многие книги там начинаются с перечислений, кто кого родил. Неискушенный читатель блажью древних считает описания эти, а тут как раз

тот самый вопрос «крови» и возникает. Кто из какого колена произошел, а значит что на роду его написано...

Пока прижимами речки шли, батя целую лекцию Мишке прочитал. Санжа тоже рядом едет «в пол-уха» слушает, а больше того на конвоиров зыркает.

Шумит речка Додот. Оказалась она прижимистой-бурной – нет-нет, да приходится в лес отходить, чтобы очередную скалу-прижим объехать.

Отцовские истории закончились уж пару часов назад, а Мишка все высматривает, где же эта «Конь-Гора», которой держаться надо в любом случае.

«Может, вон она? – Вглядывается в зелено-сиреневое марево мальчишка, – Чем не конь? Уши-морда...» – Но не реагирует на эти картинки Евлампий.

За каюра сегодня он. Главным.

Рядом с ним сам Хонай Кара-Сол в седле покачивается. Чувствует Мишка нетерпение кайгала старого. Понимает мальчишка: не доверяет тот Евлампью нисколечко.

«Ну еще бы, – прибросил Птахин младший, – Сафин прямой родственник с силой шаманской, пусть и временно. Сколько там они с Хонаем соревновались, пока тоф в Бурятии не женился?» – тайна мраком покрытая.

Отец как-то спросил его за историю ту, а Евлампия аж передернуло: не захотел он почему-то старое бередить-рассказывать.

Как лучше Чичека высвободить, тоже Евлампий угадал, да и ножик ему наверняка не просто так отдал.

На «Конь-Горе» был, хотя наверняка не нашел ничего – иначе какой ему смысл отца в историю затягивать?

Мысли бегут-бегут. «Караван» тувинский идет-идет.

Растет напряжение общее – чувствуют мальчишки и Птахин-старший струнку эту звенящую.

В такие минуты даже солнце подозрительно светит и облачка «ехидничают».

«Вот оно, конь-облако, – рассматривает Мишка «ватный комочек», за гору «зацепившийся», – Ноги-голова – пожалуйста...»

Скрипят подковы на скалах. Валяются в пустоту мысли мальчишечьи...

Снова остановился Евлампий – в бинокль с очередного прижима⁵⁰ смотрит, и неожиданно меняется что-то.

Тычет каюр рукою вперед, а Хонай Кара-Сол свой бинокль из чехла на груди тащит...

...

Конь гора

– Чтобы верил ты мне, дядя Хонай, расскажу я тебе завещание Сафино полностью, – склонился над кружкой с беленым чаем Евлампий, – Я это место неплохо помню, а вот как-куда попадать, даже сейчас сообразить не могу. Хотя в тот раз и не искал я ничего...

Вечер навалился на отряд небывалым нашествием комаров-мошкар.

«Конь-Гора»⁵¹ возвышается метрах в пятистах от лагеря – полнеба собой закрывает – будто фигура шахматная чуть вперед завалилась.

Утром решил Хонай Кара-Сал пробный выход на место делать. Чай сейчас с Евлампием пьет.

Долго молчал кайгал старый после рассказа тофа. Трубку курил.

– Забавные вещи сказал ты, Евлампий, – нарушил он, наконец, молчание, – Ну и что это значит? Получается, если не мое это – не бери? А чье тогда – твое? Найти, значит, именно ты должен и лишь потом со мною делиться?

– Говорю же, не знаю ничего я, дядя Хонай... – тофалар морщится, – Нам бы сначала внутрь попасть через пятно какое-то солнечное. Что уж там после начнется и кто выть будет – совсем не знаю. «Солнце быстро вернется» – что такое?

⁵⁰ Прижим – скала, стоящая вплотную к реке.

⁵¹ Конь-Гора на речке Додот - №6 на карте 2.

Многовато вопросов.

– Завтра пойдем, – сворачивает разговор старый кайгал, – Смотри Евлампий – не шути со мной – я же только для друзей не опасный, а так ни на что не смотрю ...

Верит каюр этим словам. Нет нужды повторяться, но как задумается о дальнейшем Евлампий – ничего хорошего на ум не приходит.

«Эх, если бы не мальчишки, – пробирается к палатке тоф, – Давно бы и засады обошли ихние и кордоны – по крайней мере попробовали бы...»

Не спят часовые. Там уголек табачный дымится, здесь дымком тянет. Порядок в «армии» старого Хоная военный. Кто сказал, что тувинцы только водку пить могут?

С полуслова понимает команда вожака своего – глянет только кайгал – каждый знает, что делать.

Светлое пятно в этой темени житейской – Чичек. Тянется мальчишка к другой жизни – по всему видно. Табак как тувинцы сверстники не курит, про учебу думает. Птахина-старшего с его предложениями деду не продал...

Вот и палатка, от мошки зашторенная. Внутри говор тихий.

Прислушивается Евлампий и узнает вдруг голос Чичека. Решил не заходить пока, снаружи покараулить – вдруг кто разговоры слушать соберется?

Шурудит костер затухший каюр, веточки подбрасывает. Только огонь пыхнул, затихли голоса.

– Ты Евлампий? – Птахин-старший голос поддет.

– Я-я, – каюр отзывается, – Говорите пока – после спать будем.

Минут пять шушукались еще внутри, а потом вжикнула замок-молния, и тень серая в темноту мелькнула.

«Ловок, – оценил Евлампий, – Никогда бы не понял, кто это...»

Любопытство тофа разбирает, а тут и Птахин-старший на улицу выбрался. Сна на лице нет – задумчивый...

– Закончили с Хонаем? – спрашивает.

– Скорее начали. А гости зачем приходили?

– Узнал?

– Услышал...

– Новости не очень, – сощурился Птахин на огонь костерка, – Правы мы были, когда старого в думах тайных подозревали. Не найдем клад – плохо история закончиться может.

Оказалось, состоялся сегодня разговор серьезный у деда с внуком. «Пытал» его старик за отношение к «гостям» невольным. После приказал за Мишкой присматривать, вроде как дорога до клада только ему открыться может, так что если задумает что мальчишка – везде рядом быть.

– Не играет с нами малец? – Задумался Евлампий, – Я бы на его месте мог и четыре варианта разыграть...

– Ты да, – согласился Птахин, – А был ты таким продуманным в свои четырнадцать?

– Нет, пожалуй, – отвечает каюр после паузы, – Жизнь меня таким сделала, хотя задатки всегда имелись...

Именно это Птахин-старший и имел в виду, когда спрашивал: юность бесхитростна, зрелость расчетлива, а старость недоверчива... Слово **дружба** для мальчишек всегда святое, а у взрослых, жизнью «ошпаренных», по-разному бывает.

Много про дружбу мудрецы наговорили – и ведь не было среди них молодых...

«Храни меня Бог от друзей, а с врагами я разберусь и сам...»

Или:

«Если кто-то поднимает с тобой тост за дружбу, значит ему от тебя что-то надо...»

Молчат сейчас дядьки взрослые, на костер смотрят. До боли каждому из них хочется, чтобы слова человеческие **дела** сопровождали, а не место пустое с тайными помыслами. Эх!

– Спать пошли, – Евлампий поднимается, – Завтра день сложный. Сегодня что могли сделали...

...

Одержимый

Злится старый кайгал на весь мир – чувств своих не скрывает.

Ну не разгадывается притча Сафина, хоть тресни – близко ничего нет, о чем шаманка в завещании своем говорила.

Завтракали рано. После взрослые засобирались, а мальчишкам было приказано лагерь не покидать. Чичеку тоже.

Какие уж там инструкции старый кайгал охранникам выдавал, а бдят те мальчишек пуще прежнего.

Шаг в сторону – сразу внимательный взгляд проявляется. В кустики пойдешь – за спиною соглядатай маячит. Понимают мальчишки: не просто так разделил их с родителями глава клана – мало ли что там на «Конь-Горе» получится? Вдруг заваруха какая?

В заложниках остались мальчишки. В заложниках поведения родительского и все тут!

На «Конь-Горе» Евлампий сразу вперед не пошел. Монетки достал, флягу с водкой – брызгать давай.

Крутится на месте что твоя юла – пальцем горлышко на фляге при-ткнул, чтобы текло помалу, и вокруг себя землю поливает.

Птахин-старший, хоть и видал виды, но такого никогда. Показалось ему, что и старый Хонай удивлен. Удивлен и напуган...

Не понимает он, каким богам сейчас Евлампий молится, а у того чуть пена на губах не проступает. Крутится человечья фигурка возле подножья горы, над рекою нависшей, крутится – летят брызги...

– Орго-о-о-о-о-о!!! – Закончил Евлампий, на землю упавши.

Колотит каюра. Какие уж силы над ним сейчас верх имеют – неясно, но уж точно не человечьи.

Птахин подойти к нему хотел, но окликнул его старый кайгал.

– Погоди! Пускай сам встает...

Точно. Зашевелился Евлампий – задвигался... Смотрит взглядом мутным вокруг, будто не понимает ничего.

Поднялся – ноги не держат.

Хонай Кара-Сол молчит-смотрит, а Евлампий вдруг с ним разговаривать давай.

Резко так вопросы задает, и видит Птахин: в недоумении старый кайгал – будто не Евлампий с ним сейчас говорит. Отвечает каюру будто мальчишка нашкодивший, а потом берет ружье и под ноги тому стреляет.

Хохочет каюр, и кажется Птахину, будто голос Евлампия поменялся.

Еще выстрел – та же картинка. Еще – ничего не меняется

Поднимает тогда ружье старый Хонай и прямо в тофалара целится.

Птахин смотрит, а и он сам уже под прицелом охранников – шевельнись только...

Строго и спокойно обратился старый кайгал к Евлампью. Странно, но показалось отцу Мишкиному, что просит сейчас он того, кто в Евлампия вселился – убеждает.

Сменился вдруг каюр в лице – побледнел, будто краска под струями воды смывается. На колени упал и за грудь схватился.

– Помогай, – Хонай распоряжается и понимает Птахин – ему приказано.

Тут уже дважды он себя просить не заставил.

Только-только коснулся он плеча тофа, как почувял, насколько устал тот.

– Идти можешь? – Спрашивает, а тот на него смотрит взглядом непонимающим и поесть просит.

Махнул старый кайгал головой, и тащат из седельных сумок хлеб с вяленным мясом. Сам тоже подошел и рядом сел.

Говорить давай:

– Правильно ты сделал Евлампий, что вчера мне тайны свои рассказал. Не знай я правды, пристрелил бы тебя сейчас – не задумался.

Тоф головой лишь кивает да хлеб торопливо жует, будто неделю не кушал.

– Знаешь, кого он сюда в трансе приволок? – повернулся Хонай к Птахину, – Душу деда моего. Лучше бы Сафу притащил, чем этого праведника!

– Значит, опять ничего... – констатирует отец Мишкин, - Что делать-то будем?

– Есть теперь зацепка – Хонай смеется-встает, – Проколотся старый. Была пещера шаманская там, где рот у коня – видит кто его сейчас? – Весь отряд разом повернулся в ту сторону, и точно – нету рта у фигурищи «шахматной». Ноздри есть, а рот – камней гряда. – Взорвали они его, кайгал смеется – верное место Евлампий указал – славно получилось, – А сам опять ружье подымает.

...

Думай тоф-хааши!

Злится старый кайгал. На себя злится. На мальчишек. На Евлампия. Давно уж день на другой бок повернулся, а старый Хонай еще в сомнениях: зря он жизнь тофу хитрому оставил или нет?

На ствол ружейный каюр спокойно посмотрел. Отвернулся потом от стрелка и опять хлеб жует – крошки с ладони собирает.

– Эй! – Кричит ему Хонай, – Посмотри мне в глаза, – но не обращает внимания тоф – жует-давится.

– Воды попить дайте мне, – просит.

Птахин видит: не в себе Евлампий. А пауза до выстрела – это и его последняя пауза, и Мишкина с Санжой.

– Да не соображает он ничего!!! – Кричит в отчаянии отец Мишкин, – Давай я воды ему принесу.

Замер палец кайгала на крючке спусковом на мгновение, а после опустил он ружье и Птахину старшему кивает, мол, давай – принеси...

Миг до смерти – штука страшная. Пока флягу с пояса снимал, вечность увидел, а как к тофу пошел – понял: снова тот всех одурачил.

Губы трясутся, по груди крошки сыплются – слюна бежит, руки ходунном, а взгляд у тофа чистый-чистый – вот-вот моргнет – сообразил, мол, задумку мою?

Только поздно вечером Евлампий расскажет Птахину, что по поверьям тоджинским обидеть убогого или убить – грех непрощаемый.

Кстати и отец Мишкин со своим: «Не в себе он...» в самую десятку угадал – не выстрелил в каюра старый Хонай.

Ночь над головой – небо звездное. «Конь-Гора» издевательски на людишек посматривает.

Чего только тувинцы не предпринимали...

Для начала переправу на другую сторону наладили. Одну команду Хонай отправил завал разбирать. Другие давай пробовать на скалу забраться – но не выходит у них ничего. На голове конской со всех сторон углы отрицательные – недоступная макушка скальная.

Чаю заварили, и притащил кайгал котелок Евлампью. Сам притащил. Злости не скрывает, а помощи просит.

– Подумай тоф-хааши, – говорит, – Подумай, как внутрь попадать? Между нами ясность теперь полная – мне бы только свое получить. Отдавай тайну, и валите вы на четыре стороны. Патронов дам. Припасы...

Потом грозиться давай, мол, если ничего не выйдет за этот заход, придется скалу взрывать – догадываетесь, где все это время будете со своими щенками, пока я вторую экспедицию за взрывчаткой организую?

Евлампий его всячески увещевать пробовал, мол, давай разгадывать будем про пятно солнечное, а Хонай уже в «золотой лихорадке» бьется: выкладывай секрет ему недоговоренный прям сейчас и все тут...

– Да сказал бы я, – чуть не кричит Евлампий, – Думать давай, а не психовать...

Так и закончили день.

Когда уж темнеть стало, успокоился кайгал.

– Зла не держите, – говорит, – Но и ты Евлампий до завтра придумывай что-нибудь – всем же лучше будет. Совещайтесь идите, как жизнь себе обратно зарабатывать.

Нет сна у команды Птахина. То, что оружие им оставили, ничего не значит: соберутся в расход пускать – по любому пустят. Что же делать-то?

Выход на еще один день Мишка всем подсказал:

– А возьмите нас с собой, – говорит, – Сказала же Сафа в Тофаларии, что клад через меня откроется...

Батя глаза таращит – ишь чего придумал? Да и откуда за разговор тот знаешь?

Пришлось теперь и Мишке давний секрет свой рассказывать, что слышал он много интересного, пока его Сафа в Алыгжере лечила.

Злится Птахин на сына – смотри, какой продуманный вырос – опять на передний край напросился. Злится отец, но понимает: именно та мысль сыну пришла, что еще один более-менее спокойный день подарит, а значит остается еще у них маневр, как ни крути...

...

Клятое завещание

Комары и гнус мальчишек атакуют.

Вечер в тайге, да еще на речке, это тебе не солнышко. Днем-то эта пакость в тени кустов, да сырости деревьев ждет, а сейчас самое их время.

А «Конь-Гора» мальчишек ждет-ждет...

Когда Евлампий идею Мишкину старому кайгалу рассказал – задумался тот.

– Сафе я верю, – хлебал он из кружки крепчайшую чайную «муть» напополам с молоком, – Не просто так сложилось, что огольцы эти с вами. Человек тот же хищник и потомство своё натаскивает смолоду. Я – Чичека, вы – своих пацанов. Ведь не собирались же, говоришь, нынче наследство Сафино искать? – Внимательно смотрит он на собеседника, – А неделя прошла на месте оказались. И я с вами тутoka... Выходит, верно она мальчишку заприметила... – Удовлетворенно закричал он, – Как там зовут его? Мишкой?

Евлампий молча кивнул, чувствуя недоговоренность в кайгальских словах.

– Ты понять должен, Евлампий, – уперся жестким взглядом в тофа старый Хонай, – Когда мальчишки присказку Сафину узнают, не будет вам обратного хода, ежели клад не найдем. Кормить-охранять вас у меня тоже большого желания нет, так что не ошибись, тоф-хааши, – поднялся от костра тувинец, давая понять – «аудиенция» окончена.

Холодом повеяло от слов этих, и, глянув вслед уходящему кайгалу, почувствовал Евлампий еще раз холодок нехороший – мертвенный.

Расстраивать своих не стал. Надежда, она ведь последней умирает. Мог же и пугать попросту старый Хонай и, скорее всего, найти клад еще опаснее, чем присказку Сафину на сторону «выпустить». Тем более мальчишки уже пару дней ее про себя талдычат.

Когда у костра перед выходом сидели, спросил Мишка:

– Дядя Евлампий, вы откуда завещание Сафино-то взяли? Не со слов?

Зачем вопрос такой задал Птахин-младший – он и сам не знал.

Удивился какор. Сидит сейчас перед ним мальчишка-подросток, а вопрос, похоже, один из ключевых задает.

– Со слов, – подтверждает Евлампий, – И сказала Сафа присказку, только когда силу мне свою передавала – перед самой значит смертью.

– А порядок слов, – вцепился в него Мишка взглядом, – Порядок слов такой же был? Или переставили что-нибудь?

– Может, и переставил, – стушевался Евлампий, – Быстро же все случилось, и повторяла она по-разному.

– А что больше всего она упоминала, – почуял близкую разгадку Мишка, – Ну пятно солнечное или конь-гора?

– Час собаки, пожалуй, – задумчиво ответил тоф, – Ну так это любимая присказка ее была, – махнул он рукой. – Полагала бабушка, что люди в большинстве своем именно в «часе собаки» живут. Глаза на мир никак открыть не могут, и кажутся им кусты-деревья путниками, а камни придорожные – собаками. Слепыми живут, одним словом.

Сложилась неожиданно у Мишки картинка. Почуял он, как вход в «Конь-Голову» искать надо, и, когда отряд на берег речки Додот вышел, увидел он картинку, какую думал.

Увидеть-то увидел, а рассказывать не спешил, тем более отец с дядей Евлампием в утреннем разговоре настрого приказали: даже если сообразишь, как внутрь попадать – Хонаю не говори ни за какие коврижки.

– Если ничего не найдем – еще бабушка надвое сказала, чем закончится, – подытожил Птахин-старший, – А вот если отыщем – жди беды.

Согласился с ним Евлампий. А перед самым выходом еще раз напомнил команде: что бы дальше не случилось – держаться ближе к «Конь-Горе», если даже один вдруг останешься...

...

Голова хорошо - две лучше

Жрёт гнус мальчишек.

Еще бы: солнце почти за горку упало – тень вечная мир накрывает, а тут целые три жертвы вдоль речки вышагивают.

День-то в поисках бесполезно прошел. Птахин-младший как увидел картинку, что после утреннего разговора с Евлампием ему привиделась, сразу успокоился.

Огляделся вокруг, потянулся-зевнул и к переправе через речку наведенную побежал.

Старый-то Хонай крикнул ему еще, мол, постой-ка, а мальчишка уж на той стороне. Сел на камень плоский. Обувь скинул, голову задрал и «Конь-Голову» рассматривает.

Старый кайгал как подошел, ворчать давай, мол, не бегай-ка больше один, а Мишка ему и говорит:

– Мешаете же, дядя Хонай. Отвлекаете... Пропущу момент и не найдем сегодня никакого входа...

Больше никто к нему не вязался.

Просидел мальчишка на камне до обеда, а как тучки налетели, поделился он со старым кайгалом своими соображениями.

– Дядя Хонай, я все, что хотел, сегодня увидел, и одному мне выходит никак не справиться. – Молчит старый Хонай, молчит мальчишку

сопляка слушает, а тот разошелся, – Я же чего смотрел-то, – говорит паренек, – Пятно солнечное на «Конь-Горе» искал. Смотрел, как тени от солнца идут. Пятно-то могло и сегодня проявиться, но для него же солнышко нужно, а оно теперь, похоже, долго не выглянет. Давайте завтра с рассвета сядем вокруг горы наблюдать и смотреть будем до самого заката, не мелькнет ли где это самое пятно, за которым вход прячется...

Молчит старый Хонай. Молчит, на небо смотрит, а там и впрямь тучка гадючая на солнышко напозла, «щупальца растопырила».

– А если дождик на неделю зарядится? – спрашивает.

– Тогда время появится присказку поразгадывать, – Мишка отвечает. Отвечает, а сам глаз от испытующего взгляда старого кайгала не отводит. – Дядя Евлампий-то перед самой смертью Сафиной завещание-то с её со слов записывал. Может и упустил чего.

– Ладно, – кивает Мишке как взрослому старый Хонай, – Будь по-твоему. Думай до завтра, может, и прав ты... – повернулся-пошел он к переправе

Осмелел тут Мишка.

– Дядя Хонай, – говорит-догоняет, – Дядя Хонай. Голова хорошо – две лучше, можно, Чичек к нам сегодня придет – вместе думать будем...

Не обернулся кайгал. Махнул рукой только:

– Придет-придет, – бурчит, – Отправлю его к тебе, как до лагеря до-топаем...

Идти обратно недолго, и задумку свою отцу с Евлампием Мишка объяснил быстро. На ходу.

Взрослые долго не упирались, в ситуации такой везде опасно – лучше уж действительно попробовать, что мальчишка предлагает.

Когда Чичек в лагере появился, Санжа с Мишкой через часок без взрослых с ним поговорили.

Объяснялись недолго. Не раздумывая согласился внук кайгала старого в затее участвовать. Какой же мальчишка откажется от собственного приключения? Разве что «хомяки» городские-компьютерные, но здесь не тот случай.

Сверкают глаза у тувинца. На небо нетерпеливо смотрит – когда же вечер приблизится, время Мишкой рассчитанное.

После шести часов перекусили, а тут как раз и дождик с той самой тучки гадючьей закончился.

Солнышко будто по заказу явилось.

Поднимается Чичек от костра. Карабин свой укороченный на плечо закидывает.

Мишка с Санжой следом.

Пошли.

Когда до самой опушки дотопали, дозорный на коне догнал.

Горланит что-то на тувинском. Вопросы задаёт.

Чичек глянул на него не хуже, чем Хонай Кора-Сол, а когда заговорил, даже у Мишки мороз по коже пошел.

Понимают мальчишки: не ошибся старый кайгал с выбором преемника. Властно отчитал Чичек дозорного. А тот после первых же слов прыти и убавил.

Оправдываться давай. Руками машет.

Подошел к нему тогда Чичек, взял за стремя и еще раз что-то очень назидательное наговорил. Повернулся после к мальчишкам и моргнул – пошли, мол...

Первую минуту шагали молча, а потом Санжа спрашивает:

– Почему он тебя послушался?

Смеется Чичек.

– На роду, – говорит, – У него написано слушаться – я же преемник Хонаевский...

– Не расскажет? – Санжа не успокаивается.

– Не посмеет, – отмахивается от гнуса тувинец, – Нам сейчас не он помеха.

Оказывается, предупредил молодого кайгала дозорный, что второй заслон вокруг лагеря стоит – мол, им не попадитесь.

– Дальше молчим, – Чичек командует, – Молчим-слушаем...

...

Солнечные блики

Дозорных около «Конь-Горы» мальчишки так и не увидели – или где-то дальше они стояли, подходы прикрывая, или вообще их на этом направлении не было.

Чичек все глаза просмотрел – ничего.

– Скоро начнется? – тувинец Мишке шепчет, а тот последние лучики солнечные на «Конь-Горе» высматривает.

Понимает мальчишка: не выйдет задумка – и снова неизвестность впереди. От старого Хоная милостей ждать не приходится, и потому чувствует Птахин-младший каждую оставшуюся секундочку света солнечного.

– Час собаки, – шепчет себе под нос мальчишка, – В час собаки пятно солнечное...

А «Час собаки» уж вот он: шевелит ветер деревья на опушке – будто руками великаны машут. Кусты качнутся – животные диковинные видятся.

Во все глаза смотрит Мишка, не отвлекается. Именно сейчас должна разрешиться загадка шаманкина.

Верит мальчишка, что не ошибся он. Первый раз в жизни цену времени чувствует. Каждая секундочка дорога ему сейчас. Торопит ситуацию Мишка, и хочется ему в то же время, чтобы медленнее секунды эти текли.

Сомнения мальчишку разбирают, завтрашний день быстро проскочит, а разгадка сегодня нужна, чтобы хоть какой козырь на руках был.

Молчит Чичек. Молчит Санжа. Ружья на коленях лежат не шевелятся.

Смотрят пацаны из кустов на голову «Конь-Горы» «шахматную».

Вот и последняя полоска солнечная по скале ползет, на валунах змейкой горбатится. Никогда не думал Мишка, что заход таким причудливым может быть.

«Ну, покажись... – молит он загадочное пятно солнечное, - Покажись – где ты прячешься?»

Метра четыре солнышку еще на гору «поглаживать-прощаться».

Три.

Два.

Темень на мир валится, и видит вдруг мальчишка, как на плесе Додота темном, что тихой заводью под «Конь-Головой» лежит, солнечный блик под водой мерцает.

Еще один.

Еще.

Санжа тоже отблески заметил, Чичека за рукав дергает – пальцем на воду тычет.

Миг, и спрыгнул лучик последний со скалы, а вместе с ним и гладь плесовая в вечернюю темень завалилась.

– Засекли? – Мишка спрашивает, а Чичек на ногах уже.

Фонарик достает.

– Не зря Буян дарил, – смеется, – Водолазный... Чтобы и дождь – не дождь... В самый раз пригодится.

Санжа следом за тувинцем ружье на землю укладывает и штаны-куртку с себя тащит.

– Нырять в одежде лучше, – Мишка их останавливает, – Одежда тепло хоть как держит. – Вспомнил он нравоучения батины.

В одежде так в одежде. Тут не до споров – скоро темнота все закроет – вон остатки теней дневных «в путь» за солнышком собираются.

Звезды первые проклюнулись.

Ветер стих. Кусты-деревья замерли.

Скользят тенями мальчишки на плес тихий по берегу каменистому меж валунов.

По переправе чуть не ползком.

Вот и подножье «Конь-Горы», и вода тихая со скалой приметной. Именно здесь блики солнечные на воде сверкали.

Чичек в воду сразу не полез. Лёг на берег мальчишка, и фонарик в воду опускает-включает.

Хорошо придумал. Отблесков на берегу никаких, а под водой картина занятная открылась.

Когда рябка от руки с фонариком успокоилась, щель в скале увидели мальчишки среди камней темную. В самый раз человек проскочит, и нырять неглубоко – метр не больше.

...

Жертвенник

Темень уже над миром властвует.

Быстро «Час собаки» для мальчишек закончился, но дело свое он исправно сделал.

Пока нырял Чичек на разведку, всё передумал Мишка. Навалились на него вдруг сомнения – а верна ли затея с внуком кайгала старого. Но

понимает мальчишка: не было у них выхода, кроме как ему довериться. В жизнь бы они из лагеря с Санжой не выбрались, а значит пускай все идет, как идет.

Минутка, пока разведчика не было, вечностью мальчишкам, что на берегу остались, показалась.

– Давай... – шепчет Мишка воде и ночи, – Давай появляйся.

Когда лучик фонаря из расщелины трижды моргнул, растаяли сомнения.

Сто процентов Чичек сигналил сейчас с другой стороны, мол, ныряйте быстрее...

Санжа без слов на свет в воду лезет, а тувинец с той стороны фонарик не тушит – направление под водой высвечивает.

Миг. Моргнул свет и опять появился – значит на другой стороне Санжа – Мишкина очередь.

Вода мальчишке не такой уж и холодной показалась.

Как с головой окунулся глаза открыл. Пятно расплывчатое впереди маячит – не промажешь.

Оказывается, пронырнуть-то нужно всего-ничего – метра полтора – не больше.

Вот и поверхность озера маленького блестит-покачивается над головой.

Рука Чичека с фонариком.

– Флырхпст, – вынырнул-хлюпнул Мишка на другой стороне. За край скалы уцепился и из водяного кармана на берег скалистый лезет.

Под руками пыль-крошево. Воздух камнем пахнет. Как выбрался мальчишка на сушу, Чичек осматриваться давай. Фонарем светит и понимают вдруг мальчишки, что давно «обжитые» внутренности «Конь-Горы».

Ступеньки вырублены
наверх по скале – забраться ни-
каких проблем, а на берегу
озерца метрового в расщелинах
скальных кости-палки торчат, и
ленточки полуистлевшие на них
болтаются.

– Жертвенник, – Санжа гово-
рит, – На всех тотемных местах
у нас так. Ножи видите?

И точно – болтаются там-
сям ножны, бисером расшитые.

Рукояти ножей руками отпо-
лированные. Деревянные, костя-
ные, берестяные-наборные.

– Не наши шаманы здесь гу-
ляли, – Чичек ножи-ленточки рассматривает, – Тофаларские, похоже...
Давно...

– Потому Хонай про «Конь-Гору» и не знал – Мишка соглашается, –
Потому и Сафа здесь ценности запрятала.

Только сказал слова эти Мишка, гул раздался. Заныло-застонало
что-то наверху, и кажется мальчишкам, зверь неведомый воет.

Жутко Мишке. Чичек тоже подобрался весь будто перед прыжком, а
Санжа смеется.

– Ветер поднимается, – говорит Гомбоев-младший, – Отец год
назад экспедицию в пещеры Горомын Агы водил. Великана. Много чего
потом рассказывал... Ветер так же у них выл, когда внутри они были...
Сколько времени, интересно?

Действительно время бы сейчас глянуть, но нет ни у кого часов.

Злится на себя Мишка: сколько батя пытался привить ему часы
наручные-командирские – все время уворачивался. Мол, зачем суета та-
кая, если на любом телефоне циферблат электронный есть?

– Пошли? – Чичек спрашивает и на Мишку смотрит.

Тот кивает, мол, давай-свети. Чувствует Мишка, как, после разгадки
им завещания шаманкиного, ждут мальчишки решений именно от него.

Ступени пологие быстро закончились. На «четырёх точках» карабка-
ются вверх мальчишки.

– Не торопитесь, – Мишка шипит, – Один повалится, всех смахнет, а тут как раз Чичек остановился.

– Проход впереди, – взволнованно шепчет мальчишка, – забрались куда-то...

...

Вой

Как на край пещеры залезли мальчишки, усталость на Мишку навалилась. В обычной-то жизни можно хоть до утра беситься, а тут каждую жилочку разом почувял.

Но нет удивляться времени – идти надо, хотя и Чичек вон к скале притулился – ноги вытянул, и Санжа на корточках присел.

Тут снова в проходе вертикальном вой слышится.

– Уауы-ы-ы-у... – несется по проходам голос «хранителей» «Конь-Горы», – Никуда не ходи-и-и...

Может, и верно Санжа о ветре говорил, но вспоминает вдруг Мишка присказку шаманкину: «Вой начнется – наружу не ходи...».

Неожиданно Чичек фонарик тушит. Без предупреждения.

– Шаги слышите? – шепчет.

И впрямь полна шорохами «Конь-Гора».

Камушки цыкают-хрустят – сильно на поступь походит.

Неожиданно в проходе, откуда мальчишки выбрались, свет появляется.

Льется сверху пеленой серебристой, а в свете камушки мелкие сыплются – будто спускается вниз кто-то.

– Аыу-у-у-у-у... – воет голос вдруг еще раз и кажется мальчишкам – ближе он стал.

– Ветер это, – Санжа шепчет, но нет уверенности в словах Гомбоева-младшего.

– Там же ступени наверх идут, – Чичек шепчет, а сам на край скалы ступает и в «колодец» выглядывает.

– Аяа-а-а-а-а, – невидимка сверху воет.

– Шыссы-тык-тук-чик, – камушки сыплются.

Отшатнулся мальчишка тувинец от края – глаза от пыли скальной протирает.

– Нету никого там, – шепчет, – Ступени только. Небо видно. Луна светит...

– Значит, все-таки ветер шутит, – Санжа поднимается, – Пошли что ли?

Вроде и разъяснилась ситуация, а нет спокойствия у Мишки.

«Может, про этот вой Сафа говорила? – идет он следом за Чичеком, – Поверье шаманское или на самом деле снаружи опасно?»

Идут вглубь горы мальчишки.

Луч фонарика по стенам мечется. Три фигурки бредут настороженно – каждый шаг аккуратно пробуют.

Поворот.

Освещает фонарик вдруг пасть огромную, раззявленную прямо по курсу.

Клыки белые чуть не в палец человеческий торчат – глаза огромные – в свете искрятся.

– Ох ты, – только и сказал Чичек, а Санжа с Мишкой как стояли, так и замерли.

– Айа-а-а-а-а, – несется ветра голос и не позади за поворотом он слышится, а прямо от пасти с клыками.

– Рисунок, – Санжа шепчет, и понимает Мишка, что прав Гомбоев-младший – в точности так же на Обтойском «Тотеме Волка» скала фигурная в хищника перекрашена. Только там глаза волчьи внимательно смотрят, а у здешнего «хозяина» красной яростью налились.

– А кто воет-то? – Мишка нервничает.

– Наверняка впереди еще проход наверх есть, – подходит Чичек к скале раскрашенной, а пасть такая здоровенная, что оживи чудище – проглотит мальчишек разом.

– Аы-ы-ы-ы, – стонает впереди ветер.

Ветер? Хотя, может, и так, а не дает покоя Мишке присказка шаманская – где тут явь, а где выдумка?

Санжа уже рядом клыки огромные рассматривает.

– Не буряты рисовали, – шепчет.

– Тоф-хааши, – отвечает Чичек уверенно, – Ихнее место.

– Авва-а-а-а, – из прохода ветер стонет.

Место жертвенное за поворотом оказалось.

Зал ширится.

Палки-ленточки со стен свешиваются.

Вой теперь сверху доносится из расщелины в углу дальнем, а проход закрыт камнями обваленными.

Чичек туда-сюда светит – ничего, и лишь ветра голос над искателями незадачливыми издевается

– Пусто-о-о... – «кричит» он мальчишкам из расщелины, – Пусто! Зря стараетесь!!!

...

Наган и золото

Себя не помнил Мишка, когда до завала дошел.

Нет сил у мальчишки – отчаяние только...

Виделись ему в мечтах-рассуждениях картинки разные. Знал он откуда-то – точно знал, что выйдут они сейчас из-за очередного поворота, и вот они, ящики винтовочные, с ценностями-оружием лежат.

Нет ничего!

Завал явное дело рук человеческих. Соображает мальчишка, что та самая эта пещера обваленная во рту у «Конь-Горы».

Давай мальчишка в отчаянии камни vorочать, какие поменьше.

Один с места ковырнул. Второй на пол свалился. Третий уже Санжа помогал стаскивать из кучи.

– Аы-ы-ы-ы, – ветер воет.

– Тык. – Гулко камень на пол пещеры падает, а из-под него вдруг деревяшка переломленная белеется.

– Посвети-ка! – Мишка Чичеку кричит, а сам ножом колупается.

Деревяшка-то не сучком оказалась – доской от ящика.

Руками рвет ее Мишка, и видит он в свете фонарика блеск масляный на стали вороненой.

Запустил руку внутрь, и чует ладонью рукоятку рубчатую.

Наружу тащит – глазам не верит.

Рев-наган вороненый новенький в руках. В барабане патроны отсвечивают. Честь по чести все.

Чичек с Санжой оружие увидели, смотреть тянутся, а у Мишки вдруг нутро затряслось.

Вот он, клад Сафы и мужа ее Егорова.

Скалу взрывали – не знали, сколько породы внутрь навалится – им главное закрыть было «хранилище» от глаз посторонних.

Разошлись мальчишки раскапывать – остановиться не могут.

За такие булыжники хватаются – жутко становится.

Откуда силы только берутся – иной валун и взрослому не под силу, а сдается он – на пол катится.

Открылся угол штабеля из ящиков винтовочных.

Два первых в сторонке стоят – как и были с оружием.

Верхние ящики по углу разломаны. Мишка доски треснувшие отдирает, а в разломе пачка бумажная с печатями.

Тащит Мишка упаковку, рвет ее и глазам не верит – те самые доллары с индейцем – купюры из истории бабиной.

Год стоит на каждой 1903-й, а выглядят так, будто новенькие.

Пересчитывать не стал, завернул-положил и давай другие ящикиковырять.

– Погоди-ка, – Чичек мальчишку останавливает, – Давай подумаем, что дальше делать.

– Аы-ы-ы-ы, – напоследок ветер из расщелины гукает.

Мишка оглядывается на товарищей, потом кругом смотрит – та еще картинка.

Пасть в профиль со стенки в лучах фонарика на темный проем щерится.

Ленточки на жертвеннике слабым дуновением колышутся.

Ящики, с оружием открытые – блестят масляно. Внутри винтовки-гранаты-наганы беспорядочно навалены.

Патроны россыпью.

Клад из завала торчит углами ящиков.

Где-то там, в глубине, золото слитками и еще какие ценности, но прав Чичек – теперь со всем этим делать что-то надо.

– Если Хонаю покажем – убьет он вас, – Мальчишка шепчет, – Он и так никого не жалеет, а здесь...

– А если не найдем? – Санжа спрашивает.

– Тогда есть шанс выкрутиться, но он все равно вас никуда не отпустит, пока клад не нашарит.

Нет выхода.

– В лагерь возвращаться надо, – Мишка предлагает, – Если не хватились – торговаться секретом будем. Дядя Евлампий придумает что-нибудь...

Молча кивает Чичек, и понимает Мишка: за них мальчишка тувинский – хоть как за них, и не продаст он их деду ни за какие коврижки.

А брать из клада с собою ничего нельзя, и сунул тогда Мишка наган обратно в ящик. Тяжело на сердце у мальчишки: только-только сбылась мечта его. Вот оно, оружие заветное вороным в свете фонарика переливается, но положил мальчишка его в ящик на старое место меж гранат на рукоятках.

Ветер не воет больше – мальчишек не пугает, и налаживаются они в обратную дорогу.

Путь до провала вертикального совсем коротким теперь показался.

Рожа оскаленная за спиной осталась.

Поворот. Еще один... И видят вдруг мальчишки, что не нужен фонарик теперь им.

Рассвет над «Конь-Горой» и Тывой занимается – осветилась пещера.

Чичек фонарь тушит, но секунды не прошло, как выстрел далекий откуда-то снаружи прилетел...

...

Ближний бой

Не успели мальчишки в лагерь вернуться – ей не успели.

Нет часов наручных – пиши пропало. Хоть в завещании шаманкином такой эффект, как «Солнце быстро вернется – глаз не сомкнешь...» – упоминается, а приброесил Мишка, что всего лишь увлеклись они разбором завала – времени не почуяли.

Ну а потом рассвет-то летом хоть как ранний, а после выстрела многое теперь значения не имеет.

Санжа первым сообразил, что делать. Вывернулся Гомбоев-младший на ступени в «колодец» вертикальный и наверх лезет.

Мишка тоже хотел, но Чичек его удержал.

– Ждем, – шепчет, – Разберется Санжа, что там...

А там выстрелы уже один за другим грохают, да ближе теперь.

– Бах! Дадах!

Эхо в колодце мечется, мысли у Мишки тоже мечутся – что там происходит? Но понимает мальчишка: пока выстрелы грохочут – живы отец с дядей Евлампием – или что там еще могло произойти?

Санжи все нет.

Выстрелы реже стали, но не стихают.

Мишка наверх в колодец смотрит и понимает: спускаться Санже сложнее будет. Крутовато...

Только-только он об этом подумал, как ворохнулось что-то в проходе темном позади – шаги не шаги?

Чичек тоже услышал, фонарь зажигает и вылавливает лучик фигурку Санжи метров за пять – видать, расщелина эта тоже наверх выходит, раз Гомбоев-младший отсюда вернулся

– За дядей Евлампием они гонятся! – Кричит, – И за отцом твоим. Без ружей они...

Мишка разом сообразил, что делать надо.

– Ты уходишь, – кричит он Чичеку, – А я им заход покажу. Санжа! Гранаты тащи на озеро вниз штук десять. Фонарик оставишь? – Чичека спрашивает.

Не пожалел мальчишка тувинский подарка Буяновского. Сунул в руку Санже, и обнялись мальчишки.

А Мишка животом уже на крае «колодца» висит – ногой ступени щупает. Как поймал носком опоры, так вниз и «покатился». Одного боится мальчишка – не опоздать бы...

Свет в колодце все сильнее – вот-вот на той стороне рассвет займется.

– Бах! – гудит эхо выстрелов внутри «Конь-Головы», – Дадах!

Как нырял Мишка в воду и сам не помнил – Чичека не ждал, а когда на той стороне оказался, отец с дядей Евлампием метров за десять оказались.

Смотрит Мишка и видит на белой рубашке отца кровь.

– Папка! – Кричит мальчишка, – Папка, ко мне давайте!

Никогда еще не чувствовал такого отчаяния паренек – вот он, отец, за камнем раненый прячется, а вокруг пули цыкают.

– Дах! Бабах!

Но видно, прорвался голос мальчишечий сквозь грохот выстрелов, и увидел отец сына. Рукой с наганом машет, прячась, мол, а подняться никак у него не получается. Со всех сторон обложили – только пули по валунам чиркают.

Видит мальчишка, как шарит батя по карманам что-то, а потом патроны из горсти в наган свой сует. Отстреливаться значит собирается.

Тут крик мальчишечий на языке тувинском над Додотом полетел. Мишка-то во всей возне этой про Чичека и думать забыл, а он тут как тут.

Услышали стрелки голос внука Хонаевского – затихли выстрелы.

– Дядя Евлампий, – кричит каюру мальчишка, – Я сейчас к ним пойду, а вы к Мишке давайте...

Повторять дважды не понадобилось, и когда поднялась мальчишечья фигурка над водой во весь рост, метнулись отец с Евлампием к Мишке в озеро.

Каюр тофаларский тоже хромает, но движется быстро.

Хорошее прикрытие – внук Хонаевский – ни один выстрел не бахнул.

– Куда дальше-то? – Евлампий кричит.

– Ныррем, – Мишка отвечает. – Не глубоко тут... За мной давайте. Когда через проход первым тискался, заперевивал мальчишка – как там взрослые – не застрянут ли?

Но ничего. Через пару секунд оказалась внутри компания – из воды выскочили, что твои пробки...

А Санжа уже здесь. Гранаты штук шесть-восемь рядом стоят на берегу.

– Откуда? – Дядя Евлампий глаза таращит.

– Неважно, – отец бормочет и к гранатам тянется – понял он задумку сыновью.

Ремень из штанов тянет – вязанку делает.

– Вы наверх давайте! – Командует, – Я сам тут справлюсь...

Понимает батя – временная та передышка. Быстро разберутся тувинцы, куда пленники девались, и потому нужно сейчас выход этот хоть как обваливать.

...

Я к тебе приеду

Когда внизу грохнуло, почувал Мишка скалы гул под ногами.

– Как он там? – дядя Евлампий в колодец свесился. В пыль, что снизу поднимается, всматривается.

Мишка тоже рядом прилег, голову свесил.

Тут из завесы пыльной рука мужская появляется.

Вторая.

– Как ты? – Евлампий Птахину-старшему кричит, но не слышит тот его голоса. Течет из ушей сукровица – не иначе контузия.

Голову поднимает, и видит Мишка глаза отцовские азартные.

– Обвалил всё на хрен! – Кричит батя, и вспоминает мальчишка фильмы военные, как бойцы после взрыва оглохшие так же орали...

Выстрелов на улице не слышно. Когда наконец собрались вместе, соображать давай, что делать.

– Выходов нет больше? – Евлампий беспокоится, – Наверху там что?

– Не залезут, – Санжа отвечает, – Скалы отвесные.

– Нашли что-нибудь? – Батя орет.

Мишка маячит ему – тише, мол, а сам фонарик у Санжи забирает и по проходу идет.

Когда до жертвенника дотопали, успокоились взрослые, однако чувствует Мишка нетерпение ихнее – нетерпение и азарт.

Морда раскрашенная никого не впечатлила. Евлампий качнул только ленточки навязанные, будто помолился, и к завалу шагает.

– Вот оно! – Кричит каюр, – Отыскали...

Батя не лучше – «золотая лихорадка» никого не жалует. Сообразил, что не то делает, лишь когда Мишка ему на пальцах показал, мол, бесполезное сейчас богатство это – самим выбираться надо...

Успокоился батя.

– Чего делаем-то? – Орет он Евлампию, а тот воздух слушает и бате показывает – тише, мол. Замолчи.

Непонятно Мишке: напрягся весь каюр – в слух обратился.

Неожиданно звук новый снаружи прорезался. Гудит-бормочет мотора «пение» далекое.

Оживился каюр.

– Ящики ломайте! – кричит, – Костер жечь будем ...

Только тут сообразил Мишка, чего хитрый тоф делать собрался – сигнал вертолету с макушки «Конь-Горы» подавать – где они.

Ничего не понятно Мишке – какие вертолеты? Откуда?

Отцу тоже неясно – чего засуетились все? Еще бы, не слышит ничего Птахин-старший, только-только перестает кровь из ушей вытирать.

Зато Санжа быстро сообразил.

– Здесь дрова потащим, – Кричит он Евлампию и на расщелину тычет, – Подсади-ка меня.

Быстрой тенью заскочил наверх мальчишка, а каюр винтовку из ящика ухватил и разбивает его прикладом кованым.

Разломал и за нижний ящик в стопке взялся – ударил дважды и полетели щепки. Мишка смотрит, а в лучах фонарика желтый цвет появился – слитки золотые.

– Зажигалку давай! – Евлампий отцу кричит, – Да брось ты это золото...

А батя словно опять не в себе – руки к слиткам тянет.

– Дрова подавайте! – Санжа сверху кричит, а гул вертолета все пространство «Конь-Головы» уж заполнил.

Мишка палки ему швыряет, а Евлампий из отцовского кармана «Zippo» зажигалку тащит. Птахин-старший глаза на него таращит, а каюр внимания на контуженного не обращает.

Колпачок со щелчком откидывает, фитилек пальцами треплет и колесико – круть!

Огонек под искрами с кремния сразу занялся.

– Не замокла! – Кричит Евлампий и Санже в расщелину бесценную (после купаний всех) вещицу швыряет.

– Наверх давай! – Кричит он Мишке, – Мы с батей там полезем. – И подсаживать мальчишку в расщелину целится.

Жалко Мишке сокровища найденные оставлять – ой как жалко, а ничего не поделаешь. Кто там на вертолетах прилетел? Оружия не потащишь, золото тяжелое... Разве что...

Крутнулся Мишка юлой по полу, ухватил ту пачку долларов, что первую из ящика выудил, и на руки сложенные к Евлампию запрыгнул...

...

Гул вертолет-
ный пространство
закрывает.

Костер, что
Санжа запалил –
уже без надобности.
Второй круг закла-
дывает Ми-8 со
значками МЧС на
борту вокруг «Конь-
Горы».

Маячит с турели паренек в форме, мол, не получается на колеса
встать – внимательней будьте.

Отец с Евлампием только-только наверх выбрались.

Таращит глаза Птахин-старший на вертолет – руками Евлампию ма-
шет – откуда, мол.

– Хонай сам для нас выручалочку вызвал, – Орет каюр мальчишкам
сквозь гул, – Слово-то секретное для Толика Самбаевского я совсем не
то сказал, о каком договаривались. Собственными руками посыльный
кайгальский помощь нам привел. И дарга сообразил, что делать надо! Мо-
лодец!

Только тут сообразил Мишка, как провел хитроумный тоф-хааши
старого кайгала. Недаром говорил несколько раз Евлампий мальчишкам
держаться все время «Конь-Горы» - удалась задумка.

Много еще вопросов у Мишки, но не задашь их сейчас.

Вдруг пошатнулся Евлампий и за грудь схватился. Между пальцев
струйкой тонкой кровь показалась. Батя мальчишек на землю роняет, а
сам Евлампия на руки подхватывает, чтоб не грохнулся.

Беда!

Увидел вдруг мальчишка фонтанчики пыльные на скале и сообра-
зил: стреляют снизу тувинцы из винтовок – от бессилия собственного
стреляют.

МЧСники ситуацию сразу просчитали – видно, не просто так эти парни незадачливых путешественников спасать собирались.

Когда грохнули с турели «Калашников» по лесу возле «Конь-Горы», понял Мишка: сейчас их хоть как на борт забирать будут.

И точно.

Грохочет «туша» зеленая. Ветер от винтов волосы-одежду рвет, и касается машина скалы одним колесом.

Двое МЧСников уже внизу – с носилками к Евлампии бегут.

Батя мальчишек со скалы поднимает и чуть не пинками к турели их гонит.

Бегут Мишка с Санжой. Бегут и чуют: ловит сейчас в прицел фигурки человеческие на макушке «Конь-Горы» какой-нибудь тувинский стрелок. Вот-вот выстрел грохнет. Вот-вот...

Руки крепкие с турели к мальчишкам тянутся – миг и внутри они.

На пол уложили Мишку с Санжой.

Батя следом запрыгнул. Носилки с Евлампием через край затаскивают-переваливаются кучей малой.

Последним паренек, что с турели маячил, забрался. Лег – ствол «Калашникова» наружу высунул.

Гудит машина – трясется. Мишка смотрит, а вертолет уж вираж закладывает.

Батя на полу сидит, за голову опять держится. Евлампий на носилках лежит, глаза закрытые, на груди кровь.

Понимает мальчишка, что хоть как переиграл их старый кайгал, и к самому старшему офицеру с пола рвется.

– Дяденька эмчсник, – кричит, – Мы улетим сейчас, а те, кто в нас стреляли, клад разграбят.

Тот глаза таращит, а Мишка ему в ухо про золото-оружие кричит.

Отодвинул мальчишку от себя офицер, смотрит пытливым, мол, не сочиняет ли пацаненок? Потом на Птахина-старшего смотрит контуженного, на Евлампия раненого и за рацию берется.

Позывные кричит. Обстановку докладывает.

– Не уйдут теперь, – смеется, и Мишке волосы ерошит, – Как вы сюда попали-то? – Кричит он в самое ухо, а Мишка уже не здесь.

Вертолет еще один круг над зеленью тайги закладывает. «Конь-Гора» над лесом-деревьями стоит, будто фигура шахматная со своими секретами давними.

Мишка бинокль у старшего жестом просит – мол, давайте-ка глянуть. Удивляется тот настойчивости мальчишечьей, но с шеи оптику все-таки тянет.

Жадно прилип к окулярам Мишка. Вот он, берег, где они меньше суток назад втроем на «Конь-Голову» пробирались. Вон опушка, где Санжа ружье свое оставил.

Не зря почуял мальчишка эту секундочку бинокль выпросить – видит он вдруг фигурку тоненькую с карабином укороченным.

Стоит на опушке леса Чичек – ружьем прощально машет.

Потом стреляет вдруг над собой – дымок из ствола.

Еще выстрел.

Кричит мальчишка тувинец что-то, и кажется Мишке, будто понимает он слова его – и даже голос слышит:

– Мишка-а-а-а! Санжа-а-а-а! Я к вам обязательно приеду! Обяза-а-ательно...

Март-июнь 2013 года, город Иркутск